ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (154). Февраль, 2016

Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2016

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)

Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)

В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)

П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия
«Общественные и гуманитарные науки»

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 1 (154). February, 2016

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Vladimir S. Syunev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2016

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)

Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexica)

T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)

V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKIY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)

P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)

K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board
"Social Sciences & Humanities"

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)

P. ZAYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

S. KASCHENKO
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)

U. KILIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

YU. KRIVOSHEEV
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

E. LELIS
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

I. RAZUMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В.
Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска 7

Линник Ю. В.
Почитание Ильи-пророка на Водлозере 13

Назаренко К. Б.
«Клуб для избранных»: русское и европейское офицерство в дневниках В. С. Савонько 19

Акиньшин А. Н.
Архиепископ Игнатий: путь от Петрозаводска до Воронежа 24

Славнитский Н. Р.
Снабжение Выборгского гарнизона в 1710–1712 годах 29

Суворов Ю. В.
Ф. Лассаль о правовых аспектах взаимоотношений общества и государства. 32

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Губанов С. А.
Эпитет в аспекте сочетаемости с субстантивом (на материале творчества М. Цветаевой) 37

Казяба В. В.
Именная транспозиция в сфере никнеймов немецкоязычных интернет-пользователей 43

Неганова Г. Д.
Названия сельскохозяйственных угодий в пространстве культурного ландшафта Костромской низины 49

Николаева О. О.
Текстовая реализация художественного топохроноса в малых повествовательных формах прозы Б. Шлинка 53

Семаков В. В.
Древнерусские претериты в метаязыковых текстах XVII – начала XVIII века 60

Кунильский Д. А.
Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов 68

Сафрон Е. А.
Повесть «Записки домового» О. И. Сенковского: в поисках истоков городской фэнтези. 74

Агапитова Е. К.
Две редакции романа И. А. Ефремова «Лезвие бритвы» 78

Балабан А. И.
Чехов и французский читатель: роль эмигрантов в популяризации творчества писателя 83

Куйкина Е. С.
Античные сюжеты из «Мифологической библиотеки» Аполлодора в творческом восприятии В. А. Жуковского. 88

Дискуссии

Грот Л. П.
Как летописная чудь превратилась в «эстонские племена» 93

Рецензии

Иванова И. П.
Рец. на кн.: Патроева Н. В. Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX–XX веков. 101

Кащенко С. Г., Кащенко Е. С.
Рец. на кн.: История Выборга в документах и материалах. 103

Лобский А. С.
Рец. на кн.: Pelo R. Jokapäiväinen elämämme. 106

Патроева Н. В.
Рец. на кн.: Шестакова, Л. Л. Поэзия в словарном измерении 109

Юбилеи
К 60-летию А. М. Пашкова 111
К 60-летию И. И. Муллонен 112
К 60-летию С. Г. Веригина. 113

Научная информация 114

Информация для авторов 115

Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство "Книга-Сервис"» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу http://biblioclub.ru

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/req.php

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Дата выхода в свет 29.02.2016. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 120 экз.). Изд. № 16

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
Адрес редакции, издателя и типографии:
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 7–12 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 93/94

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРОТОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, академик Академии военно-исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Меншиковский институт» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
p.krotov@spbu.ru

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pashkov@psu.karelia.ru

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ФАДДЕЙ БЛАЖЕННЫЙ: ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПЕТРОЗАВОДСКА

На основе изучения краеведческих сочинений Т. В. Баландина проанализирована информация о Фаддее Блаженном – жителе Петровских заводов и современнике Петра I, местночтимом святом Олонецкой и Петрозаводской митрополии, канонизированном в 2000 году. Особое внимание уделяется письму Петра I ландрату Муравьеву 1724 года, в котором содержится распоряжение о судьбе Фаддея Блаженного. Анализ этого источника позволил прояснить детали в истории взаимоотношений царя и петрозаводского святого.

Ключевые слова: Петр I, Фаддей Блаженный, Т. В. Баландин, Петровский завод, Петрозаводск

В 1703 году в устье реки Лососинки на берегу Онежского озера по распоряжению Петра I был основан Петровский завод (ныне город Петрозаводск). История сохранила имя одного из первых жителей слободы при Петровском заводе – Фаддея Блаженного (Петрозаводского), местночтимого святого, канонизированного 26 октября 2000 года по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия II в кафедральном Александро-Невском соборе Петрозаводска архиепископом Петрозаводским и Карельским Мануилом (Павловым) (1950–2015).

Личность Фаддея Блаженного привлекала внимание многих историков XIX–XX веков, как церковных[1], так и светских[2]. Известный поэт-декабрист Ф. Н. Глинка посвятил ему стихотворение «С железной палкою своей» (конец 1820-х годов) [7: 42]. В конце XX – начале XXI века появился целый ряд публикаций о Фаддее, подготовленных филологом В. В. Ивановым и священником К. Савандером [2: 119–139], [3: 85–96], [11: 150–155], [12: 2]. В храме Александра Невского в Петрозаводске находится современная икона (2002) с изображением св. Фаддея и с эпизодами в клеймах из его жития.

Особое место в историографии Фаддея Блаженного занимают сочинения петрозаводского краеведа Тихона Васильевича Баландина (около 1748–1830), впервые запечатлевшего народные предания о святом. Уроженец Петровской слободы, выходец из купеческой семьи, талантливый самоучка, Баландин по праву может считаться первым петрозаводским писателем и просветителем (см. о нем: [6: 122–130], [7: 14–50], [8: 88–110], [9: 16–19], [10: 87–129]). В детские годы Баландина память об основании Петровского завода и о приездах туда Петра I (царь посетил Петровский завод не менее семи раз в 1719–1724 годах) еще была жива среди местных жителей. Любознательный мальчик стал записывать рассказы «дружелюбных, древних, почтенных» «старцев», собиравшихся в доме его деда и отца, о Петре I, о Петровском заводе и о встречах императора с местным юродивым Фаддеем. К началу XIX века Баландин сформировался как историк-краевед, чему способствовали как впечатления детства и юности, начитанность, широкий кругозор, опыт преподавания в школе, так и успехи просветительской историографии последней четверти XVIII века. В 1808 году он поступил на службу в канцелярию Олонецких заводов и через несколько лет, в 1814 году, «с позволения и приказания» заводского начальства (А. В. Армстронга), завершил свое основное сочинение «Петрозаводские северные вечерние беседы», посвященное истории Петровского за-

© Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В., 2016

вода (в «дополнении» также рассказывается об истории Александровского завода). Сочинение сохранилось в автографе Баландина (БАН, основное собрание, 1.3.37) и было опубликовано[3]. Именно здесь, в главах («вечерах») 26, 28 и 29, Баландин впервые изложил народные предания о св. Фаддее.

Основная информация о Фаддее Блаженном, содержащаяся в этом сочинении, заключается в следующем: Фаддей являлся одним из первых обитателей слободы при Петровском заводе; он был знаком с Петром I (знакомство произошло в 1719 году) и общался с ним во время приездов последнего на Петровские заводы, получив от царя разрешение посещать его дворец; в народной памяти Фаддей сохранился как «прозорливец», человек, способный предвидеть будущее; сделанное Фаддеем в 1724 году предсказание о скорой смерти Петра I вызвало гнев царя, блаженный был взят под «частный присмотр», но на смертном одре царь вспомнил о нем, приказал его освободить и заботиться о нем до его смерти. Кроме того, Фаддей предрек запустение Петровского завода и строительство на его месте в будущем Александровского завода.

История взаимоотношений Петра I и св. Фаддея на основе баландинских «Бесед» уже была изложена и проанализирована В. В. Ивановым [3: 85–96], что избавляет нас от необходимости подробно пересказывать и цитировать источник. Однако рассказ 29-й главы о последней встрече царя и блаженного, во время которой прозвучало пророчество о скорой смерти Петра I, позволим себе привести целиком, поскольку этот эпизод представляет для нас особый интерес.

«Во все же Его величества бывшие пребывания и присутствия на Петровских заводах, имел почтенно-уважаемого блаженного старца Фаддея в виду и пользовался его беседами с удовольствием. И когда уже сближалось время Монарху отправиться в Петербург, то между прочим в окончании разговоров заключил Государь: "Почтенный и блаженный старец Фаддей, прощай! И в молитвах своих воспоминай и на путь наш благослови". При сих словах тронутый старец Монаршими благоснисходительными милостивыми словами и предчувствиями, что уже он в последний раз видит отца отечества – рек в утопающих слезах: "Господь Бог благословит вхождение и исхождение Вашего величества со всею Вашею свитою отныне и до века. Аминь". Наконец, при печальном унынии глубокого молчания и в пролиянии утопающих слез, дополнил сими словами: "Надежа Государь! Вы уже здесь в последний раз оставляете Петровские заводы и нас пользоваться Вашим присутствием и всеми отеческими милостями и более уже к нам не возвратитесь". И еще рек: "Не бывать, Надежа Государь, не бывать"!

Почему таков благословляющий и предвещающий старец, яко за излишество сказанных неприятных предсказаний, был по повелению Его величества содержим под частным присмотром, до оправдающего события, или за излишество слов восприять мзду жребия своего. Сей муж заключения своего стражу почитал пустынным удовольствием и тихим убежищем к спасению своему и в сем огражденном и охраняемом пристанище непрестанные воссылал Господу Богу горячайшие молитвы духом и истиною. <...>

И будучи при толико важных спасительных и благополучных преобразованиях и упражнениях, Великий Монарх, по власти вседержавного всех Царя и Бога, объят был тяжкою и жестокою болезнию, предвещающею к усовершению предвещаннаго достоблаженным старцем Фаддеем события к пресечению его дражайшей жизни. Почему Великий Монарх вспомнил и послал на Петровские заводы курьера с повелением, чтоб почтенного старца освободить честно, с произведением пенсиона по смерть его.

И тако всходствие Высочайшего повеления, достоублажаемый старец Фаддей восприял, при воссылаемой Богу хвале и благодарении достопочтительную свободу к продолжению подвигов христианских. А потом уже Великий Монарх, к невозвратному и неоплаканному сожалению всея России, переселился 1725 года генваря по полуночи в шестом часу в первой четверти в вечное небесное царствие...»[4].

Рассказ о пророчестве блаженного Баландин приводит после сообщения о поездке Петра I на Олонецкие железные заводы 12 октября 1724 года и по логике повествования относит событие к этому времени. Информацию об этой поездке Баландин позаимствовал из сочинения И. И. Голикова[5], однако сообщение о ней отсутствует в «Походном журнале» Петра I за 1724 год. Согласно «Походному журналу», последний раз Петр I посещал Петровский завод в феврале – марте 1724 года[6].

В 1814 году, одновременно с «Петрозаводскими северными вечерними беседами», Баландин написал и отдельную повесть о св. Фаддее, которую разместил по нижнему полю 72–78-й страниц в уже упомянутой рукописи (БАН, основное собрание, 1.3.37) как приложение к 26-й главе.

В этой «Повести» появляются новые детали, отсутствующие в основном тексте «Бесед». Так, Баландин сообщает о том, что Фаддей «родом был Олонецких пределов, из поселян», на Петровском заводе появился в 1706 году, обитал в «малой хижине» близ Петропавловской церкви; более подробно описан внешний облик святого; указана дата его смерти – 1726 год. Насколько можно считать эти сведения достоверными – вопрос открытый, так как никаких других источников, кроме устных рассказов, Баландин не называет, а в устной традиции конкретика (даты,

цифры, имена и пр.) исчезает в первую очередь. В «Повести» подчеркивается христианское благочестие Фаддея, постоянное посещение им церкви, причащение Святых Тайн, приверженность официальному православию и негативное отношение к разным «сектам» и «толкам», под которыми имеются в виду старообрядцы[7].

«Повесть» не является в строгом смысле «житием святого», но ориентацию на агиографический канон обнаруживает. Жизнь и подвиги блаженного описаны в идеализирующем ключе. Как и древние юродивые (Андрей Цареградский, Прокопий Устюжский, Василий Блаженный и др.), Фаддей подвергается «поношениям», «биению», «оплеванию» со стороны «неистовствующих невежд», обладает даром пророчества. Однако характерный для житий юродивых мотив обличения святым высшей власти (ср. в Житии Василия Блаженного) в «Повести» Баландина не нашел воплощения: либо автор не знал таких преданий о Фаддее, либо они не соответствовали его исключительно патриотической пропетровской исторической концепции[8]. Изложение самой истории взаимоотношений Фаддея с царем каких-то новых существенных подробностей в «Повести», по сравнению с «Беседами», не содержит. За одним лишь важным исключением: поскольку цитаты из книги И. И. Голикова в «Повести» отсутствуют, последняя встреча этих двух лиц отнесена к 1724 году – без указания месяца.

В 1818 году Баландин создал новую редакцию «Повести», которая сохранилась в рукописи БАН, собрание текущих поступлений, № 610, л. 64 об.–87 (текст написан писарской скорописью с частичной правкой рукой Баландина). Основные различия между вариантами 1814 и 1818 годов заключаются в том, что в более поздний текст Баландин добавил автобиографическое «Предуведомление», «Похвалу Христа ради юродивым» и небольшой фрагмент из «Бесед», заменил имя священника, исповедовавшего Фаддея перед смертью (Афанасия – на Никиту Ульянова), несколько расширил заключительную часть о посмертном почитании Фаддея панихидами и о посвященной ему часовне. Основное повествование редактированию не подверглось. Редакция 1818 года была опубликована в сокращенном виде (без «Предуведомления» и «Похвалы») архимандритом Фаддеем (Успенским)[9] в 1904 году по рукописи, принадлежавшей жителю Петрозаводска М. Н. Пикину[10].

Публикация Фаддея (Успенского) вводила в научный оборот еще один ценный источник, связанный с Фаддем Петрозаводским, – письмо Петра I петрозаводскому ландрату Муравьеву, в котором царь давал распоряжение о судьбе блаженного. По сообщению архимандрита Фаддея, это письмо было найдено в архиве Морского министерства выпускником петрозаводской гимназии и преподавателем С.-Петербургского археологического института А. П. Вороновым [4: 332–350], сообщившим его текст известному петрозаводскому краеведу и крупному чиновнику И. И. Благовещенскому [5: 67–85]. Последний в свою очередь ознакомил с ним архимандрита Фаддея, который расценил данный источник как «важное доказательство подлинности содержащихся в жизнеописании рассказов о жизни блаженного Фаддея»[11], но детально с «Повестью» Баландина его не сопоставлял. При этом архимандрит Фаддей предположил, что письмо (датировки оно не имеет) было составлено в начальный период общения Петра с блаженным[12]. Позднее это письмо, по выписке А. П. Воронова, несколько раз переиздавалось и цитировалось[13].

Автограф письма Петра I ландрату Муравьеву о Фаддее Петрозаводском сохранился до наших дней – возможность ознакомиться с ним и послужила поводом для написания настоящей статьи. Письмо хранится в РГАВМФ, оно отмечено в каталоге автографов Петра I в фондах этого архива [1: 122]. Ниже даем его публикацию, подготовленную одним из авторов этой статьи, П. А. Кротовым[14]:

Указ императора Петра Великого (без даты) ландрату Олонецкого уезда (дистрикта) Муравьеву об отводе на Петровский завод для прокормления вплоть до его смерти живущего в лесу богомольца Фаддея, почитаемого местными жителями за святого.

Г[осподин] Муравьеф.

Здешней мужик, которого завут Фадеем, стар и кажетца ума лишен. Живет в лесу, приходит и в деревню, которого здесь за чюдо имеют, а худости и расколу не сказавают. Того ради дабы не было блазни[15], велел я его к вам на заводы отвесть, дабы там его кормить до смерти его.

Писарская приписка: *Подан сей Его Императорского Величества указ на Петровских заводах в канцелярии чрез Оштинского погоста жителя Софрона Бескова.*

Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета). Оп. 1. Д. 26. Л. 11. Подлинник. Собственноручный.

В предыдущих публикациях этого письма писарская приписка не воспроизводилась, потому что она не была скопирована с оригинала А. П. Вороновым. Между тем приписка представляется важной для датировки источника. Из нее выясняется, что в канцелярию Петровских заводов письмо доставил житель Оштинского погоста Софрон Бесков.

Все поездки Петра I на Марциальные воды совершались по маршруту С.-Петербург – Петровский завод – Марциальные воды. Только в последнюю поездку Петр I со свитой в марте 1724 года двинулся из Марциальных вод на Петровский завод, а оттуда через Белоозеро в Москву. Походный журнал описывает эту поездку так: *«15-го [марта]. Его императорское величество изволил быть у обедни в церкви Петра и Павла (что у вод Марциальных)... И после обеда пошли Их величества на Петровские заводы и прибыли того же числа.*

16-го. Пополудни в 9-м часу Его величество пошел с Петровских заводов в путь свой в Москву.

18-го. Проехали Белоозеро в вечеру...»[16].

Селение Оштинский погост (ныне село Ошта в Вытегорском районе Вологодской области, в 150 км от Петрозаводска) находилось на пути из Петровского завода на Белоозеро. Если учесть, что большая часть этого маршрута прошла по санному пути по льду Онежского озера, для безостановочного проезда царя заранее были собраны лошади, а скорость движения ямских троек по шоссе была не менее 12 верст в час, а по обыкновенной дороге – не менее 10 верст в час (по нормативам XIX века), то можно предположить, что Петр I сделал кратковременную остановку для перемены лошадей и, возможно, для завтрака в Оште утром 17 марта, то есть на следующий день после отъезда из Петровского завода. Именно тогда было написано письмо ландрату Муравьеву о Фаддее. Доставить его в канцелярию Петровских заводов было поручено местному жителю Софрону Бескову (вероятно, это была обычная практика того времени).

Итак, письмо Петра I ландрату Муравьеву является важным дополнением к тем устным рассказам о Фаддее, которые были собраны и переработаны Т. В. Баландиным в литературное сочинение. Согласно «Повести» Баландина, Фаддей предсказал скорую кончину царя – это пророчество прозвучало в последний день пребывания Петра на Петровском заводе (то есть, в соответствии с «Походным журналом», 16 марта 1724 года) и вызвало гнев Петра I. Поскольку эти мотивы содержатся в литературном произведении, имеющем своими источниками устные предания, их невозможно безоговорочно принимать за подлинные исторические факты. Тем не менее предложенная нами датировка письма Петра I ландрату Муравьеву – 17 марта 1724 года – подтверждает рассказ баландинской «Повести» о том, что царь общался с Фаддеем в этот свой приезд на Петровский завод. Иначе невозможно объяснить, почему, находясь в дороге, в Оштинском погосте, Петр вдруг вспомнил об этом человеке.

Встреча с Фаддеем, судя по всему, произвела на Петра тяжелое впечатление. Что послужило тому причиной? Действительно ли из уст блаженного прозвучало страшное пророчество о скорой смерти царя? Разумеется, любая попытка ответить на эти вопросы уводит нас в область художественного вымысла. И все же отметим, что в этот период Петр I, не отличавшийся крепким здоровьем, по-видимому, уже задумывался о смерти. Не случайно во время пребывания в марте 1724 года на Марциальных водах он отдал важное распоряжение напечатать «все свои прежние указы и повеления, с тем, чтобы то продолжалось и впредь»[17] и послал повеление в С.-Петербург, связанное с его желанием «совершить в Москве со всем возможным великолепием торжество коронации возлюбленной супруги своея» Екатерины Алексеевны, чтобы упрочить ее положение[18].

Ясно одно: в своем письме царь повелевает ограничить свободу «умалишенного» «мужика», держать его на заводе, чтобы тот не ходил «в деревню» (то есть в Петровскую слободу) и «дабы не было блазни», но при этом приказывает «кормить» его до самой смерти. Примечательно, как народное предание, запечатленное Баландиным, переосмыслило этот исторический эпизод: приказ о взятии святого под стражу царь отдает, согласно «Повести», в Петровской слободе, а затем, спустя немалое время, почувствовав приближение смерти, пишет письмо из Петербурга об освобождении юродивого «с произведением пенсиона по смерти его». Конкретный исторический факт, который лишь частично реконструируется благодаря сохранившемуся письму царя, народное предание дополняет новыми подробностями и придает ему нравственно-философское осмысление.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Игнатий (Семенов). Воспоминание о пришествиях Великого государя Петра I в Олонец. СПб., 1849; Павел (Доброхотов). Блаженный Фаддей в народной памяти // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 100 (от 31 декабря) (далее ОГВ); Фаддей (Успенский). Местночтимый подвижник блаженный Фаддей // Олонецкие епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 387–393; № 14. С. 415–421; № 15. С. 450–456 (далее ОЕВ); [Чуков Н. К.] День памяти Блаженного Фаддея в г. Петрозаводске (21-го августа 1909 года) // ОГВ. 1909. № 86 (от 25 августа); Поселянин (Погожев) Е. Н. Петрозаводский юродивый Фаддей // Поселянин (Погожев) Е. Н. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. М., 1991. С. 199–203 [Репринт издания: СПб., 1905].

[2] Епифанов Г. С. Заметки об Олонецкой стороне // Сын отечества. 1839. № 8. Отд. 6. С. 72–88; [Иванов А. И.] Фаддей Блаженный, современник Петра Великого (биографический очерк, составленный по современной рукописи) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858. 2-я паг. С. 216–219 (далее ПКОГ).
[3] См.: Баландин Т. В. Петрозаводские северные вечерние беседы // ОГВ. 1866. № 6–12, 14, 20, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 35–44, 46; 1867. № 5–9 (отд. оттиск: Петрозаводск, 1867).
[4] Там же. № 44. С. 847.
[5] Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Т. 9. С. 153.
[6] Походный журнал 1724 года. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 3–4. 12 октября 1724 года, согласно этому источнику, Петр I из Шлиссельбурга прибыл в Новую Ладогу, затем в этот же день отправился в Старую Руссу, откуда 27 октября вернулся в С.-Петербург (Там же. С. 21).
[7] В. В. Иванов, посвятивший Фаддею Петрозаводскому несколько работ, ошибается, полагая, что «мотив борьбы Фаддея с раскольниками» был впервые введен олонецким архиепископом Игнатием (Семеновым) (см.: [2: 129]). В действительности этот мотив содержится уже в повести Баландина (Фаддей «не допускал к себе приражаться противомудрствующему и разномысленному учению сект»).
[8] Позднее архимандрит Никодим (Кононов) использует такой мотив в «Олонецком патерике»: святой Фаддей упрекает Петра I в том, что во время церковной службы царь «духом был на других местах, строил крепость и обдумывал, как лучше сделать» (Никодим (Кононов), архимандрит. Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 69). Впрочем, и здесь этот мотив призван подчеркнуть не столько неприлежание царя в делах веры, сколько заботу его о государстве.
[9] Фаддей (Успенский) (1872–1937) – деятель Русской православной церкви, в 1903–1908 годах – ректор Олонецкой духовной семинарии, в советское время был архиепископом Астраханским (1923–1928), Саратовским (1928) и Калининским и Кашинским (1928–1937), 20 декабря 1937 года арестован и 31 декабря казнен, в 1997 году причислен к лику святых как новомученик.
[10] Фаддей (Успенский). Местночтимый подвижник блаженный Фаддей // ОЕВ. 1904. № 14. С. 415–421; № 15. С. 450–456.
[11] Там же. № 13. С. 388.
[12] В письме Петр называет Фаддея «умалишенным», но постепенно, как считает архимандрит Фаддей, Петр переменил свое отношение к блаженному и «проникнулся к нему уважением» (Там же. С. 388–389).
[13] См.: Правдин М. С. Из прошлого Олонецкого края: материалы из истории Олонецкого края А. П. Воронова // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1914. Т. 4. № 6–7. С. 125; см. также: [2: 132].
[14] Приносим благодарность протоиерею о. Константину Савандеру, заказавшему в архиве скан-копию этого источника и любезно предоставившему ее нам для изучения и публикации.
[15] Блазн или блазна – здесь: соблазн, искушение.
[16] Походный журнал 1724 года. 2-е изд. СПб., 1913. С. 4.
[17] Чудинов И. К. Олонецкие марциальные воды // ПКОГ на 1858 год. СПб., 1858. 2-я паг. С. 148.
[18] Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Т. 9. С. 85.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автографы Петра Великого в фондах РГАВМФ: Каталог / Отв. ред. Х. ван Конингбрюгге; Науч. ред. В. С. Соболев; Автор-сост. Т. П. Мазур. СПб.: Ольга, 2002. 152 с.
2. Иванов В. В. Сравнительный анализ редакций и вариантов жизнеописания петрозаводского юродивого Фаддея // Иванов В. В. Безобразие красоты: Достоевский и русское юродство. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. С. 119–139.
3. Иванов В. В. Фарисей или святой? К истории образа «святого» – петрозаводского юродивого Фаддея // Православие в Карелии: история и современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 85–96.
4. Пашков А. М. Андрей Воронов – архивовед и региональный историк // Историографические чтения памяти профессора В. А. Муравьева: Сб. статей. М.: Изд-во РГГУ, 2013. Т. 2. С. 332–350.
5. Пашков А. М. В. Е. Рудаков и И. И. Благовещенский: из истории краеведения Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв. // Державинский сборник – 2013. Петрозаводск: Карельский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, 2013. С. 67–85.
6. Пашков А. М. «В стране знатнейших северных холмов…» (Т. В. Баландин – первый историк Петрозаводска) // Север. 1997. № 6. С. 122–130.
7. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии. Петрозаводск: Изд-во Карельского государственного педагогического университета, 2007. 304 с.
8. Пашков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Т. 1. 176 с.
9. Пашков А. М. Т. В. Баландин – малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII – начала XIX вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1991. С. 16–29.
10. Пигин А. В. «Древнейшая в севере состоящая обитель»: Т. В. Баландин и Палеостровский монастырь (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестник церковной истории. 2015. № 1/2 (37/38). С. 87–129.
11. Савандер К. Ю. Блаженный старец Фаддей Петрозаводский // Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск: Петрозаводская и Карельская епархия, 2001. С. 150–155.
12. Савандер К. Ю. Святой Фаддей Петрозаводский. Петрозаводск: Петрозаводская и Карельская епархия, приход кафедрального Александро-Невского собора, 2009. 33 с.

Krotov P. A., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Pigin A. V., Institute of Language, Literature and History. Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

PETER THE GREAT AND FADDEI THE BLESSED: FROM THE HISTORY OF PETROZAVODSK PINAFORE STAGE OF EXISTENCE

Based on the research of the local history publications by T. V. Balandin the information on Faddei the Blessed is studied and analyzed. He was a resident of Petrovsky foundries and a contemporary of Peter the Great. In 2000, Faddei the Blessed was canonized

as a local saint of Olonets and Petrozavodsk metropole. Special attention is paid to the letter written by Peter the Great in 1724 to the member of the provincial court of justice Mr. Muravjev. It contained a decree on the destiny of Faddei the Blessed. The analysis of the document helped to reveal essencial details on the history of relationships between the Russian Tsar and the Saint of Petrozavodsk.

Key words: Peter the First, Faddei the Blessed, T. V. Balandin, Petrovsky foundries, Petrozavodsk

REFERENCES

1. *Avtografy Petra Velikogo v fondakh RGAVMF: Katalog* [Peter the Great's autographs in Russian State Navy Archive funds] / Chief ed. H. van Köningsbrugge; Ed. by V. S. Sobolev; Author and originator T. P. Mazur. St. Petersburg, Ol'ga Publ., 2002. 152 p.
2. Ivanov V. V. Comparative analysis of editions and versions of the biography of Faddei the Blessed from Petrozavodsk [Sravnitel'nyy analiz redaktsii i variantov zhizneopisaniya petrozavodskogo yurodivogo Faddeya]. *Ivanov V. V. Bezobrazie krasoty: Dostoevskiy i russkoe yurodstvo.* Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1993. P. 119–139.
3. Ivanov V. V. ` Pharisee or Saint? To the history of the image of Petrozavodsk "Saint" – Petrozavodsk foolish Faddei [Farisey ili svyatoy? K istorii obraza "svyatogo" – petrozavodskogo yurodivogo Faddeya]. *Pravoslavie v Karelii: istoriya i sovremennost'*. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1987. P. 85–96.
4. Pashkov A. M. Andrei Voronov as an archive scholar and a regional historian [Andrey Voronov – arkhivoved i regional'nyy istorik]. *Istoriograficheskie chteniya pamyati professora V. A. Murav'eva: Sbornik statey*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013. Vol. 2. P. 332–350.
5. Pashkov A. M. V. E. Rudakov and I. I. Blagoveshchenskii: from Olonets province local lore History in the late 19th – early 20th centuries [V. E. Rudakov i I. I. Blagoveshchenskiy: iz istorii kraevedeniya Olonetskoy gubernii na rubezhe 19–20 vekov]. *Derzhavinskiy sbornik – 2013*. Petrozavodsk, Karelian branch of the Russian Presidential Academy of National economy and Public administration Publ., 2013. P. 67–85.
6. Pashkov A. M. "In the country of the most famous northern hills…" (T. V. Balandin as the first Historian of Petrozavodsk) ["V strane znatneyshikh severnykh kholmov…" (T. V. Balandin – pervyy istorik Petrozavodska)]. *Sever*. 1997. № 6. P. 122–130.
7. Pashkov A. M. *Gornozavodskoe kraevedenie Karelii* [Mining local lore studies of Karelia]. Petrozavodsk, Karelian State pedagogical University Publ., 2007. 304 p.
8. Pashkov A. M. *Kareliya i Solovki glazami literatorov pushkinskoy epokhi* [Karelia and the Solovetsk Monastery from the viewpoint of literary men of Pushkin's times]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001. Vol. 1. 176 p.
9. Pashkov A. M. T. V. Balandin – a little-known Petrozavodsk enlighter of the late 18th – early 19th centuries [T. V. Balandin – maloizvestnyy petrozavodskiy prosvetitel' kontsa XVIII – nachala XIX vv.]. *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1991. P. 16–29.
10. Pigin A. V. T. V. Balandin and Peleosrovskii monastery (late 18th – early 19th centuries) ["Drevneyshaya v severe sostoyashchaya obitel'": T. V. Balandin i Peleosrovskiy monastyr' (konets XVIII – nachalo XIX v.)]. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2015. № 1/2 (37/38). P. 87–129.
11. Savander K. Yu. The blessed aged man Faddei from Petrozavodsk [Blazhennyy starets Faddey Petrozavodskiy]. *Olonetskaya eparkhiya. Stranitsy istorii*. Petrozavodsk, Petrozavodsk and Karelian eparchy Publ., 2001. P. 150–155.
12. Savander K. Yu. *Svyatoy Faddey Petrozavodskiy* [Saint Faddei from Petrozavodsk]. Petrozavodsk, Petrozavodsk and Karelian eparchy, Alexandro-Nevsky cathedral parich Publ., 2009. 33 p.

Поступила в редакцию 15.01.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 13–18 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 94(470)

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК
доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

ПОЧИТАНИЕ ИЛЬИ-ПРОРОКА НА ВОДЛОЗЕРЕ

Ильинский погост на Водлозере занимает особое место в духовном пространстве Русского Севера. Он находится как бы на водоразделе – но не географическом, а культурно-историческом: вбирает в себя и западные (Заонежье), и восточные (Поонежье) влияния – синтезирует их. Храм св. Ильи-пророка (1798) имеет кубоватое покрытие – оно характерно для архитектурной традиции, ярко проявившей себя на р. Онега. Но раньше на Малом Колгострове стояла шатровая церковь – широкий спектр этой формы мы находим на берегах о. Онего. Храмовая икона была написана Игнатием Пантелеевым в 1647 году. Церковь неоднократно перестраивалась. Однако со всей определенностью мы можем утверждать, что в период 1708–1798 годов образ «Огненного восхождения пророка Илии» находился внутри шатрового храма: вертикализм, заданный семантикой иконы, как бы поддерживался и усиливался динамикой восьмигранного, сужающегося к зениту покрытия. Создавалась двойная духоподъемная тяга. Этот вектор – устремление к небу – можно проследить и на фольклорном материале, собранном непосредственно в этих местах. В статье делается попытка восстановить целостный контекст культа пророка Ильи на Водлозере, включая как христианские реалии, так и языческие реминисценции, связанные с почитанием Перуна. Влечение к высокому, небесному – важнейшая интенция народной культуры.

Ключевые слова: Ильинский погост на Водлозере, шатровые и кубоватые храмы, икона письма Игнатия Пантелеева, Восхождение, Вознесение

1. Если прямой линией соединить остров Кижи на Онего и Малый Колгостров на Водлозере, то как раз посередине между ними окажется крайне причудливое по своим очертаниям Тубозеро, – именно здесь в одном из прибрежных сел была написана храмовая икона «Огненное восхождение пророка Илии», вскоре переданная вкупе с другими образами заказчикам-водлозерам – она благополучно пребывала в Ильинском храме вплоть до 1966 года, когда была вывезена экспедицией Карельского музея изобразительных искусств. В 1979 году к ее раскрытию приступил Н. В. Перцев. На нижнем поле сквозь копоть стала пробиваться надпись, сделанная белилами: *«Писана икона лета 7155 го году при державе царя и государя великого князя Алексея Михайловича (в)сея Росии самодержца во второе лето благочестивыя державы его, а совершена икона сия тогож году месяца апреля в 6 день».* Далее следует криптограмма – ее расшифровали сотрудники МИИ РК В. Г. Платонов и С. П. Сергеев: *«А писал многогрешный раб первой, а по имени Игнатей Пантелеев»* [14].

Первый – значит старший.

У Игнатия был младший брат Мокей.

В писцовой книге 1646–1647 годов мы можем прочесть: *«Да того же Толвуйского погоста волостка Тубозеро за губою за озером за Онегом, а в ней церковь во имя Рождества Пречистыя Богородицы древяна, а у церкви двор попа Пантелея Самсонова»* [14]. Далее сообщается о том, что дьячком в церкви служит Игнатий, сын Пантелея. Мокей тоже подвизается дьячком. Примечательная семья! Отец – священник, сыновья – причетники. При дворе имеется *келья просвирницына*. Не служила ли она иконописной мастерской Игнатия? Дар изографа засвидетельствован только у него. Нет сомнений: это был недюжинный дар.

Волостка – маленькая волость.

Интересно, что комплекс тубозерских деревень – по-досюльному *волостка* – приписывается к *Толвуйскому погосту.* Такое территориальное деление сегодня кажется несколько странным. Между Толвуей и Тубозером – Заонежский залив. А это в наших глазах – принципиальная граница, разделяющая хорошо различимые культурные миры: Заонежье и Пудогу. Хотя писцовая книга троекратно использует предлог *«за»*, формально создавая эффект нарастающего удаления, но мы чувствуем: Тубозеро – не за тридевять земель; из Толвуи хорошо видны детали и частности его бытия.

Загубье, Наволок, Спировская, Островская, Филина гора, Мишутина гора, Беляева гора – это названия некоторых тубозерских деревень, которые когда-то отражались в зеркалах укромных заливов, обособлявших селения, – каждое должно было смотреться самодовлеющим микрокосмом. Нечто подобное мы и ныне можем наблюдать на Кенозере. А вокруг Тубозера – печаль запустения: от прошлого цветения жизни ничего

© Линник Ю. В., 2016

не осталось. Добавим к списку исчезнувших деревень еще и *Гаршину гору.* Она была ядром *Тубозерской волостки* – мы сейчас как бы укрупняем масштаб, дабы подробнее рассмотреть родину Игнатия Пантелеева. Что могла представлять из себя церковь Рождества Богородицы? Именно ее должен был в первую очередь украсить местный мастер.

Тут возможны лишь гадательные предположения, подкрепленные надежной и эвристичной – как нам кажется – аналогией. Неподалеку от Тубозера находятся Чёлмужи с *шатровой* Петропавловской церковью, возведенной в 1605 году, – на ее строительство делала щедрые вклады опальная Марфа Романова. Она любила наезжать сюда из Толвуи. Переплывала Повенецкий залив!

Еще раз подчеркнем: региональные границы – явление несомненное, но относительное. Они прозрачны для влияний. Тубозеро глядело и на Запад – в сторону Заонежья, и на Восток – в направлении Водлозерья.

Со всех сторон вокруг Тубозера выросло много шатровых храмов. Второй по древности после чёлмужского – соименный ему на озере Сандал (1620 год, Лычный остров).

Шатер доминировал во всем Обонежье.

До многоглавия – им процветут и Анхимово, и Кижи – было еще далеко.

С определенной долей вероятности мы можем предполагать, что шатер венчал и *Гаршину гору* – это сугубо гипотетическое, но важное для нас допущение.

Тубозерская Церковь Рождества Богородицы упоминается в *рапорте исправника Вытегорского Духовного Правления*, который был составлен в 1798 году, – как видим, административное деление к этому времени изменилось. Указанная дата для нас весьма значима – это год, когда на Малом Колгострове обветшавший *шатровый* храм был заменен кубоватым: повторилась эстафета архитектурных форм, столь характерная для середины XVII века.

В 1865 году тубозерская церковь была отстроена заново. Экспедиция 1979 года успела зафиксировать ее жалкие останки.

2. Зачем нам нужны эти экскурсы?

Очень хочется понять, в какую архитектурную среду попала икона, написанная Игнатием Пантелеевым. Из новых разысканий стало ясно, что церковь, потребовавшая в 1798 году полной замены, простояла всего-навсего 90 лет – ее поставили в 1708 году на месте испепеленного молнией храма [10: 29]. Совсем недолгий для деревянного зодчества век! Нет никаких сомнений, что это был шатровый храм. А что предшествовало ему? Тут царит полная неясность.

Вновь прибегнем к аналогиям, но на этот раз зададим им другой вектор: это Юрьегорский монастырь и Троице-Сергиева лавра – отпрыск и корень, следствие и причина.

Е. В. Барсов писал о северной обители, которая считалась самой труднодоступной в России – была оселком для паломников: *«Нынѣ этотъ монастырь упразднёнъ и находится въ предѣлахъ Архангельской губернiи. Мощи основателя его (7142–1633) Дiодора существуютъ и до нынѣ подъ спудомъ. Часть прихожанъ настоящаго Водлозерскаго Ильинскаго погоста, Пудожскаго уѣзда, принадлежала прежде Юрьегорскому монастырю»* [1; 29]. Здесь для нас важно очень тесное сближение Ильинского погоста и Юрьегорского монастыря – оно, и это казус, порой давало повод для их опрометчивого отождествления. Эта аберрация прочно утвердилась в истории деревянного зодчества. Сейчас она развеяна. Однако этим не закрывается вопрос о взаимодействии двух святынь.

Могла ли архитектура обители повлиять на архитектуру погоста?

Насколько реально участие Диодора если не в строительстве Ильинской церкви, то в ее литургической жизни?

Скудные архивные материалы говорят о *клетской* церкви на Юрьевой горе. Но ведь она была не единственной! Какой облик могли иметь другие храмы? Развернем заявленную аналогию.

Решающую, воистину судьбоносную роль в создании Юрьегорского монастыря сыграл келарь Троице-Сергиевой лавры Александр Булатников. Без преувеличений: он был рьяным приверженцем шатров. И вот тому доказательные свидетельства:

– переписчик, сделавший для Александра Булатникова в 1623 году копию лицевого жития Зосимы и Савватия, не только сохранил, но и усилил мотивы шатрового зодчества в изображении соловецкого Преображенского собора – таковые сегодня считаются фантастикой, но осведомленный и требовательный заказчик, многократно и подолгу бывавший на Соловках, принимал их без критики и протеста; никак нельзя исключить то вероятие, что они отражали действительность, которая не стояла на месте – эволюционировала, трансформировалась;

– в 1636 году Александр Булатников возвел в периметре лаврских стен шатровую церковь, посвященную Зосиме и Савватию, – утонченностью и вытянутостью силуэта она напоминает графический образ из жития: если это была имагинация художника, то мы обретаем уникальный пример того, как воображаемое способно влиять на действительное.

Давал ли Александр Булатников архитектурные советы Диодору Юрьегорскому? Конечно, это спекулятивный – и все же законный вопрос: финансируя строительство, трудно не проявить интереса к тому, что будет получено в результате.

Вот наши аргументы – пусть не решающие, но ведь не лишние для стратегии поиска – в пользу той гипотезы, что и на Юрьевой горе, и на Малом

Колгострове уже в XVII веке могли стоять шатровые храмы.

3. 1708–1798 годы: неоспоримо, что в интервале этого времени икона Игнатия Пантелеева «Огненное восхождение пророка Илии» находилась внутри *шатрового* храма.

Для нас этот самоочевидный факт особо значителен – мы хотим дать ему философское и ценностное наполнение, хотя и преломляющее нашу субъективность, но кажущееся нам перспективным в плане познания мировоззренческих основ народной культуры.

Не будем подменять собой простого крестьянина-водлозёра.

Осознанное, отрефлексированное для нас было для него чем-то внерассудочным, подспудным. И тем не менее детерминирующим жизнь духа! Пусть не прямо, а исподволь – через бессознательное.

Порыв шатра в трансцендентное – и взлет огненной колесницы: два импульса должны были суммироваться, создавая единую духоподъемную тягу. Что прекрасней и могучей этого унисона?

Вознесение – Восхождение – восхищение: в этом синонимическом ряду есть что-то разгонистое, разлетистое – одно понятие как бы подхватывает и усиливает другое. Экспрессия нарастает. Выразительные понятия задают основополагающую вертикаль культуры.

Это приоритетное направление.

Культура трансцендирует – движется за грань обыденного – чает небывалого, чудесного – и в этой своей жажде *иного* устремляется прежде всего *ввысь*.

Вдоль вертикали мы призваны подниматься духовно – небо стало нашей энтелехией, притягивающим нас аттрактором. К роли небожителей мы примериваемся уже сейчас.

Известен спор относительно семантики шатра – его суть передает такая дилемма:

– по граням шатра нисходит *долу* божественная энергия – он *осеняет* нас, берет под свою защиту;

– нет, у этих граней иное назначение – вздымание *горе* нашего духа, рывок в занебесье.

Думается, что в этом вопросе надо искать дополнительность – движение вполне можно мыслить двусторонним. Однако в своих рассуждениях мы будем акцентировать вторую версию.

И. В. Евдокимов писал: *«Народное миропонимание, его вера, его свеча поставлена в образе шатрового храма»* [4: 31].

Пламя восходит вверх – совпадает с *Axis mundi*.

До сих пор дискутируется альтернатива: первые шатры строились на *деревянное* или *каменное дело*?

Автор лучшей книги о коломенском Вознесении Н. Е. Роговин писал о стилистических приемах, подчеркивающих взлетность храма: *«...они повторяют архитектурную тему, обычную в деревянном зодчестве Русского Севера»* [12: 7]. Исследователь подбирает соответствующие параллели – наиболее полную и убедительную он находит в далекой Варзуге [12: 10]. Возведенное там Успение датируется 1674 годом. Оно на 142 года младше своего каменного прототипа. Все-таки прототипа! По крайней мере в данной сопоставительной линии.

Семиотически истолковывая форму шатра, Н. Е. Роговин связывает ее с порывностью к небу – видит в ней знак этой порывности. Коломенское подсказывает именно такой подход, содействуя *«выявлению идеи “вознесения”, отвечающей названию храма»* [12: 7].

С точки зрения Н. Е. Роговина, *все шатровые храмы суть храмы вознесенские.*

Пусть спорный, но плодотворный взгляд!

С тезисом Н. Е. Роговина полемизировал М. А. Ильин: *«Это утверждение вряд ли может быть принято, так как в архитектуре невозможно столь прямолинейно воплотить тот или иной жизненный или легендарный факт»* [6: 18]. Аргументация такая: язык архитектуры – не *изобразительный*, а *образный*. Как если бы Н. Е. Роговин видел в шатрах натуралистическое решение темы! Идею Вознесения они воплощают символически. Тем таинственней и несказанней, что условный символ реально несет в себе некий заряд, работающий против гравитации.

Энергетика шатра непосредственно передается нам.

Мы чувствуем отрыв от земли – нам даруется радость полета.

Хочется сказать несколько слов о самобытном исследователе. Николай Ефимович Роговин начинал как художник-авангардист. Он участвовал в первой выставке «Бубнового валета». Потом мы видим его среди экспонентов «Ослиного хвоста» и «Мишени». Вместе с М. Ф. Ларионовым и Н. С. Гончаровой он оформляет книгу Велемира Хлебникова «Мир с конца». Работ Н. Е. Роговина мы не замечаем на советских выставках. Он с головой уходит в изучение древнерусского искусства. Уврaжи, выполненные им в Коломенском, – впечатляющий пример того, как исполнение технического задания переходит во вдохновенное творчество. Наряду с И. В. Евдокимовым, Н. Е. Роговина следует назвать философом русских шатров – и их вдохновенным поэтом.

4. Шатровый храм является достойным обиталищем для Ильи-пророка. Архитектура храма – и заключительный аккорд в житии святого: тут одна динамика. Процитируем ветхозаветное: *«Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо»* (4 Цар. 2: 11).

У храма и колесницы – общая траектория.

Можно и должно говорить о ключевом *архетипе вертикали*. Он получает разное напол-

нение – у него множество алломорфов. Один из них – язык пламени. Здесь не нужно отвеса – огонь восходит к зениту. Это его закон – его природа.

Епифаний Кипрский сообщает такое предание: *«...когда родился Илия, отец его Совах видел в видении, что благообразные мужи приветствовали его, пеленали огнем и питали пламенем огненным»* [13].

Будущий пророк как бы *ассимилировал* в себя пламя. Текучее и зыбкое, оно неисповедимо стало внутренним стержнем его жизни – прямым, неуклонным, неколебимым.

Так впервые в мировую культуру вошел великий мотив *горения духа*.

Искусствоведы иногда пишут: Илья возносится в *огненном шаре.* Перед нами изумительный образ Восхождения из Сольвычегодска (1570-е годы). Сфера – в проекции окружность – четко оконтурена. Изнутри к ней примыкает колесо: в большой круг – по касательной – вписан малый. Может возникнуть ассоциация и с геометрическим чертежом, и со стилистикой орфизма. Композиция кажется несколько рационалистичной. Этим однако не снимается эмоциональное напряжение.

Но вот другое решение – с возмущением симметрии: вместо шара – *луковица.*

Процитируем высказывание Е. Н. Трубецкого относительно данной формы: *«...это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся»* [15: 9].

Облако, в котором возносится Илья-пророк, часто похоже на такую луковицу. Провиденциальное сходство! Покрытие кубом – оно венчает Ильинскую церковь на Малом Колгострове – тоже моделирует пламя. Перейдя из шатровой церкви в кубоватую, храмовая икона не потеряла в архитектурной поддержке – сложение импульсов имеет место и здесь.

Тема Вознесения в культурной традиции, восприемницей которой стала Русь, начинается с патриарха Еноха. Среди ветхозаветных апокрифов, имевших широкое хождение на нашем Севере, мы находим и «Книгу Еноха» – для нас особо значима ее так называемая *славянская версия.* Древнерусских интеллектуалов привлекали в ней и сам пафос Вознесения, и его результаты – возможность охвата мира как целого, небывалое расширение горизонтов. Читатель примеривался к точке зрения, занятой Енохом, – и ему открывалась величественная, насчитывающая семь ярусов иерархия небес, напоминающая в чисто структурном отношении пифагорейскую гармонию сфер. Определенные аллюзии этой гармонии мы находим у Дионисия в Ферапонтовом монастыре – одна из фресок изображает Еноха внутри системы концентрических окружностей. Позволив себе сугубо формальный анализ, обратим внимание на следующее: положение нимба на фреске Дионисия изоморфно положению колеса в сольвычегодской иконе. Вполне возможно конгруэнтное совмещение двух композиций. Круг, сфера – это своеобычные и модели, и символы космоса: знаковое, условное тут совпадает с вещным, конкретным. Через тему Вознесения – в разных ее преломлениях – развивался народный извод философии, называемой сегодня так: *русский космизм.*

В северных монастырях охотно переписывалось «Откровение Варуха». Приведем отрывок оттуда: «*И взял меня ангел сильный и привел меня туда, откуда Солнце выходит. И показал мне колесницу огненную, кони той колесницы были как ангелы крылатые. На колеснице же сидел муж, а на голове у него был венец огненный»* [9: 490]. В этом тексте четко просматриваются реалии солярного культа. Колесница Ильи-пророка возьмет выше – умчит человека, ушедшего от смерти, за пределы Вселенной.

Наши пращуры зачитывались «Александрией».

Фантасмагорический сюжет – «Вознесение Александра Македонского на грифонах» – был весьма любим на Руси. Очень органично эта сцена смотрится на юго-восточной закомаре Дмитровского собора во Владимире (1191–1197 годы). Она волновала воображение – впечатывалась в сознание. А дальше могли воспоследовать ее весьма вольные, хотя и внутренне закономерные трансформации – так, краевед А. Иванов полагает, что простой народ усматривал в ней *«известный и близкий его сердцу образ женщины-богини, которая, олицетворяя собой солнце, на небесных конях или птицах парит в небе. Инородный сюжет в народных вышивках действительно стал сильно походить на прочие изображения женщины в окружении всадников»* [5]. Подобные вышивки еще недавно можно было увидеть едва ли не в каждом доме окрест Ильинского погоста. Это неявная параллель к вертикали Вознесения. Женская фигура на подобных вышивках часто дается в позе адорации. Будучи алломорфом мирового древа, богиня вскидыванием дланей как бы подчеркивает направленность его роста: непреложно – к зениту.

Адорация – и *Вознесение*: первая предуготовляет второе.

Сейчас мы начинаем задавать Ильинскому погосту этнографический контекст. Доверясь игре ассоциаций, предшествующих системному сравнению, мы вскоре обнаруживаем: вокруг нас много адорирующих персонажей.

Вспомним петроглифы Бесова Носа – и доминирующий среди них женский образ с поднятыми к небу руками.

Вспомним каргопольских берегинь, так похожих на критские статуэтки.

А вот Благовещенская церковь в Турчасове: она роднится с Ильинским погостом не только своими кубоватыми храмами – связь тут проходит и через Диодора Юрьегорского, родившегося в этих местах. В изображении В. В. Суслова цер-

ковь выявляет свою глубинную антропоморфность. Разве не напоминает она о вдохновенном жесте адорации?

На огромной синайской иконе – 129,1 х 69 см – Илья-пророк дан фронтально.

Святой адорирует.

Вскоре над ним закрутится огненный вихрь – и это станет ответом на его взывание к небесам.

5. Илья-пророк пришел на Русь из далекой Иудеи – переселился в совсем другой эон из IX в. до н. э. Почему так легко и быстро он ассимилировался в незнакомой, совершенно чуждой ему среде? Илья был принят как свой – без малейшей ксенофобии – на правах сущностного родства.

Конечно, адаптация имела место – но безболезненной ее сделало *единство архетипа*.

Первенствует именно архетип. На его порождающую матрицу могут накладываться разные образы. В нашем случае это такая последовательность: *Перун – Илья-пророк – Илья Муромец*.

Малый Колгостров дает богатейший материал для изучения двоеверия.

Еще в середине XIX века празднование здесь Ильина дня предполагало приношение в жертву *рыжего быка*.

Это хорошо известный мотив.

Читаем в «Ригведе»:

Я хочу сейчас провозгласить силу крепкого Рыжего быка (и) жертвенные раздачи Джатаведаса [11: 97].

Н. Н. Харузин утверждает: бык именно этой масти нужен был для того, чтобы *«пророк Илья дал хорошую погоду для сенокоса и уборки хлеба»* [16: 344].

Считалось возможным замещение быка лосем. Читаем у К. К. Логинова: *«...принесение в жертву рыжего, т. е. “солнечного” животного, на Водлозере имеет архаические корни. По преданиям водлозёров, во времена легендарные вместо быка на острове приносили в жертву лося, который сам приплывал к людям с о. Гольяницы»* [7: 62–63].

Солнечное и *молнийное* были амбивалентными в народном сознании.

Бог-громовник мог нести в себе интенции солнцепоклонничества.

Выразительную аналогию к нашему двоеверию мы находим у эллинов – ветхозаветный Илья там тоже был принят с радушием, но наложение нового на старое имело иной вид. У нас – Перун, у эллинов – Гелиос. Существенно ли это различие? Думается, что оно второстепенно, эпифеноменально – в архетипических глубинах два культа конвергируют. Алгоритм перехода языческого в христианское – с неявным их совмещением, своего рода симбиозом – абсолютно одинаков у двух православных народов. О. Ф. Миллер пишет по этому поводу: *«Так и у нынешних Греков сказания древних об И л и о с е (солнечном божестве) оказываются перенесенными на Илью пророка (чему могло содействовать самое созвучье имен; солнечные же во многих отношениях сродны с громовыми)»* [8: 761].

Илья-пророк – и Илья Муромец: контаминация этих образов должна была ощущаться на Малом Колгострове со всей непосредственностью.

Даровитый сказитель Савелий Кузмич Панов жил в Куганаволоке. Трудно допустить, чтобы его не влекло сакральное средоточие Водлозерья – Малый Колгостров. Пусть воображение поможет нам представить, как под сенью Ильинской церкви он поет старину о Илье Муромце – записанный А. Ф. Гильфердингом текст несет печать яркой авторской индивидуальности [3: 79]:

А й как приехал он ко крутой горы,
А й как поднялся его добрый конь от сырой земли,
А й как поднялся конь как ясён сокол,
А й ён повыше ведь лесу стоячаго,
Как пониже облачка ходячего...

Знаменитый *богатырский скок* коня Ильи Муромца! Можете его узреть перед колесницей Ильи-пророка? Правда, взял он пониже стремительной четверки – не перекрыл высоту облака. Однако общая порода неоспорима.

У Ивана Поромского – жил он на соседнем Кенозере – конь так и просится на икону Восхождения [3: 154]:

У коня изо рта-то пламя машё,
Из ноздрей у коня да кудряв дым валит.

На пути к Водлозеру лежит Рагнозеро. От Осипа Ивановича Дмитриева тут записана уникальная сказка «Про Бан царицу, огненную колесницу». Иконный образ повлиял на фольклор – обрел в нем новую форму бытия.

Русский человек искони тянулся к небу.

Вот строки из «Голубиной книги» – записана П. Н. Рыбниковым от калики Ивана на Купецком погосте, что на Пудоге [2: 292]:

Правда будет взята Богом с земли на небо,
А Кривда пойдёт она по всёй земли.

В поисках этой правды – дабы подняться в запредельную высь – наши пращуры создавали различные орудия: и мечтательные, и реальные.

Каменное Вознесение в Коломенском (1532 год) – и деревянное Вознесение в Пияле (1651 год): впечатляет своей глубиной связующее их созвучье. Рядом с этими шатровыми храмами – двумя проявлениями одной идеи – прекрасно смотрится *огненный столп*, однажды представший св. Диодору на Юрьевой горе.

Многократно – и многообразно – акцентирована на Руси главенствующая вертикаль. Окончательно утвердило ее Христово Вознесение: «*Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознёсшийся от вас на небо, придет таким же*

образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян. 1: 9–11).

Восхождением Ильи-пророка предвозвещается Вознесение Иисуса Христа.

Искусство Русского Севера сохранило нам память о том, сколь искренне и проникновенно наш народ сопереживал два этих мистериальных события – одно грандиознее другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. С. 3–29.
2. Бессонов П. Калеки перехожие. М., 1861. 828 с.
3. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т. 3. М.; Л., 1951. 672 с.
4. Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда, 1921. 232 с.
5. Иванов А. Тысяча лет на Воре. Семантика домовой резьбы ворьских сел и деревень [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.library.krasno.ru›Pages/Kraevedenie/Ivanov_1000. Дата обращения 15.08.2015.
6. Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М., 1980. 280 с.
7. Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. 292 с.
8. Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. 830 с.
9. Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. М., 1999. 896 с.
10. Пигин А. В. Неизвестные факты из истории Ильинской церкви на Водлозере // Ильинский Водлозерский погост. Петрозаводск, 2009. С. 25–37.
11. Ригведа. М., 1993. Мандала VI, 8. К Агни-Вайшванаре. С. 97.
12. Роговин Н. Е. Церковь Вознесения в Коломенском. М., 1942. 24 с.
13. Святой пророк Илия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/910383.html. Дата обращения 23.08.2015.
14. Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rus-ico.ru›artists/p/panteleev_ignaty. Дата обращения 28.08.2015.
15. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М., 1916. 44 с.
16. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. С. 302–347.

Linnik Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VENERATION OF THE PROPHET ELIJAH IN VODLOZERO

Ilinskiy Pogost located in Vodlozero is regarded as a special asset in the spiritual space of the Russian North. It is located on the so to say watershed – not a geographical divide, but a cultural and historical ridge. It absorbs both types of influence: the western (Zaonezhie) and the eastern (Poonezhe) ones and synthesizes them both. The Church of the prophet St. Elijah (1798) has a cubical covering, which is characteristic of the architectural tradition applied in the structures erected on the shores of the lake Onega. Long before that time, the Small Colgostrov had a tent-shape church – a wide range of such architectural structures can be found on the shores of Onega Lake. The main temple icon was executed by Ignatius Panteleyev in 1647. The Church was rebuilt several times, nevertheless, with all certainty, we can ascertain that in the period of 1708–1798 the image of "The Fiery Ascent of the Prophet Elijah" was exhibited inside the tent-shape church: verticalism specified by the semantics of the icon was supported and amplified by the dynamics of the octagonal tapering toward the Zenith of the coating. Such architectural solution incited doubled spiritual craving. This vector – aspiration to the sky – can be traced in the folklore material collected directly on the site. An attempt to restore the holistic context of the cult accomponing the prophet Elijah in Vodlozero is described in the article. The research also includs the study of Christian realities and pagan reminiscences associated with the worship of Perun. The aspiration toward sublime and heavenly is the most important intention of the local folk culture.

Key words: Ilinskiy Pogost of the Lake Vodlozero, tent-shape and cubical temples, the icon of Ignatius Panteleev, ascension, levitation

REFERENCES

1. Barsov E. V. Alphabetical index of monasteries and deserts, abolished and existing in the Olonets diocese with their priors [Alfavitnyy ukazatel' monastyrey i pustyn', uprazdnennykh i sushchestvuyushchikh v Olonetskoy eparkhii, s ikh nastoyatelyami]. *Pamyatnaya knizhka Olonetskoy gubernii na 1867 god*. Petrozavodsk, 1867. P. 3–29.
2. Bessonov P. *Kaleki perekhozhie* [Cripples' wandering]. Moscow, 1861. 828 p.
3. Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny* [Onega epics]. Vol. 3. Moscow; Leningrad, 1951. 672 p.
4. Evdokimov I. V. *Sever v istorii russkogo iskusstva* [The North in the history of the Russian art]. Vologda, 1921. 232 p.
5. Ivanov A. *Tysyacha let na Vore. Semantika domovoy rez'by vor'skikh sel i dereven'* [A thousand years on the Thief. The semantics of carving in Vorskii villages]. Available at: http://www.library.krasno.ru›Pages/Kraevedenie/Ivanov_1000
6. Il'in M. A. *Russkoe shatrovoe zodchestvo. Pamyatniki serediny XVI v.* [Russian tent-roofed architecture. The monuments of the middle XVI century]. Moscow, 1980. 280 p.
7. Loginov K. K. *Etnolokal'naya gruppa russkikh Vodlozer'ya* [The ethnic group of Russians in Vodlozero area]. Moscow, 2006. 292 p.
8. Miller O. *Il'ya Muromets i bogatyrstvo kievskoe* [Ilya Muromets and epic heroes of Kiev]. St. Petersburg, 1869. 830 p.
9. Mil'kov V. V. *Drevnerusskie apokrify* [Ancient Apocrypha]. Moscow, 1999. 896 p.
10. Pigin A. V. Unknown facts from the history of the Church of St. Elias on the Lake Vodlozero [Neizvestnye fakty iz istorii Il'inskoy tserkvi na Vodlozere]. *Il'inskiy Vodlozerskiy pogost*. Petrozavodsk, 2009. P. 25–37.
11. *Rigveda* [Rigveda]. Moscow, 1993. Mandala VI, 8. K Agni-Vayshvanare. P. 97.
12. Rogovin N. E. *Tserkov' Vozneseniya v Kolomenskom* [The Church of the ascension in Kolomenskoye]. Moscow, 1942. 24 p.
13. *Svyatoy prorok Iliya* [St. Elijah the prophet]. Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/910383.html
14. *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vv.* [The dictionary of Russian icon painters of the XI–XVII centuries]. Available at: http://www.rus-ico.ru›artists/p/panteleev_ignaty
15. Trubetskoy E. N. *Umozrenie v kraskakh* [Speculation in paints]. Moscow, 1916. 44 p.
16. Kharuzin N. N. Of the materials collected among peasants of Pudozh district, Olonets province [Iz materialov, sobrannykh sredi krest'yan Pudozhskogo uezda, Olonetskoy gubernii]. *Olonetskiy sbornik*. Petrozavodsk, 1894. P. 302–347.

Поступила в редакцию 03.09.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 19–23 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 94(47)083

КИРИЛЛ БОРИСОВИЧ НАЗАРЕНКО
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
k.nazarenko@spbu.ru

«КЛУБ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ»: РУССКОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО В ДНЕВНИКАХ В. С. САВОНЬКО*

Дневники русского гвардейского офицера В. С. Савонько, недавно приобретенные Отделом рукописей РНБ, представляют собой ценный источник по истории русской гвардии и особенно гвардейского офицерства предреволюционной эпохи. Для того чтобы дать правильную оценку этому источнику, необходимо проанализировать систему подготовки офицеров, сложившуюся в сильнейших армиях Европы (русская, германская, французская, австро-венгерская) к концу XIX века. Изучение этого вопроса привело автора статьи к выводу, что во всех европейских армиях офицерский корпус продолжал оставаться клубом для избранных. В разных странах барьеры для проникновения в офицерскую среду выходцев из низких социальных слоев были оформлены по-разному, но везде они действовали одинаково эффективно. В роли таких барьеров могли выступать законодательно оформленные сословные привилегии, плата за обучение в военно-учебных заведениях, длительный срок обучения в них, негласная фильтрация их абитуриентов, отбор кандидатов для службы в определенном полку обществом офицеров, высокие требования к стандартам жизни офицера, которые предполагали дополнительные расходы. Необходимость обеспечить офицерским корпусом массовые армии приводила к тому, что офицерство могло расслаиваться, выделять из своей среды более и менее привилегированные слои. Кроме того, вооруженные силы вынуждены были выполнять в ряде стран (прежде всего в России) роль рассадника культуры и образования, что ставило перед ними дополнительные задачи.

Ключевые слова: офицерский корпус, подготовка офицеров, В. С. Савонько, вооруженные силы

В Российской национальной библиотеке ныне хранятся дневники Владимира Степановича Савонько (1877–1939), охватывающие десятилетие – 1899–1909 годы. Их автор в течение всей своей службы в дореволюционной армии был офицером лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Одновременно в 1905–1906 годах В. С. Савонько учился в Петербургском археологическом институте, он был одним из основателей Военно-исторического общества, проявил себя как публицист. Личность В. С. Савонько должна быть поставлена в контекст эпохи и среды, представителем которых он был. Будучи гвардейским офицером, автор дневников вращался в придворно-военных кругах, где чувствовал себя своим человеком. 25 ноября 1899 года В. С. Савонько записал в дневнике: «Состоялся бал в артиллерийском училище, а перед ним концерт юнкеров. Присутствовали: В[еликие] К[нязья] Михаил Николаевич, Сергей Михайлович, Андрей Владимирович (бывшие юнкера училищ) и весь артиллерийский “high life”[1] (я был)»[2]. Иногда этикетные тонкости военно-придворной среды, фиксируемые автором дневника, ускользают от понимания историка. Например, 24 апреля 1900 года В. С. Савонько записал: «…завтрак, обычно устраиваемый офицерам 23 Артиллерийской бригады, состоялся у нас в собрании в 1 час дня. Генерал Ляпунов провозгласил процветание 23 бригады стаканом красного вина (!?). Генерал Ярыгин (командир 23 Артил[лерийской] бр[игады]) ответил стаканом белого! Некорректность нашего командира была исправлена шампанским после обеда, которое потекло рекой часов до 4-х дня»[3]. 1 января 1902 года автор записывает свои впечатления о высочайших особах, как о старых знакомых: «К 10½ часам утра был по наряду в Зимнем Дворце на Высочайшем выходе, который состоялся в двенадцатом часу. Государь шел с Императрицей Марией Феодоровной. Императрица Александра Феодоровна с Сиамским Наследным Принцем. Это было довольно комично. Принц – маленький с мало интеллигентной физиономией. Он был в военной форме с длинным палашем. Государь показался мне немного бледным. Мария Феодоровна начинает делаться сутуловатой, Александра Феодоровна, как всегда, была в красных пятнах. Она старалась приветливо улыбаться и кивала головой. Государь кланялся едва заметными кивками»[4].

В. С. Савонько окончил старейший в России 1-й кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище (в 1898 году) и был в первую очередь офицером русской гвардии, что ясно отразилось в его дневнике. Однако его больше привлекала преподавательская и просветитель-

© Назаренко К. Б., 2016

ская деятельность, чем строевая служба. 5 декабря 1899 года в дневнике появляется запись: «В бригадной учебной команде я рассказывал нижним чинам о “введении христианства на Руси” (начало истории русского государства), причем было показано 35 туманных картин». 10 декабря того же года: «Рассказывал (я) в учебной команде об “Александре Невском” с 19 туманными картинами. Эти лекции я связываю между собою, дабы получить непрерывную историю России “вкратце”». 23 февраля 1900 года: «Читал в учебной команде о “книгопечатании на Руси” с 27 туманными картинами»[5].

Вместе с тем В. С. Савонько ощущал себя историком-любителем, публицистом и коллекционером. В литературе неоднократно отмечался вклад русского офицерского корпуса в культуру, науку, другие отрасли человеческой деятельности, далекие от военного дела. «Примеры можно продолжать и продолжать, но вряд ли вызывает сомнение тот факт, что русское офицерство как в целом, так и через отдельных своих представителей было неразрывно связано со всеми областями отечественной культуры, было частью творившего ее социального слоя и внесло огромный вклад в ее развитие. Какую бы сферу культурной жизни России мы ни взяли, всюду оставили благотворный след люди в золотых погонах, выпускники кадетских корпусов и военных училищ» [2: 348].

Вообще образ «идеального» офицера в русской армии второй половины XIX – первой половины XX века был связан с представлением об «интеллигентности», то есть о широком кругозоре, гуманитарной образованности (прежде всего по классической военной истории). Еще в 1930-е годы маршал И. Э. Якир поднимал свой авторитет среди подчиненных, рассказывая, как понравилось И. В. Сталину то, что он мгновенно смог «набросать» схему расположения войск Ганнибала в битве при Каннах[6].

В то же время известный военный публицист 60–80-х годов XIX века Р. А. Фадеев отмечал, что ошибочно требовать от младшего офицера общей образованности, широкого кругозора. «Сумма познаний, нужная офицеру не специальных оружий (то есть не артиллерии и инженерных войск, а пехоты и кавалерии. – *К. Н.*) для отличнейшего исполнения его обязанностей, весьма ограничена. В то же время военное дело составляет такую специальность, в которой характер человека, его инстинктивные способности, сметка, быстрая решимость, умение заслужить доверенность толпы, играют первую роль и могут поставить его очень высоко в своем ремесле. Отталкивать таких людей из-за алгебры и французской истории было бы китайским педантством»[7].

К концу XIX века в ведущих европейских странах сложились системы подготовки офицеров, имевшие национальные особенности. В России при подготовке кадровых офицеров делалась ставка на молодых людей, прошедших многолетнее обучение в кадетских корпусах и военных училищах. При этом в числе учебных предметов большое место (около половины учебного времени) занимали общеобразовательные предметы. Юнкерские училища были предназначены для обучения молодых людей, не прошедших обучения в кадетских корпусах. Из военных и юнкерских училищ выпускалось приблизительно равное число молодых офицеров, но во время службы выпускники военных училищ имели явные преимущества перед выпускниками юнкерских училищ, которые считались офицерами второго сорта.

Одной из задач, которые ставились перед кадетскими корпусами и военными училищами в России, было уменьшить отсев воспитанников, поскольку это понижало эффективность деятельности этих учебных заведений (сумма затрат в пересчете на одного выпускника). В результате к началу 80-х годов отсев понизился до 8 %. Фактически всем поступившим в военное или юнкерское училище гарантировалось производство в офицеры, так что конкуренция между воспитанниками была исключена. Такая практика оправдывалась необходимостью воспитания в офицерах тесной, семейной сплоченности.

После окончания военного училища офицер считал свое образование законченным. Лишь небольшой процент офицеров русской армии оканчивал затем Академию Генерального штаба или одну из специальных академий (Артиллерийскую, Инженерную, Военно-юридическую и др.). Также невелико было число офицеров, повысивших свою квалификацию в офицерских школах (стрелковой, кавалерийской, артиллерийской, воздухоплавательной и др.). Система занятий с офицерами в частях практически не существовала.

Основным источником пополнения рядов офицеров запаса были вольноопределяющиеся, имевшие определенный образовательный ценз, отслужившие 1–3 года в армии и сдавшие экзамен на прапорщика запаса. Несмотря на предпринятые властями усилия по привлечению образованных молодых людей на военную службу, некомплект офицеров запаса был ужасающий, доходивший до 75 % потребности военного времени[8].

Русская и германская системы были в значительной степени противоположны. Важной особенностью немецкой системы подготовки офицеров была высокая конкуренция среди кандидатов. Военные школы в Германии комплектовались в основном из числа одногодичных вольноопределяющихся, служивших рядовыми в армейских полках. До военной школы доходило около 15 % поступивших одногодичными воль-

ноопределяющимися. Правда, из них далеко не все мечтали стать кадровыми офицерами. Однако считался нормой отсев из военной школы в 25–30 % набора, а уж в военные школы шли те, кто желал стать кадровым офицером. Популярность офицерской службы в Германии была такова, что часть молодых лейтенантов служила сверх штата без жалованья. Особенно характерной такая ситуация была для артиллерии, где производство в чины было более быстрым, чем в пехоте или кавалерии, и многие ждали открытия вакансии в надежде на ускорение карьеры в будущем.

Другой особенностью немецкого офицерского корпуса были постоянные занятия, которые вели в частях с молодыми офицерами. Считалось, что холостой офицер должен посвящать весь свой досуг изучению военного дела. В результате современникам бросалась в глаза узость кругозора, ограниченность общего образования, но высокие профессиональные качества немецких офицеров.

Германская система подготовки офицеров была уникальна вследствие уникальных условий тогдашней Германии. Прежде всего, высокий уровень образования населения (которым не могла похвастаться, скажем, Россия), что позволяло черпать образованных кандидатов в офицеры и спокойно смотреть на их большой отсев. Затем высокий престиж армейской службы вообще и офицерской в частности. Последнее обстоятельство во многом связано с сохранением в Германии, особенно в Пруссии, мелкого дворянства, которое сохраняло определенную земельную собственность и представления о чести сословия, которое обрекали на военную карьеру (чего не существовало во Франции). Важным было отсутствие острых национальных противоречий в Германии, что позволяло отказаться от обязательного многолетнего обучения в закрытых учебных заведениях, где будущие офицеры получали «прививку» от национально-освободительного духа (проблема, характерная для Австро-Венгрии).

Во всех европейских армиях офицерский корпус продолжал оставаться клубом для избранных. В России главным барьером для проникновения «нежелательных» элементов в офицерский корпус были сословные ограничения. В других странах, где сословная структура была уже сильно разрушена, роль барьера играла плата за обучение в военно-учебных заведениях или за службу вольноопределяющимся. Во Франции существовала особая комиссия, определявшая «общую пригодность» абитуриентов и допускавшая их к вступительным экзаменам в Сен-Сир. Критерии «общей годности» публично не формулировались и позволяли учитывать негласные требования руководства страны и армии [4: 26–27]. В Германии этот барьер принял вид голосования офицеров полка по кандидатуре новичков. Эффективность такого способа была очень велика. Например, несмотря на формальную отмену вероисповедных ограничений еще в 1815 году, ни один иудей не стал офицером (хотя бы и запаса) прусской или германской армии до революции 1918 года. В кадровые офицеры был закрыт доступ даже крещеным евреям. Существовали отдельные полки, куда не допускались и выходцы из буржуазии [3: 224–226, 233–235].

Нечто подобное имело место и в России, но только в избранных гвардейских полках, когда желавший служить в полку молодой человек должен был получить неформальное согласие на это общества офицеров[9]. В. С. Савонько рассказывает об истории, связанной с нежеланием офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады допустить в нее группу офицеров, вернувшихся после окончания Михайловской артиллерийской академии со значительным повышением в чине. Командование заставило принять их, но большинством офицеров это было воспринято как вопиющее нарушение традиций[10]. Личная жизнь офицеров в таких частях была объектом пристального внимания. Женитьба офицера гвардейской артиллерии на разведенной женщине, с которой он был в связи до брака, неизбежно влекла его уход из гвардии и перевод в армейскую артиллерию, о чем также рассказывает В. С. Савонько[11].

В России, Франции, Австро-Венгрии потребность в офицерах была такова, что оградить офицерский корпус от «нежелательных» элементов было невозможно. Поэтому возникло деление офицеров на «первый» и «второй» сорта, особенно заметное во Франции (выпускники Сен-Сира и Сен-Максана) и Австро-Венгрии (выпускники академий и кадетских школ). В России эта тенденция проявлялась в особом положении гвардейцев, кавалеристов, артиллеристов и инженеров по сравнению с офицерами армейской пехоты. Обособленное положение занимали казачьи офицеры, которые были ближе к рядовым казакам, чем к офицерам других родов войск. Особым было также положение выпускников Пажеского корпуса, которые даже среди гвардейцев составляли достаточно замкнутую корпорацию.

В Австро-Венгрии, Франции, Великобритании за обучение в военно-учебных заведениях взималась довольно значительная плата, которая была непосильной для выходцев из крестьян или рабочих. В России сложилась уникальная система подготовки офицерских кадров, в которой деньги не играли главной роли. Офицерское образование, от кадетского корпуса до военного училища, было для большинства бесплатным. Такая система была единственно возможной в ситуации, когда требовалось множество офицеров для самой многочисленной армии Европы. Поэтому, несмотря на сословные ограничения, военное образование оставалось самым доступным видом образования для выходцев из небогатых слоев.

Как в Австро-Венгрии, так и в России был сознательно избран путь длительного воспитания офицера в закрытых учебных заведениях. В Дунайской монархии это давало необходимую прививку от национально-освободительного духа, а в России должно было, кроме прочего, дать гарантию от воздействия революционной пропаганды. При этом в России процент офицеров – бывших кадетов был наибольшим (до ½ молодых офицеров). В Австро-Венгрии он был ниже ($^1/_3$), в Германии еще ниже ($^1/_4$), а во Франции и вовсе ничтожным. Большая роль кадетских корпусов в России объяснялась, на наш взгляд, сравнительно слабым развитием системы среднего гражданского образования, особенно на окраинах страны.

Во всех рассмотренных нами странах, кроме Франции, имелись особо привилегированные военно-учебные заведения для отпрысков придворной аристократии и высшей бюрократии – Пажеский корпус в России, класс «селекта» Главного кадетского корпуса в Германии и Терезианская академия в Австро-Венгрии. Сверхэлитный характер этих учебных заведений закреплялся небольшим ежегодным выпуском – 60–70 офицеров из «селекты», около 100 из Пажеского корпуса и 150 из Терезианы.

Широкая общеобразовательная программа отличала учебные заведения Австро-Венгрии и, особенно, России. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что армия в этих странах продолжала служить и в начале XX века источником для комплектования самых разных гражданских государственных учреждений, она была вынуждена нести функцию распространителя культуры, от которой была освобождена германская или французская армия.

Еще одной особенностью русской и австрийской системы подготовки офицеров была достаточно узкая специализация военно-учебных заведений, которые были четко ориентированы по родам войск. Поэтому выбор того или иного военного училища определял военную специальность, тогда как в Германии военная специальность определялась полком, куда поступал служить молодой человек.

Для Франции и Германии была характерна система двухуровневого военного образования, когда окончание военно-учебного заведения низшего уровня было достаточным для службы в пехоте, а для службы в артиллерии, инженерных войсках, иногда и кавалерии было необходимо пройти дополнительный учебный курс продолжительностью до 2 лет.

В Австро-Венгрии и, особенно, в Германии существовала развитая система профессионального совершенствования офицеров, которая поглощала их свободное время. В России подобная система существовала, но не была обязательной. Успешную карьеру, особенно в гвардии, можно было делать и не заканчивая офицерские школы (стрелковую, кавалерийскую и др.) или академию (Генерального штаба, артиллерийскую, инженерную и др.). Кстати, примером такой карьеры была служба В. С. Савонько, который дошел до чина полковника в родной ему гвардейской артиллерии, не проходя никакой профессиональной переподготовки после окончания военного училища.

В настоящее время готовится научное издание дневников В. С. Савонько. Мы полагаем, что правильно интерпретировать этот текст возможно только с учетом особенностей системы подготовки офицеров в России и других ведущих странах.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00133.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Англ. «высший свет».
[2] Савонько В. С. Черная книга: 1899–1904 // ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 11. Ед. хр. 86–89. 25 нояб. 1899 г. Здесь и далее ссылки даются по датам записей.
[3] Там же. 24 апр. 1900 г.
[4] Там же. 1 янв. 1902 г.
[5] Там же. 23 февр. 1900 г.
[6] Вечернее заседание [Военного совета] 2 июня 1937 г. Выступление комкора Н. Н. Криворучко // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Документы и материалы. М.: Росспэн, 2008. С. 183.
[7] Фадеев Р. А. Вооруженные силы России. СПб.: Типография В. В. Комарова, 1889. С. 155. Работа была написана во второй половине 60-х годов XIX века.
[8] Рассчитано нами по: [1; 99].
[9] См., напр.: Трубецкой В. С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991.
[10] Савонько В. С. Черная книга. 6 янв. – 22 февр. 1903 г.
[11] Там же. 24 янв. 1907 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1972. 616 с.
2. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 413 с.
3. Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 382 с.
4. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1972. 496 с.

Nazarenko K. B., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

"ELITE CLUB": RUSSIAN AND EUROPEAN OFFICERS IN V. S. SAVONKO'S DIARIES

Personal diaries of the Russian Guard officer V. S. Savonko, which were recently acquired by the Department of manuscripts of NLR, are a valuable source for the study of the history of the Russian Guard officers and especially for the history of pre-revolutionary era. To assess the value of the obtained historical source properly the system of officers' training, developed in the strongest armies of Europe (Russian, German, French, Austro-Hungarian) by the end of the XIX century, was analyzed. The study of this issue has led the author to a conclusion that in all European armies the officer corps always enjoyed a status of an elite club. In different countries the barriers, preventing infiltration into the officers' environment for the people from lower social classes, had diverse execution tools, but they all acted equally effective. The barriers consisted of such measures as legislated class privileges, high tuition fees in military schools, long-term training, unspoken filtrations of applicants, selection of candidates for particular officers' regiments, high living standards' requirements for officers. The need to provide a sufficient amount of trained officers for the army led to the social stratification in the officers' ranks, their identification, and further development of the more or less privileged groups. In addition, the armed forces of different countries were vested with the responsibility to perform the role of a nursery (especially in Russia) assistive in cultural and educational development, which meant assignment of additional missions.

Key words: officer corps, training of officers, V. S. Savonko, armed forces

REFERENCES

1. Beskrovnyy L. G. *Russkaya armiya i flot v XIX v.: Voenno-ekonomicheskiy potentsial Rossii* [The Russian Army and the Navy in the XIX century: Military-economical potential of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 616 p.
2. Volkov S. V. *Russkiy ofitserskiy korpus* [The Russian officer corps]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 413 p.
3. Demetr K. *Germanskiy ofitserskiy korpus v obshchestve i gosudarstve. 1650–1945* [The German officer corps in the society and the state. 1650–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 382 p.
4. Molchanov N. N. *General de Goll'* [General de Gaulle]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1972. 496 p.

Поступила в редакцию 09.11.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 24–28 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 271.2(09)

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ АКИНЬШИН
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета, Воронежский государственный университет (Воронеж, Российская Федерация)
Akinshin55@mail.ru

АРХИЕПИСКОП ИГНАТИЙ: ПУТЬ ОТ ПЕТРОЗАВОДСКА ДО ВОРОНЕЖА

Статья посвящена архиепископу Игнатию (Семенову Матвею Афанасьевичу; 1790/91–1850), уроженцу Архангельской губернии. Раскрывается биография преосвященного, духовное служение которого происходило в Архангельске, Петербурге, Новгороде, Петрозаводске, Новочеркасске, Воронеже. После епископской хиротонии Игнатий последовательно возглавлял три епархии: вновь созданную Олонецкую, Донскую и Новочеркасскую, Воронежскую и Задонскую. Раскрывается характер его служебной деятельности в Петрозаводске и Воронеже. Идет речь о мерах по борьбе с холерой, которые Игнатий предпринимал в Карелии и Воронеже, о библиотеке преосвященного. Раскрывается содержание одной из последних книг архиепископа Игнатия, изданной в 1848 году.

Ключевые слова: архиепископ Игнатий, Петрозаводск, Воронеж, холера, библиотека, проповеди

Матвей Афанасьевич Семенов родился 5 августа 1791 года (сам он считал более верной дату 2 августа 1790 года) в погосте Покшеньга Пинегского уезда Архангельской губернии. Его отец, дьякон, впоследствии священник, Афанасий Иванович Семенов, скончался 6 марта 1819 года в Каргопольском приходе, мать, Арина Яковлевна, умерла 14 сентября 1845 года в преклонном возрасте в родном селе. Матвей рано проявил склонность к знаниям. Богослужебные книги он разумел настолько, что отец считал его в состоянии занять причетническое место в соседнем погосте. В 1799 году Афанасий Семенов отправился с сыном в Архангельск с просьбой о месте к преосвященному Аполлосу (Байбакову). Епископ, человек проницательный, увидел в отроке задатки больших дарований, в определении к месту отказал и определил его в духовное училище. Матвей Семенов всегда находился в числе первых учеников. Особенные успехи он проявил в изучении греческого, латинского и французского языков, отличался он также в поэтических, риторических и философских сочинениях. Жажду Матвея Семенова к учению одобрял епископ Архангельский и Холмогорский Парфений (Петров), занявший кафедру в июне 1809 года.

В 1809 году Матвей Семенов перешел в богословский класс Архангельской духовной семинарии и одновременно стал учителем французского языка в низших ее классах. В 1811 году он окончил семинарию. 25 января 1812 года по инициативе епископа Парфения Матвей Семенов определен учителем греческого языка и всеобщей истории Архангельского уездного духовного училища. Одновременно он исполнял обязанности иподьякона при архиерейских служениях. 26 сентября 1813 года в дополнение к учительской должности Семенов был определен инспектором Архангельских училищ. С ноября 1814 года ему было поручено также преподавать священную историю, географию и катехизис.

14 июля 1816 года Матвей Семенов перемещен на должность профессора греческого и французского языков Архангельской духовной семинарии. Находясь постоянно при владыке Парфении, он должен был произносить проповеди своего сочинения, в чем достиг совершенства. 24 сентября 1817 года на М. Семенова была возложена хлопотная и ответственная должность эконома семинарии, а 29 июня 1819 года он определен секретарем Библейского общества. Все должности будущий архипастырь исполнял «с неутомимою деятельностию, полною отчетливостию и с совершенным усердием».

25 июля 1820 года в Архангельском монастыре во имя Архангела Михаила ректором духовной семинарии архимандритом Павлом (Моревым) Матвей Семенов был пострижен в монашество и наречен Игнатием, в память священномученика Игнатия Богоносца. 1 августа инок Игнатий произведен во иеродиакона, 15 августа – во иеромонаха. Преосвященный Иосиф (Величковский) с благословения Св. Синода 3 февраля 1821 года возвел Игнатия в сан игумена и назначил настоятелем Николаевского третьеклассного монастыря[1]. Прекрасное знание Игнатием греческого языка стало известно в северной столице и 1 марта 1821 года он был перемещен на должность бакалавра греческого языка Петербургской духовной академии, куда прибыл 11 апреля. 12 июля того же года Игнатий выдержал экзамен и вскоре был утвержден в степени магистра богословия, а 26 июля занял в академии кафедру богословских наук [4]. Одновременно он был назначен библиотекарем академии, где проводил все свободное время и привел книжное собрание в образцовый порядок[2].

8 ноября 1822 года Игнатий возведен в сан архимандрита. В конце июля 1823 года он был

© Акиньшин А. Н., 2016

назначен ректором Новгородской духовной семинарии и профессором богословия, а две недели спустя – настоятелем Новгородского Антониева второклассного монастыря и членом Новгородской духовной консистории. И на том, и на другом посту он сменил архимандрита Иннокентия (Платонова; 1773–1842). Всецело отдаваясь своему делу, Игнатий во всех отношениях превосходно поставил семинарию. Свои богословские предметы (богословие догматическое, нравственное, основное и пастырское, герменевтику) он преподавал не по давно устаревшим учебникам, а по собственным разработкам; он положил начало преподаванию в семинарии церковной археологии, подготовив курс лекций. В своем монастыре Игнатий завел строгое благочиние. 21 декабря 1826 года архимандрит Игнатий был награжден орденом св. Анны 2-й степени и в том же году – особой серебряной медалью за составление церемониала встречи тела скончавшегося 19 ноября 1825 года в Таганроге императора Александра I.

3 декабря 1827 года Высочайшим указом Игнатий был назначен епископом Старорусским, викарием при Новгородском и Петербургском митрополите Серафиме (Глаголевском). 26 февраля 1828 года в Казанском соборе Петербурга прошла его хиротония. Вскоре он возвратился в один из древнейших русских городов. Во все воскресные и праздничные дни епископ Игнатий «неопустительно» священнодействовал в Софийском соборе, очень часто заканчивая богослужения подходящими случаю проповедями. Служба Игнатия в Новгороде была недолгой: 22 мая 1828 года он был переведен во вновь открытую Олонецкую епархию. Это назначение показывало, что на преосвященного возлагаются большие надежды. В епархии с населением свыше двухсот тысяч человек имелось всего 180 храмов, а свыше трети населения принадлежали к старообрядчеству в виде беспоповского раскола. В самом Петрозаводске существовал только один храм, а по всей епархии постоянно совершались языческие празднества.

В Петрозаводск епископ Игнатий прибыл 7 августа 1828 года. Его кафедра находилась в Петропавловском соборе, где 12 августа он отслужил первую литургию. В короткий срок он открыл духовную консисторию, приобрел и устроил архиерейский дом, добился причисления к епархии угодий упраздненного Клименецкого Свято-Троицкого мужского монастыря. От города епископ получил участок пригородной земли и превосходно организовал здесь хозяйство. Одновременно с хозяйственными заботами епископ Игнатий вел борьбу с языческими празднествами и обычаями. 29 июня 1829 года, по окончании литургии в День святых первоверховных апостолов Петра и Павла, он выступил с обличением языческого праздника Купалы, и слово его имело необыкновенный успех.

Чтобы подготовить достойных пастырей для служения в приходских храмах, епископ Игнатий добился открытия 27 октября 1829 года в Петрозаводске духовной семинарии, в которой завел особый класс карельского языка. Первым ректором был архимандрит Аполлинарий (Вигилянский). Сам архиерей приступил в это время к составлению «истории о расколах в церкви Российской». 1 января 1830 года он был удостоен ордена св. Анны 1-й степени.

Много времени и сил уходило у епископа Игнатия на обозрение епархии, из-за сложных климатических условий он мог часть приходов посещать летом, другую же часть – зимой. Его трудами в епархии было построено сорок новых храмов. Он посещал также селения раскольников и в беседах с ними добился перехода многих из них в православие. Апостольские подвиги епископа Игнатия в суеверном крае сделались известными императору, и 21 апреля 1835 года именным указом Николая I «в воздание ревностного служения и неусыпных попечений о распространении и утверждении благочестия во вверенной ему епархии» владыка был возведен в сан архиепископа. 11 апреля 1837 года Игнатий получил к ордену св. Анны 1-й степени императорскую корону.

В мае 1838 года архиепископ Игнатий посетил Соловецкий монастырь, где изучил хранящиеся там старинные документы, относящиеся к истории старообрядчества. При отъезде Игнатия из епархии, в 1842 году, здесь оставалось лишь пять тысяч раскольников, намного возросло и число храмов в епархии. 14 ноября 1842 года Игнатий был назначен архиепископом Донским и Новочеркасским; 23 декабря выехал из Петрозаводска на берега Дона, куда прибыл в январе 1843 года. Епархия была учреждена недавно, в 1829 году, и Игнатий сменил первого ее владыку, архиепископа Афанасия (Телятева; 1772–1847), из-за потери зрения уволенного на покой. В течение нескольких лет Игнатий объехал всю епархию, постоянно удивляясь богатству и великолепию станичных храмов. Он увидел, что многие хутора отстоят от своих приходских храмов на 60, а то и на 100 верст, а в станицах на один храм приходится 6–8, даже до 14 тысяч прихожан, и поэтому обратился в Синод за разрешением на умножение числа церквей. Св. Синод одобрил такое желание преосвященного Игнатия и изъявил ему в 1844 году особую признательность за пастырское попечение о епархии. Наглядно увеличение числа храмов увидели преемники архиепископа. 14 апреля 1846 года Игнатий был награжден орденом св. Владимира 2-й степени [4], [6: 258].

13 января 1847 года Высочайшим указом Игнатий назначен архиепископом в Воронеж, из Новочеркасска он отбыл 11 февраля, прибыл в Воронеж 16 февраля 1847 года. Первым чести приветствовать его торжественным молебном и колокольным звоном удостоилась церковь Рож-

дества Христова в пригородной слободе Придаче. Вечером того же дня в Митрофановском мужском монастыре его встречали викарный епископ Елпидифор (Бенедиктов), наместник монастыря Даниил и городское духовенство во главе с кафедральным протоиереем Михаилом Подзорским. Воронежская епархия была крупнее тех, коими прежде управлял Игнатий: в ней на тот момент было 658 храмов, где служил 1031 священник. Предместником Игнатия на воронежской кафедре был архиепископ Антоний (Смирницкий; 1773–1846), трудами которого в 1832 году канонизирован святитель Митрофан Воронежский.

По благословению архиепископа Игнатия жители пригородной слободы Монастырщенки приступили к строительству каменной Успенской церкви, завершенной в 1848 году (ныне в черте Воронежа, рядом со зданием духовной семинарии) [8: 7, 17]. Кафедра преосвященного размещалась в Троицком Смоленском соборе на Торговой площади. В порученном управлению Игнатия Митрофановском Благовещенском монастыре он стремился утвердить правила иноческого чина и расширить капитал обители (увеличился с 20 до 70 тыс. руб.). Приемные покои Игнатия располагались на втором этаже архиерейского дома, построенного в конце XVIII века по проекту знаменитого Кваренги. Они соединялись с домовой церковью во имя Рождества Христова, обустроенной его предшественником, архиепископом Антонием.

Прослужил архиепископ Игнатий в Воронеже один год и два месяца. 19 апреля 1848 года он был вызван для присутствия в Святейший Синод, выехал из Воронежа 4 мая. На протяжении полутора лет он жил вдали от вверенной его попечению епархии и занимался общегосударственными церковными делами. Воронежской епархией временно управлял викарный епископ Феогност (Лебедев; 1801–1869), постоянно информировавший Игнатия обо всех происшествиях и испрашивавший его благословения при решении наиболее важных дел. Олонецкий опыт диктовал владыке бдительное отношение к сектам: в мае 1848 года он направил предписание кафедральному протоиерею Воронежа Михаилу Подзорскому «под глубоким секретом, без малейшей огласки донести, нет ли в епархии раскольничьих селений, не приписанных ни к какой церкви, если есть, то прописать, каковое селение, где находится, число жителей и проч.»[3]. Общий очерк краткого управления Игнатием Воронежской епархии дан архиепископом Сергием (Петровым) [7: 434–438].

Тяжело заболев ревматизмом еще осенью 1849 года, в начале января 1850 года архиепископ Игнатий собственноручно написал духовное завещание, по которому передавал свою библиотеку Олонецкой Духовной семинарии. Скончался Игнатий на Митрофановском синодальном подворье в Петербурге 20 января 1850 года, погребен 23 января 1850 года в Федоровской церкви Александро-Невской лавры при участии митрополита Петербургского Никанора (Клементьевского), в свое время он участвовал в хиротонии Игнатия, архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова), архиепископа Нижегородского Якова (Вечеркова), епископов Ревельского Нафанаила (Савченко), Рижского Платона (Городецкого) и Винницкого Евсевия (Орлинского). В погребении также приняли участие протопресвитер Василий Баженов, обер-священник армии и флота Василий Кутневич, восемь архимандритов, 44 протоиерея, священников и монахов, два протодьякона, 18 дьяконов и множество причетников.

Надгробную речь произнес инспектор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Макарий (Булгаков), в будущем митрополит Московский[4]. Один из учеников Игнатия по Новгородской семинарии, сопутствовавший ему потом в Петрозаводске, Новочеркасске и Воронеже, архимандрит Ириней (Боголюбов; 1804–1860) оставил восторженные воспоминания о владыке[5]. На могиле Игнатия в лаврской церкви установлена шлифованная плита из олонецкого порфира с текстом:

В надежде воскресения
здесь вверены земле
бренные останки
Преосвященного Игнатия,
Архиепископа Воронежского и Задонского,
Бывшего Первосвятителя
Олонецкой епархии,
преставившегося 20 января 1850 года
на 60 году своей жизни, в 22 лето
Архипастырского служения своего Церкви
Божией.

22 февраля 1850 года на место Игнатия на воронежскую кафедру был переведен из Владимира архиепископ Парфений (Чертков; 1782–1853). Обширный некролог почившего владыки в двенадцати номерах опубликовали «Воронежские губернские ведомости»[6]. Он принадлежал перу преподавателя духовной семинарии Алексея Данского (ок. 1809–1865), женатого, кстати сказать, на внучатой племяннице митрополита Евгения (Болховитинова), Вере Стефановне[7]. После этого воронежские церковные историки надолго забыли об Игнатии. Первая публикация в церковном журнале появилась в 1993 году [5], затем последовали статьи в справочнике архиереев и в двух местных энциклопедиях [1], [2], [3].

Имя архиепископа Игнатия ошибочно указано на надгробной плите в Воронежском Алексеевском Акатовом монастыре в числе архиереев, чей прах перезахоронен здесь в 1993 году с городского Коминтерновского кладбища. Там останки преосвященных оказались в 1956 году, когда при строительстве главного корпуса Воронежского государственного университета были разрушены склепы Благовещенского собора Митрофановского монастыря.

Архиепископ Игнатий (Семенов) был выдающимся иерархом православной церкви, крупным ученым и проповедником. По отзывам современников, он отличался «пленительной кротостию нрава», любил часто совершать богослужения и не пропускал ни одного удобного случая без поучения. Им издано более двадцати книг, еще более десяти осталось в рукописи (среди них: «Записка об Олонецкой епархии» и «Сочинение в письмах о родине и детстве»). Игнатия можно считать первым, кто озаботился сохранением памяти о Петре Великом в Олонецком крае. В 1841 году в Прибавлениях к «Петрозаводским губернским ведомостям» он опубликовал большой очерк под названием «Воспоминания о высочайших пришествиях великого государя Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию». В том же году в губернской типографии вышло отдельное издание, в 1849 году в Петербурге вышло второе расширенное издание под более кратким заголовком «Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Великого в Олонец».

Две книги Игнатия касались событий в его последней епархии. Это «Слова во время губительной болезни, говоренные Игнатием, архиепископом Воронежским и Задонским» (СПб., 1848. IV, 186 с.) и «Поучение при святых мощах Святителя и Чудотворца Митрофана Воронежского. Изданы в пользу монастыря св. Митрофана» (СПб., 1848. VII, 271 с.). Один из экземпляров «Слов», ранее принадлежавший библиотеке Чухченемской Николаевской церкви в Пинежском уезде Архангельской губернии, о чем свидетельствует штемпель и владельческая надпись на первых страницах книги, был приобретен библиофилом Олегом Ласунским и подарен Воронежской областной универсальной библиотеке имени И. С. Никитина.

Проповеди, в большинстве своем, были произнесены Игнатием в 1831 году. В ту пору на города и веси накатилась первая волна холерной эпидемии. Простонародье доверчиво воспринимало нелепые слухи и толки о смертоносной язве и тем самым подвергало себя большей опасности. В этих условиях обращенное с амвона слово приобретало особую, воистину целительную силу. В своих беседах Игнатий призывал паству следовать указаниям начальников. Они борются со всеобщим недугом и православная братия обязана выполнять предписания, которые служат к ее же пользе. Дело не в отраве, якобы положенной кем-то в пищу или питие, разъясняет владыка, а в том, что Господь прогневался на людей за их грехи, беззакония, развращение нравов. Надобно смириться перед Божьим Промыслом, покаяться, исправиться, начать жить по-христиански. Бог не останется равнодушным перед молитвами своих чад. Вместе с тем, наставляет Игнатий, нельзя угодить Господу, ничего не предпринимая для своего спасения. Не следует ожидать от Бога чудесных пособий и не употреблять тех средств, которые уже даны в обыкновенном порядке для исцеления от болезней. Надо искать и получать целебные вещества, созданные Всевышним для пользы людской в случае немощей. Игнатий призывает отказаться от чародейства и знахарства и почитать врачей за служителей Божественного промысла, помогать им и друг другу.

Спустя шестнадцать лет в новой епархии Игнатий вновь столкнулся с теми же закоренелыми человеческими предубеждениями и обывательской темнотой. Холера унесла тогда жизни около двух тысяч горожан (население Воронежа составляло около 12 тысяч человек). В августе 1847 года Игнатий дал указание церковному попечительству обеспечивать на период эпидемии сирот, вдов и хворых духовного звания по правилам, данным от гражданского начальства. Он предписал через консисторию епархиальному духовенству делать сыновьям прививки перед отправкой их в училище или семинарию[8]. Иной раз положение осложнялось до того, что рекомендовано было принять против холеры жесткие охранительные меры, в частности не вносить тела умерших для отпевания в храмы во время богослужения. К осени 1847 года эпидемия быстро пошла на спад, и уже 28 сентября архиепископ Игнатий произнес в Митрофановском Благовещенском монастыре при святых мощах чудотворца Митрофана речь с поучением о прекращении холеры в граде Воронеже. Архиепископ воздал Господу славу и благодарение за то, что город очистился, наконец, от тлетворного поветрия. Это любопытное поучение и завершает сборник речей Игнатия, изданный в 1848 году.

Сохранилась опись имущества, которым владел покойный воронежский владыка. Вещей было немного: иконы, четки, зрительная трубка, двойной лорнет, одежда, более полусотни образцов одесских мраморов. Основную часть описи составили книги – 862 названия[9]. Более ста книг было на древних и новых европейских, а также на восточных языках. Помимо богослужебной литературы, Игнатий подобрал для себя книги о прошлом Новгорода, Пскова, Русского Севера, путешествиях на Святую землю, труды по палеографии и библиографии, различные лексиконы и грамматики, сочинения по медицине и словесности. Была представлена и светская литература: несколько изданий басен Крылова, «Записки» Талейрана и адмирала Шишкова, «История государства Российского» Карамзина, переписка Екатерины II с Вольтером, труды французского историка Тьера... Вместе с владельцем в Воронеж прибыли редкие издания XVI–XVIII веков в кожаных переплетах и рукописи на пергаменте (среди них и раскольничьи). В архипастырской библиотеке находились: многотомное собрание сочинений Тихона Задонского, список с духовного завещания святителя Митрофана, один из словарей, составленных митрополитом Евгением

(Болховитиновым), местным уроженцем. Жаль, что значительная часть библиотеки Игнатия оказалась утраченной при перевозке ее в Петрозаводск.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Игнатий (Семенов), архиеп. // Русский биографический словарь: Ибак–Кючарев. СПб., 1897. С. 49–51.
[2] Чистович И. А. История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 341, 351.
[3] Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И-211. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.
[4] Макарий (Булгаков), архим. Слово при погребении присутствовавшего в Святейшем правительствующем Синоде преосвященнейшего Игнатия, архиепископа Воронежского и Задонского // Христианское чтение. 1850. Ч. 1. С. 137–150.
[5] Ириней (Боголюбов), архим. Воспоминание о высокопреосвященнейшем Игнатии, архиепископе Воронежском и Задонском. СПб., 1851. 192 с.
[6] Данский А. А. Биография усопшего о Господе Высокопреосвященнейшего Игнатия, архиепископа Воронежского и Задонского, XXI в чреде епископов воронежских // Воронежские губернские ведомости. 1850. Часть неофиц. 18 февр. № 7. С. 51–53; 25 февр. № 8. С. 61–65; 4 марта. № 9. С. 71; 11 марта. № 10. С. 76–78; 18 марта. № 11. С. 82–85; 25 марта. № 12. С. 93–95; 1 апр. № 13. С. 103–104; 8 апр. № 14. С. 111–113; 15 апр. № 15. С. 121–123; 22 апр. № 16. С. 131–132; 29 апр. № 17. С. 138–139; 6 мая. № 18. С. 144–148; 15 мая. № 19. С. 153–155.
[7] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 127. Д. 13.
[8] ГАВО. Ф. И-211. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.
[9] ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1927. Л. 13–65 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиньшин А. Н. Архиепископ Игнатий (Семенов). 1847–1850 // Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней. Историко-биографические очерки. Воронеж, 2003. С. 262–269.
2. Акиньшин А. Н. Игнатий (Семенов Матвей Афанасьевич) // Воронежская энциклопедия. Воронеж, 2008. Т. 1. С. 323.
3. Акиньшин А. Н. Игнатий (Семенов Матвей Афанасьевич) // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Изд. 2-е. Воронеж, 2009. С. 210.
4. Акиньшин А. Н., Галкин А. К. Игнатий (Семенов), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 128–131.
5. Акиньшин А., Ласунский О. О поучениях архиепископа Игнатия // Воронежский епархиальный вестник. 1993. № 3. С. 5–7.
6. Артоболевский С. А. Игнатий, архиепископ Воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность. Историко-биографическое исследование. Уфа, 1904. 484 с.
7. Сергий (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х годов. Воронеж, 2011. 643 с.
8. Успенская церковь слободы Монастырщенки: Хроника полутора веков. Воронеж, 1998. 122 с.

Akin'shin A. N., Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)

ARCHBISHOP IGNATY: HIS LIFE JOURNEY FROM PETROZAVODSK TO VORONEZH

The article is concerned with the main milestones in the life of the Archbishop Ignite (Semyonov Matvey Afanasievich; 1790/91–1850). He was born in Arkhangelsk province. His spiritual ministry took place in Arkhangelsk, St Petersburg, Novgorod, Petrozavodsk, Novocherkassk, and Voronezh. Upon his Episcopal ordination, Ignaty successively headed three dioceses: newly established Olonets diocese, Don and Novocherkassk diocese, Voronezh and Zadonsk diocese. The article provides analysis of the Archbishop's activities in Petrozavodsk and Voronezh. The anti-cholera measures undertaken by the Archbishop in Karelia and Voronezh province are described. Special attention is paid to the library collected by the minister. The content of one of the latest books written by Ignaty is discussed. The book was published in 1848.

Key words: Archbishop Ignaty, Petrozavodsk, Voronezh, cholera, library, sermons

REFERENCES

1. Akin'shin A. N. Archbishop Ignaty (Semyonov). 1847–1850 [Arkhiepiskop Ignatiy (Semenov). 1847–1850]. *Voronezhskie arkhipastyri ot svyatitelya Mitrofana do nashikh dney. Istoriko-biograficheskie ocherki*. Voronezh, 2003. P. 262–269.
2. Akin'shin A. N. Ignaty (Semyonov Matvey Afanasievich) [Ignatiy (Semenov Matvey Afanas'evich)]. *Voronezhskaya entsiklopediya*. Voronezh, 2008. Vol. 1. P. 323.
3. Akin'shin A. N. Ignaty (Semyonov Matvey Afanasievich) [Ignatiy (Semenov Matvey Afanas'evich)]. *Voronezhskaya istoriko-kul'turnaya entsiklopediya*. Voronezh, 2009. Ed. 2. P. 210.
4. Akin'shin A. N., Galkin A. K. Ignaty (Semyonov), the Archbishop [Ignatiy (Semenov), arkhiepiskop]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2009. Vol. 21. P. 128–131.
5. Akin'shin A., Lasunskiy O. About the sermons of Archbishop Ignaty [O poucheniyakh arkhiepiskopa Ignatiya]. *Voronezhskiy eparkhial'nyy vestnik*. 1993. № 3. P. 5–7.
6. Artobolevskiy S. A. *Ignatiy, arkhiepiskop Voronezhskiy i ego pastyrsko-missionerskaya deyatel'nost'. Istoriko-biograficheskoe issledovanie* [Ignaty, the Archbishop of Voronezh, and his Pastoral and Missionary activities. The historical and biographical study]. Ufa, 1904. 484 p.
7. Sergiy (Petrov), arkhiep. *Istoriya Voronezhskoy eparkhii ot ee uchrezhdeniya do 1960-kh godov* [The history of Voronezh diocese since its creation to 1960s]. Voronezh, 2011. 643 p.
8. *Uspenskaya tserkov' slobody Monastyrshchenki: Khronika polutora vekov* [The church of Assumption of large village Monastyrshchenka: The chronicle of one and a half centuries]. Voronezh, 1998. 122 p.

Поступила в редакцию 20.01.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 29–31 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 390.1(470.2)

НИКОЛАЙ РАВИЛЬЕВИЧ СЛАВНИТСКИЙ
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Государственный музей истории Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
slavnitski@bk.ru

СНАБЖЕНИЕ ВЫБОРГСКОГО ГАРНИЗОНА В 1710–1712 ГОДАХ

Рассматривается вопрос о том, как осуществлялось снабжение Выборга в первые годы после взятия крепости российскими войсками – с осени 1710 до лета 1712 года (когда Выборг стал уже не форпостом, а опорным пунктом для дальнейших наступательных операций). Основными источниками работы являются донесения выборгского коменданта Г. П. Чернышева и санкт-петербургского обер-коменданта Р. В. Брюса губернатору Ингерманландии А. Д. Меншикову, также переписка других должностных лиц, занимавшихся этими вопросами. Сложности были связаны с климатическими условиями, а также с тем, что шведские войска и флот старались блокировать Выборг. С задачей снабжения тем не менее справились успешно.

Ключевые слова: Северная война, Выборг, Г. П. Чернышев, А. Д. Меншиков

В работе А. В. Мельнова [3] был поднят важный вопрос о снабжении войск в Финляндии в годы Северной войны. Сложности жизни населения на этой территории были затронуты также в статьях П. А. Кротова [2] и Е. А. Андреевой [1]. В данном сообщении остановимся на том, как осуществлялась доставка провианта в Выборг в первые годы после взятия этого города.

Отметим, в первую очередь, что в те годы Выборг, являвшийся в какой-то мере приморской крепостью, постоянно подвергался угрозе нападения шведского флота, да и сухопутные части находились летом 1710 года под самым Выборгом[1]. В начале сентября майор Юшков в 4 милях от Выборга столкнулся с передовым шведским отрядом[2]. 28 сентября со шведских кораблей был высажен десант, напавший на российские караулы[3]. А 1 октября Выборг был блокирован корпусом Г. Ю. Любеккера и шведским флотом. Однако активных действий шведы не предпринимали, и боевые действия ограничивались мелкими стычками. 7 декабря комендант Выборга Г. П. Чернышев сообщил губернатору А. Д. Меншикову: «Доношу вашему высокосветлейшеству из партии от Лаперанде посланный от нас поручик с казаками приехал а чухна был посылан к шведским полкам пришед сказал стоят половину полков у кирки Лумегель которая от Лаперанды 5 миль а другая половина у кирки Каипиять от Лаперанды 11 миль а сколько полков о том не ведает, а партия от них была в Лаперандах и за две мили от Елчинской кирки сего декабря 2 числа»[4].

Блокада продолжалась до середины декабря – сухопутные войска шведов отступили 10 декабря, а флот – 15 декабря 1710 года[5]. В начале декабря, правда, блокада уже была не такой опасной: три корабля стояли на взморье, а сухопутные полки находились у Лапеланда[6].

То же самое повторилось в следующем году: 22 мая 1711 года И. Ф. Боцис сообщил Меншикову, что в окрестностях Выборга появился шведский отряд (1500 человек), а остальное войско двигается из Финляндии[7]. 19 июня возле Выборга появился шведский флот, состоящий из 7 кораблей и 7 шняв[8]. Р. В. Брюс предложил сжечь их при помощи двух брандеров, но морские офицеры выступили против этого, хотя и вынуждены были подчиниться[9]. Однако отправлять брандеры к шведскому флоту они наотрез отказались[10]. По запискам тогдашнего коменданта Выборгской крепости Г. П. Чернышева, шведские войска блокировали крепость 4 сентября 1710 года. Однако деятельность неприятеля снова была пассивной и закончилась так же, как и в предыдущем году: сухопутные войска отступили 3 декабря, а корабельный флот – 8 декабря 1711 года[11]. Летом 1712 года возле Выборга снова появились шведские корабли, но никаких активных действий не предпринимали[12]. Когда же в 1712 году русские войска сами перешли к наступательным действиям в Финляндии, которая в течение последующих кампаний 1713 и 1714 годов оказалась занятой ими, угроза нападений на Выборг отпала.

Большой проблемой для русского командования являлось обеспечение Выборга провиантом. Из-за этого под угрозой срыва в 1710 году оказалась осада этой крепости Ф. М. Апраксиным. Обеспечение Выборга припасами шло, по-видимому, несколькими путями: водой из Кексгольма в летнее время (в первые годы)[13], затем его доставляли из Санкт-Петербурга (летом на судах, зимой по сухому пути).

В сентябре 1710 года Р. В. Брюс отправил 600 четвертей хлеба по воде из Кексгольма[14]. Для того чтобы его разгружать, использовали солдат гарнизона. А следующие партии стали прибывать, по сообщению Г. П. Чернышева Меншикову, только в начале декабря 1710 года[15], хотя в его же записках указано, что провиант прибыл на шкутах от Кроншлота 23 декабря[16].

В сентябре Г. П. Чернышев опасался, что привезенного хлеба надолго не хватит: «Правианту у нас на сей месяц на первую половину выдано

© Славнитский Н. Р., 2016

а на другую половину будут несполна опасаюсь чтоб не принять в правианте нужды из выборгского уезду по се число привезено ржи и ячменю бочек с 50 что с нуждою»[17]. При этом непосредственно в Выборгском уезде продовольствия не было совсем. Опасения коменданта во многом были связаны с тем, что, помимо гарнизона, ему необходимо было обеспечивать питанием людей, работавших на починке укреплений Выборга. В связи с этим А. Д. Меншиков 13 сентября попросил Ф. М. Апраксина: «Также пишет ко мне из Выборха господин Чернышов что шаутбенахт принимает провиянту на морских судах разным служителям 1577 человекам. А на работе у них каторжных 144 человека. И вашему превосходителству не в указ предлагаю я дабы изволили вы к нему шаутбенахту от своего лица кого русского отправить и приказать осмотреть куда оной провиянт идет, понеже какая в том провиянте в Выборхе нужда о том самим вам известно»[18].

В конце ноября выборгский комендант писал губернатору, что «Правиянту салдатам и другим служителям кои ныне обретаютца в Выборхе в предь будущей декабрь правиантом коли ныне в Муле а из Мулои и в Выборхе содержать можем однакож просим вашего милосердия как скоро будет путь чтоб прислать правианту из Санкт-Питербурха…»[19]. То есть в тот момент проблем с продовольствием еще не было, но об этом постоянно думали. 10 декабря 1710 года он доложил Меншикову: «Для проведывания посланные от нас о швецких кораблях к нам прибыли, сказали, что швецкие 3 корабля стоят от наших батарей которая на взморье верстах в 5 к Алантову острову. Правианту привезено на подводах муки 296 кулей неполные, сухарей 59 чет со сминою да недовезши оставлено в муле с умерших лошадей муки 30 кулей, сухарей 10 кулей всего привезено в Выборх и в Муле муки и сухарей 395 кулей со сминою»[20]. Из этого сообщения видно, что шведские корабли в декабре еще могли блокировать доставку провианта по воде, однако уже была возможность привозить его по сухому пути, на подводах. За три дня до того он писал, что «правиянт к нам на подводах Гаврилы Ивановича, Федора Матвеевича и господина Кикина на траке едва привезли 4 дня сего декабря вчерашнея и сего числа привозят и другие»[21]. Здесь интересно то, что заготовкой и отправкой продовольствия в Санкт-Петербурге занимались Ф. М. Апраксин и А. В. Кикин – руководители военно-морского ведомства, а также Г. И. Головкин, который ведал дипломатическими делами, но в случае необходимости занимался и вопросами такого рода. Очевидно, что снабжение выборгского гарнизона в тот момент считалось одной из основных задач, и Петр I распорядился, чтобы этим занимались все, кто может быть задействован. Кроме того, из документов видно, что привозить провиант в Выборг начали лишь в конце первой декады декабря – до того времени не позволяла погода и осенняя распутица. И завозили его в большом количестве сразу, очевидно, принимая во внимание, что зимой снабжение может быть осложнено шведскими партиями. Грубо говоря, у российского командования было лишь небольшое «окно», предоставленное погодой, на то, чтобы обеспечить выборгский гарнизон в необходимом количестве, и оно максимально эффективно использовало эту возможность, причем все делали в быстром темпе и с напряжением всех имевшихся сил.

Для хранения продуктов возле мызы Мулы, находившейся в 35 верстах от Выборга, еще в сентябре 1710 года был построен «транжемент»[22], обеспеченный соответствующей охраной. Следовательно, все сложности Петр I и его окружение понимали с самого начала и сразу стали принимать меры, что и позволило выборгскому гарнизону спокойно пережить первую зиму. Осенняя погода в том году стояла очень долго. Из письма Г. П. Чернышева от 22 декабря известно, что в те дни в Выборге разгружали шкуты с провизией, а на суда грузили артиллерийские орудия, дабы отправить их в Санкт-Петербург[23]. Следовательно, в те дни водный путь еще функционировал. И, как видно, опасения Г. П. Чернышева, высказанные им в сентябре, оказались напрасными. Более того, снабжение зимним путем шло бесперебойно, шведы ему помешать не смогли. Осуществлялось оно, судя по донесениям Р. В. Брюса Меншикову, как напрямую, так и через остров Котлин (по льду, таким образом в предыдущем году корпус Ф. М. Апраксина двигался осаждать Выборг). О подготовке доставки продуктов через Котлин Роман Вилимович писал губернатору 21 февраля 1711 года[24], а 27 числа он доложил: «Правианту отправлено из Санкт-Питербурха на 500 подводах по выборгской дороге, такожде сего числа с Котлина острова пойдет господин полковник Чемесов с ним правианту отправлено на 700 подводах, и впредь как возможно во отправлении онаго правианту с прилежанием старатца будем...»[25]. А из его сообщения от 5 марта можно получить примерное представление о том, какое количество провианта было отправлено в тот период: «Сего марта 2 дня писал я до вашего светлейшества… что отправлено от нас с Котлина острова и с Питербурха правианту в разных числех муки, сухарей и круп на подводах 4167 кулей… А ныне сверх того еще отправлено от нас в Выборх правианту ис Питербурха на 363 подводах с Котлина острова на 100 подводах всего онаго правианту по нижеписанное число в Выборх послано на 1951 подводе»[26]. Правда, осенью, по словам Г. П. Чернышева, снова возникли сложности, и, когда хлеб был доставлен «по зимнему пути», продовольственных запасов в крепости оставалось очень мало (всего на несколько дней)[27]. Но мы на примере предыдущего года видим, что комендант Выборга несколько преувеличивал проблему.

В 1712 году весна началась «своевременно» – 8 апреля на Неве сошел лед, и уже с 5 апреля, по сообщению Р. В. Брюса своему брату Я. В. Брюсу,

в Санкт-Петербурге стали нагружать суда с провиантом для отправки в Выборг[28].

В июне того года, как писал английский посланник Ч. Витворт своему правительству, выборгские магазины были снабжены «27 000 мешками муки и прочим провиантом в соответствующей пропорции, артиллерийским обозом и всем необходимым для какой-либо экспедиции»[29].

Летом 1712 года провиант в Выборг был отправлен на 22 судах, которых сопровождало несколько вооруженных скампавей[19]. Но он уже предназначался не только для выборгского гарнизона, а для корпуса Ф. М. Апраксина, собиравшегося наступать в Финляндию, опираясь на Выборг. По крайней мере, часть провианта Г. П. Чернышеву было приказано отдать на эскадру И. Ф. Боциса[31], прикрывавшую наступление со стороны финских шхер.

В это время Выборг уже из передового форпоста в Финляндии превратился в опорный пункт для наступательных действий и проблемы его снабжения были полностью решены. Во многом благодаря мерам, разработанным осенью 1710 года, практически сразу после взятия крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 255, 276.
[2] Там же. Л. 304.
[3] Там же. Л. 299.
[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 107–109.
[5] Записки графа Г. П. Чернышева // Русская старина. 1872. Июнь. С. 795.
[6] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 53–54.
[7] МИРФ. Ч. I. С. 241.
[8] Там же. С. 245.
[9] Там же. С. 251–253; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4613. Л. 1.
[10] МИРФ. Ч. I. С. 254.
[11] Записки графа Г. П. Чернышева... С. 795–796.
[12] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 39.
[13] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 119.
[14] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 303–304.
[15] Там же. Л. 107, 109.
[16] Записки графа Г. П. Чернышева… С. 795.
[17] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 305.
[18] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–25.
[19] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 57.
[20] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 106–107.
[21] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 109.
[22] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 59 об.–60.
[23] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 291–292.
[24] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4206. Л. 1.
[25] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4224. Л. 2.
[26] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4245. Л. 1.
[27] Записки графа Г. П. Чернышева… С. 795–796.
[28] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 147. Л. 302–303.
[29] Сборник Русского Исторического Общества. Т. 61. СПб., 1888. С. 198.
[30] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.
[31] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е. А. Местное население и гарнизоны шведской Ингерманландии и Карелии и строительство Петербурга (в 1703–1710 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 88–94.
2. Кротов П. А. Рекрутский набор финнов в русскую армию в конце Северной войны (1720) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 96–98.
3. Мельнов А. В. Климат и военные действия на северо-западе в начале Северной войны (1700–1710) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). Т. 1. С. 29–34.

Slavnitskiy N. R., State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

MAINTENANCE OF VYBORG GARRISON IN 1710–1712

The article is concerned with the problem of military maintenance and munitioning of the Vyborg garrison. The challenge became essential in the early XVIII century (from the autumn of 1710 to the summer of 1712, when Vyborg was no longer an outpost and a reference point for further offensive operations) right after the capture of the Vyborg's fortress by Russian troops. The results of the research are based on the study of special sources: multiple reports written by the Vyborg Commandant G. P. Chernyshev and the St. Petersburg Chief Commandant R. V. Bruce to the Governor of Ingeria A. D. Menshikov and archival correspondence of other officials involved in the solution of this problem. Difficulties with the fortress maintenance and food provision were conditioned by the severe climate conditions as well as by the fact that the Swedish army and navy tried to block Vyborg. Nevertheless, the problem of Vyborg's supply and maintenance was solved successfully.

Key words: Great Northern War, Vyborg, G. P. Chernyshev, A. D. Menshikov

REFERENCES

1. Andreeva E. A. Native population and garrisons of the Swedish Ingeria and Karelia and construction of Petersburg (1703–1710) [Mestnoe naselenie i garnizony shvedskoy Ingermanlandii i Karelii i stroitel'stvo Peterburga (v 1703–1710 gg.)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy.* St. Petersburg, 2007. P. 88–94.
2. Krotov P. A. Recruitment of Finns to the Russian army at the end of the Northern war (1720) [Rekrutskiy nabor finnov v russkuyu armiyu v kontse Severnoy voyny (1720)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy*. St. Petersburg, 2007. P. 96–98.
3. Mel'nov A. V. Northwestern climate and military hostilities during the Great Northern War early period of (1700–1710) [Klimat i voennye deystviya na severo-zapade v nachale Severnoy voyny (1700–1710)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 3 (148). Vol. 1. P. 29–34.

Поступила в редакцию 07.10.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 32–36 **Исторические науки и археология** **2016**

УДК 94(4)+34(091)

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Suvorov@psu.karelia.ru

Ф. ЛАССАЛЬ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Охарактеризованы основные положения юридических работ Фердинанда Лассаля. В «Системе приобретенных прав» автор пытается доказать законность революций, которые рассматриваются как процесс «отмены – приобретения» прав гражданами. В выступлениях, появившихся в разгар конституционного конфликта (1862), Лассаль показывает сущность конституций, утверждая, что государственные институты, обладающие реальной властью, формируют и правовые нормы. Задача парламентариев – отстаивать интересы народа, именно тогда парламент станет политической силой, с которой вынуждена будет считаться корона и правительство.

Ключевые слова: Фердинанд Лассаль, революция, конституция, власть, право, парламент, конституционный конфликт

Основатель германской социал-демократии, первый президент Всеобщего Германского Рабочего Союза Фердинанд Лассаль (1825–1864) значительное внимание в своем творчестве уделял актуальным вопросам правового обоснования революционных преобразований, проблемам взаимоотношений общества и государства, легитимности политических режимов. Правовая концепция Ф. Лассаля всегда привлекала внимание исследователей [1], [2], [3]. Мы рассмотрим, прежде всего, взгляды Лассаля на роль народа в процессе изменения политического строя, роль народных масс и их избранников в делах управления государством.

Впервые интерес к юриспруденции у молодого Лассаля возник в 1846 году, когда он начал оказывать помощь графине Софье фон Гацфельдт, добивавшейся развода и раздела имущества у своего мужа, крупнейшего магната Германии – графа Эдмунда фон Гацфельдта. Защищая графиню, Лассаль объявил тогда войну не только в защиту «отдельной индивидуальности», но против феодальной системы, жертвой которой в глазах Лассаля была графиня. Не имея специальной юридической подготовки, Лассаль в течение 8 лет вел сложнейший бракоразводный процесс, который в конце концов выиграл. Судебные баталии вызвали интерес к теоретическим вопросам юриспруденции, что впоследствии проявилось в создании нескольких произведений, специально посвященных правовым проблемам. Остановимся на наиболее значимых.

В конце 50-х годов XIX века в общественно-политической жизни Пруссии произошли некоторые изменения. В 1857 году король Фридрих-Вильгельм IV, страдавший психическим заболеванием, был вынужден просить своего брата стать регентом. Принц-регент Вильгельм назначил новым главой правительства А. Гогенцоллерна. Начался период некоторой демократизации общественно-политической жизни, стали издаваться новые газеты, был ослаблен полицейский и цензурный надзор. Заигрывание властей с народом получило название «Новой Эры». Именно во время краткой «прусской оттепели», в 1859 году, вышла книга К. Маркса «К критике политической экономии». После прочтения труда Маркса, где обосновывалась необходимость революции с точки зрения развития производительных сил, Лассаль решил внести свой вклад в такое обоснование, но уже с точки зрения развития правовых отношений. Напряженная работа, которую Лассаль вел в течение 1860 года, завершилась изданием первого тома «Системы приобретенных прав» в ноябре 1860 года, а второго – в марте 1861 года.

В этом произведении автором предлагается прежде всего философско-правовая концепция исторического процесса и обусловленная им «теория приобретенных прав». В предисловии к книге Лассаль говорит, что эта теория должна раскрыть саму идею, является двигателем духовных начал всего современного периода. Идея эта заключается в постепенном претворении старого правового порядка в новое правовое состояние[1].

Источником права для Лассаля является всеобщее сознание народа[2]. Исходя из данного определения Лассаль выводит и главное понятие своей работы – «приобретенное право». Таковым является право, которое человек приобретает собственными действиями, своим свободным актом и которое находит отражение в существующем законодательстве. «Лишь те права можно отнести к приобретенным, которые вступают в соединение с субъектом и им присваиваются через посредство его индивидуальных волевых

© Суворов Ю. В., 2016

актов», – говорит Лассаль[3]. В другом месте можно найти такие строки: «…возможность использовать новые права, представляемые изменившимися законами – это абсолютное приобретенное право индивида, по отношению к которому все остальные приобретенные права являются простыми его порождениями»[4].

К определению «приобретенного права» Лассаль подходил с точки зрения гегелевской диалектики. С одной стороны, приобретение того или иного права совершается волевым актом человека, но, с другой стороны, оно должно подтверждаться законодательством, в котором воплощается всеобщая воля народа. Разрешается возникающее противоречие следующим образом: «Индивидуум никогда не может стремиться через приобретение какого-либо права выйти из сферы воздействия всеобщего правосознания»[5]. По Лассалю получается, что изменение всеобщего сознания, переход на новую правовую ступень может сделать сразу недоступным ряд частных, приобретенных некогда прав, принадлежавших отдельным лицам. То есть индивидуальное поглощается всеобщим. Однако этим не затрагивается проявленная некогда индивидуальная воля, ибо «она выражена как составная часть в изменившейся всеобщей воле»[6].

Далее Лассаль переходит к рассмотрению исторического процесса с точки зрения развития права. Здесь история выглядит как процесс непрерывного приобретения прав через посредство волевых актов и исчезновение этих прав при переходе к новым ступеням правосознания. Это непрерывный процесс, так как в нем «идея развивается свободно и сознательно, и действительность неизбежно преобразуется в новую реальность, противоположную прежней, которая, однако, внутренне продолжает оставаться в теснейшей связи со своим прошлым»[7]. По мнению Лассаля, этот процесс «постепенно устраняет всякий произвол, всякое самодержавие личности, стремящейся выйти из сферы всеобщего правосознания, и поэтому он ограничивает все виды привилегий на пути развития права общества»[8].

Исторический процесс движения личности к свободе Лассаль увязывает с процессом ограничения частной собственности. Так, в первобытном обществе человек пытается подчинить себе, своему личному произволу все и вся. Постепенно, в ходе поступательного движения человечества к свободе эта власть, это стремление сужается – рабство переходит в крепостную зависимость, а затем отменяется и она. В настоящее время остается право капиталистов обращать в свою собственность плоды труда рабочего класса. Отмена этого права представляется Лассалю актуальной социальной задачей современности. Политической же задачей он считает «уничтожение таких условий, при которых общественная воля нации может находиться в собственности одной фамилии»[9].

Второй том «Системы приобретенных прав» посвящен в основном развитию института наследственного права.

Для нас наибольший интерес представляют те положения труда Лассаля, в которых обосновывается законность революционных преобразований. Концепция исторического развития, предложенная Лассалем, основывалась на огромном количестве примеров, ссылок на источники, работы различных авторов. В общем и целом она сводилась к следующему. Суть истории – движение человечества к свободе. Правосознание народа в своем стремлении к свободе постоянно меняется, а это, в свою очередь, ведет к изменению в законодательстве, так как в нем отражается всеобщее сознание народа, достигается это изменение через отмену ранее приобретенных прав и получение новых. Этот двухсторонний процесс «отмены – приобретения» происходит во время революций, которые являются законными, естественными результатами развития правосознания нации. То есть, в сущности, достижение свободы и революция – это взаимосвязанные друг с другом понятия. И если рассматривать свободу как волеизъявление в законодательстве, то революция, во время которой это совершается, не может быть произвольным, беззаконным актом, она скорее всего – «дальнейшее развитие и откровение правовой идеи». Поэтому Лассаль и не рассматривает насилие как неотъемлемую черту революции, выступая за мирные, постепенные революции.

Главную идею своего труда о законности революции Лассалю донести до читателей сразу после опубликования книги не удалось. На наш взгляд, это связано со сложностью рассматриваемого материала, витиеватостью изложения, из-за приведения в качестве доказательства правоты своих положений огромного количества узкоспециальных деталей. Труд Лассаля не оказал заметного воздействия на демократическое движение. Однако основная мысль о свободе и о революции как законном средстве достижения этой свободы в дальнейшем была использована многими теоретиками германской социал-демократии.

В начале 60-х годов XIX века в политической жизни Пруссии назревает кризис в отношениях между буржуазией и монархией. Либералы все чаще оказываются в оппозиции правительству. Особо ярко это обнаружилось в связи с проведением военной реформы. Инициатором нововведений в армии были принц-регент, будущий король Вильгельм I и генерал А. фон Роон. По намеченному плану власти хотели кардинально изменить структуру вооруженных сил, увеличить численность войск и срок службы с двух до трех лет. Для проведения реформы требовались дополнительные средства в сумме 9,5 млн

талеров. Либералы усматривали в реформе попытку усилить позиции милитаристских кругов, укрепить позиции юнкерства. Предложенный проект был отвергнут нижней палатой ландтага. Однако правительству все же удалось получить дополнительно к бюджету 9 млн талеров, которые оно использовало на реорганизацию армии. Подобное поведение кабинета министров еще более усилило раздражение среди либералов. В 1861 году была основана Прогрессистская партия, выражавшая интересы буржуазных кругов, выступающая за объединение Германии и ликвидацию феодально-абсолютистских порядков. Состоявшиеся в декабре 1861 года выборы в палату депутатов ландтага принесли ощутимый успех молодой партии, она получила 109 мест из 360. Новая палата при обсуждении проекта бюджета требовала конкретизации всех статей расходов, тем самым стремясь избежать нецелевого использования бюджетных средств, и прежде всего на реформу армии. Правительство отказывалось выполнить это требование депутатов. 11 марта 1862 года королевским указом палата была распущена. Начинается так называемый «конституционный конфликт». Роспуск парламента вызвал бурю негодования в стране. Во многих городах происходят антиправительственные митинги. Правительство ожидает восстания, в Берлин стягиваются армейские подразделения. Генеральный штаб разрабатывает план подавления беспорядков.

Лассаль откликнулся на происходящие события выступлением 16 апреля 1862 года перед членами левого крыла Прогрессистской партии. Свой доклад он назвал «О сущности конституции». В первой части доклада, теоретической, автор излагает свое видение конституционных вопросов, во второй, практической, предлагает пути решения спорных вопросов. Определяя сущность конституции, Лассаль разделяет их на действительные и письменные. Первые были присущи всем обществам. Они определяются «фактическим соотношением силы»[10] и состоят из «активно действующих сил, которые определяют все законы и правовые учреждения»[11]. Этими силами в прусском государстве являются король, дворяне, крупные промышленники, банкиры, народные массы. Для подтверждения правильности своих положений Лассаль, как всегда, обращается к истории. Так, в период раннего Средневековья королевская власть была слаба, силы же дворянства столь значительны, что король был лишь первым среди равных. В этот период и конституция была сословной, она отражала существующее соотношение сил в обществе. В дальнейшем происходит укрепление абсолютизма, который базировался, прежде всего, на преданной королю армии. Постепенные изменения в обществе привели к тому, что народ начинает «сознавать себя самостоятельной политической силой»[12]. Абсолютизм же не дает ему заниматься политикой. Возникшее противоречие пытались решить во время революции 1848 года. Здесь Лассаль вновь заявляет, что революция была подготовлена всем ходом внутреннего развития общества, а во время самой революции происходило то, что он называл «отменой – приобретением прав»[13]. Окончательная победа нового принципа, народного по своей сути, все равно произойдет. Весь вопрос – когда и как? В 1848 году революция потерпела поражение из-за неорганизованности масс, противостоящих абсолютизму. По терминологии Лассаля, «фактическое соотношение сил в обществе» означает наличие у определенного класса или группы реальной власти. В 1848 году такой властью одно время располагали демократы, но они не воспользовались ею. Монархия же продемонстрировала свою жизнеспособность. Она победила, так как ее силы были организованы лучше, чем силы народа. Лассаль связывает это с поддержкой армии, которая была на стороне монархии. Вторая причина победы абсолютизма видится Лассалю в способности монархии идти на компромиссы, проявлять гибкость[14]. Задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы привести фактическое соотношение сил в обществе в соответствие тому реальному положению, в котором оно находится, а после получения депутатами реальной власти внести соответствующие изменения в конституцию[15]. До этого необходимо демократизировать избирательное законодательство и провести демократическую реформу в армии. На этих вопросах Лассаль останавливается подробно. С 1849 года в Пруссии существует трехклассная избирательная система. Классы избирателей образуются по размеру состояния: чем богаче граждане, тем больше они имеют представителей в парламенте. Существующий избирательный закон Лассаль считает антинародным. Принятый в начале революции, 8 апреля 1848 года, избирательный закон отражал реальное соотношение сил в обществе и отвечал основной идее современности. Он давал «одинаковое право на участие в определении воли и цели государства» всем членам общества, независимо от их социального положения[16]. Победа контрреволюции отняла это законное право у народа. Добиваясь всеобщего избирательного права, депутаты тем самым добьются права всего народа участвовать в управлении страной.

Армейские проблемы Лассаль опять же рассматривает через призму уроков 1848 года. Армия, по Лассалю, это основная сила монархии. По существующей конституции она подчиняется не народу, а королю; она «орудие политической власти короля»[17]. В 1848 году для закрепления достижений революции парламенту необходимо было отобрать у монархии эту опору, реформировать армию, опираясь на поддержку революционно настроенного народа. Лассаль предлагает и сейчас депутатам провести демократическую

реформу в войсках. Для превращения армии в народную силу автор доклада предлагает осуществить следующие мероприятия:

1. «Ограничить службу шестимесячным сроком». Это позволит постоянно пополнять личный состав представителями народа.

2. Все низшие чины, до майора включительно, должны «избираться самими войсками, чтобы офицерские должности замещались не во враждебном народу духе».

3. Все проступки военнослужащих, кроме специально военных, должны разбираться в обыкновенном гражданском суде, это бы превратило «армию из касты в составную часть народа»[18].

Заключительный вывод речи состоит в констатации того факта, что конституционные вопросы – это вопросы силы, а не права. «Служители монархии – практики, а не краснобаи, но таких же практических служителей надо пожелать и вам»[19]. Лассаль призывает прогрессистов перейти от пассивного сопротивления, от полумер и соглашений к активной борьбе, в которой они обязательно будут поддержаны народом. Советы Лассаля оказались невостребованными либералами. В этом выступлении Лассаль показывает себя, прежде всего, практическим политиком. Если раньше он выводил из правового развития общества законность народной революции, то теперь, реально оценивая ситуацию, он заявляет, что правовые вопросы вторичны и сила доминирует над правом.

Избранная в мае 1862 года новая палата депутатов проводила, как и ее предшественница, оппозиционную политику в отношении правительства. Депутаты вновь отвергли внесенный кабинетом законопроект о военной реформе и новом бюджете. Конфликт обострился до крайности. В правительственных кругах царило явное замешательство. Король Вильгельм I все чаще подумывал об отречении. В этой ситуации состоялось назначение Отто фон Бисмарка министром-президентом. Прежде всего Бисмарк пытается провести через палату новый проект бюджета и военной реформы. Однако депутаты настаивают на их переработке. Тогда Бисмарк забирает бюджет из палаты депутатов и передает его в палату господ. Фактически это означало проведение реформы без утверждения ландтага и начало периода так называемого безбюджетного правления.

В конце 1862 года Лассаль откликнулся на события конфликта второй речью о конституции. Она была озаглавлена «Что же теперь?». Лассаль не без гордости заявляет, что его конституционная теория оказалась верной. Тому подтверждением являются и публикации в консервативной прессе, и заявления военного министра фон Роона и даже министра-президента Бисмарка. Все они разделяют мнение Лассаля о приоритетности силы в разрешении правовых вопросов, и самое главное – его теория подтвердилась всем последующим развитием событий с весны по осень 1862 года. Конфликт развивался именно так, как и предполагал Лассаль. До тех пор пока палата депутатов решительно не будет выполнять волю избирателей, а будет лишь говорить о неконституционности действий правительства, последнее будет осуществлять свою политику, опираясь на армию и игнорируя призывы депутатов. Лассаль обращает внимание на последние события конфликта, когда Бисмарк заявил, что утверждать бюджет – это конституционное право палаты, а возникшее противоречие можно разрешить, пользуясь «государственно-правовой практикой»[20]. Под ней он понимает ту реальную власть, которая сосредоточена в руках правительства. Невзирая на протесты депутатов, на отказ утвердить бюджет, Бисмарк полон решимости проводить свою жесткую политическую линию. Такое поведение Бисмарка Лассаль оправдывает именно тем, что министр-президент прекрасно понимает реальное соотношение сил, знает, что армия на его стороне. Далее Лассаль приводит примеры последних событий, когда палата депутатов выступает против бюджета, а палата господ – за бюджет, палата депутатов против ассигнований на реформу армии, а правительство продолжает ее проводить. Развитие событий показало еще раз, что в стране правит антиконституционный по своей сути режим. Касаясь политики прогрессистов в конфликте, Лассаль призывает их решительно отстаивать свое право на утверждение бюджета. И таким решительным средством Лассалю видится бессрочная парламентская забастовка. Действия правительства в этой ситуации будут таковыми: «…или уступить, или на вечные времена управлять без палаты»[21]. Лассаль полагает, что второй вариант не может быть избран Бисмарком, так как против него может «ополчиться общество»[22]. Парламентская забастовка может активизировать народ, привести страну к революции, чего не хотят ни король, ни Бисмарк, ни буржуазия. И вновь в конце речи звучит призыв: «Никаких новых компромиссов… Нужно одно: рукой за горло и коленом на грудь!»[23]

Речь Лассаля и высказанные в ней предложения обсуждались на заседании парламентской фракции Прогрессистской партии, большинством голосов план Лассаля был отвергнут. Это решение фракции еще раз убедило Лассаля в том, что эта партия не способна отражать интересы всего народа, ее политика компромиссов и соглашений вынудила Лассаля отказаться от сотрудничества с ней. На наш взгляд, подобное поведение немецких либералов способствовало формированию в Германии «слабого» парламента, что негативным образом отразилось на всей последующей германской истории.

После речи «Что же теперь?» буржуазная пресса обвинила автора в восхвалении силы

и умалении значения права в жизни общества. На эти выпады Лассаль ответил открытым письмом в редакцию газеты «Реформа», озаглавленным «Сила и право». Здесь подчеркивается, что сама история постоянно демонстрирует: в чьих руках сила – у тех и право. Этот вывод хорошо усвоен Бисмарком. Задача парламента состоит в том, чтобы восстановить попранное право и получить реальную власть. Лассаль вновь заявляет, что буржуазные политики постоянно предают правовую идею, единственно кто может говорить о праве – это демократия. «Только в демократии все право – только в ней и будет сила!»[24]

Рассмотренные работы Лассаля весьма различны по своей значимости. «Система приобретенных прав» – крупный теоретический труд, выступления по конституционным вопросам – реакция на злободневные политические события. Однако объединяющей является мысль об исторической необходимости участия народа в управлении делами государства. Средством участия населения в политике, по мнению Лассаля, является всеобщее избирательное право, за которое он будет бороться в ходе своей знаменитой агитации 1863–1864 годов.

Многие вопросы, поднимаемые Лассалем в 60-х годах XIX века, актуальны и сегодня – проблемы взаимоотношения народа и его избранников, конституций письменных и действительных, проблемы реформ и социального партнерства. Будут они актуальны и дальше, пока развивается демократия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Lassalle F. Das System der Erworbenen Rechte: In 2 B-de. Berlin, 1860. Bd. 1. S. 55.
[2] Das System der Erworbenen Rechte… S. 164.
[3] Das System der Erworbenen Rechte…
[4] Das System der Erworbenen Rechte… S. 326.
[5] Das System der Erworbenen Rechte… S. 165–166.
[6] Das System der Erworbenen Rechte…
[7] Das System der Erworbenen Rechte… S. 174–175.
[8] Das System der Erworbenen Rechte…
[9] Das System der Erworbenen Rechte… S. 417.
[10] Лассаль Ф. О сущности конституции // Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 2. С. 8.
[11] Лассаль Ф. О сущности конституции…
[12] Лассаль Ф. О сущности конституции… С. 19.
[13] Лассаль Ф. О сущности конституции…
[14] Лассаль Ф. О сущности конституции…
[15] Лассаль Ф. О сущности конституции… С. 20.
[16] Лассаль Ф. О сущности конституции… С. 13.
[17] Лассаль Ф. О сущности конституции…
[18] Лассаль Ф. О сущности конституции… С. 20.
[19] Лассаль Ф. О сущности конституции…
[20] Лассаль Ф. Что же теперь? // Сочинения: В 3 т. Т. 2. С. 28.
[21] Лассаль Ф. Что же теперь?… С. 40.
[22] Лассаль Ф. Что же теперь?… С.42.
[23] Лассаль Ф. Что же теперь?… С. 45.
[24] Лассаль Ф. Сила и право // Сочинения: В 3 т. Т. 2. С. 50.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gotthardt C. Industrialisierung, burgerliche Politik und proletarische Autonomie. Bonn, 1992. 440 s.
2. Na'aman S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
3. Ramm T. F. Lassalle als Rechts-und Sozialphilosoph. Meisenheim; Wien, 1953. 225 s.

Suvorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

F. LASSALLE ON LEGAL ASPECTS IN RELATIONS BETWEEN SOCIETY AND THE STATE

The main principles and thesis statements of Ferdinand Lassalle's juridical works are described in the article. In his work the "System of acquired rights" the author tries to justify legitimacy of revolutions, which are considered a process of the citizens' rights "cancel and purchase". In his speeches of the midst of the constitutional conflict (1862), Lassalle spoke of the essence of constitutions. He also argued that it was the state institutions with real power that developed legal regulations. The objective of parliamentarians is to defend the interests of the people. This goal inherent to the Parliament turns this institution into a real political force to be considered by both the royalty and the government.

Key words: Ferdinand Lassalle, revolution, constitution, power, law, parliament, constitutional conflict

REFERENCES

1. Gotthardt C. Industrialisierung, burgerliche Politik und proletarische Autonomie. Bonn, 1992. 440 s.
2. Na'aman S. Lassalle. Eine neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
3. Ramm T. F. Lassalle als Rechts-und Sozialphilosoph. Meisenheim; Wien, 1953. 225 s.

Поступила в редакцию 01.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 37–42 **Филологические науки** **2016**

УДК 83.3

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГУБАНОВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков факультета лингвистики, Международный институт рынка (Самара, Российская Федерация)
gubanov5@rambler.ru

ЭПИТЕТ В АСПЕКТЕ СОЧЕТАЕМОСТИ С СУБСТАНТИВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. ЦВЕТАЕВОЙ)

Дается характеристика основных моделей сочетаемости эпитета и субстантива в рамках эпитетного комплекса (эпитет плюс субстантив – определяемое слово), используемого в творчестве М. Цветаевой. Отмечается антропоцентризм обоих компонентов эпифразы, указываются основные типы метафорического и метонимического направлений в построении эпитета и подборе к нему определяемого компонента, отмечается уникальность логики поэта при работе с подбором эпитетов, а также некоторые тенденции поэтического языкового поиска. Представлена разработанная автором типология групп эпитетов и субстантивов на основе семантического критерия. Выводы основываются на семантическом и статистическом методах лингвистического анализа, а также на авторской интерпретации языковых фактов в рамках идиостиля Цветаевой. Уникальность языка Цветаевой, как показал анализ одного участка концептосферы – эпитета, заключается в развернутой характеристике реалий окружающего мира с позиции личности, человека эмоционального.

Ключевые слова: эпитет, Цветаева, эпифраза, метафора, метонимия, антропоцентризм

Несмотря на исследовательский интерес лингвистов к изучению особенностей прилагательного в лирике М. И. Цветаевой [1], [3], [4], *эпитет* во всем его многообразии остается неизученным в коммуникативно-деятельностном, системном аспектах; попытка такого исследования представлена А. В. Громовой [2: 46]. Сложный эпитет (с некоторыми примерами из текстов М. Цветаевой) рассмотрен частично в монографии Т. М. Фадеевой [9]. Элементы рассмотрения эпитетных слов и определяемых ими существительных содержатся в работах, посвященных тем или иным лексическим и семантическим особенностям поэтики цветаевских текстов [2], [5], [6], [7], [8], [10], [11].

Комплексное рассмотрение эпитета в текстах Цветаевой, трактовка его природы, лексемного состава, когнитивных механизмов конструирования и связь этих механизмов с интенциями авторского Я, с основными константами, концептами творчества пока остаются неисследованными.

В настоящей статье рассмотрим тенденции сочетаемости определений и определяемых слов крупнопланово, в рамках тематических сфер, а затем проанализируем валентностные свойства определений, относящихся к сфере человека, поскольку именно она является самой репрезентативной и частотной в творчестве Цветаевой.

Отметим, что в текстах произведений Цветаевой намечается, с одной стороны, тенденция к использованию в рамках одной эпифразы субстантивной и адъективной лексики одной семантики (наименования органов тела человека, абстрактных понятий: любовь, совесть, память и т. д., напр.: *памятливая совесть*) – таких эпифраз около 65 %, а с другой стороны, налицо тенденция переноса слов-определений из одной тематической сферы в другую (35 %).

Рассмотрение тенденций сочетаемости эпитетов и определяемых слов в произведениях Цветаевой привело к следующим выводам. Самой употребительной группой лексем в функции эпитетов оказалась группа определений концептосферы человека (наряду с группой артефактов и группой природы), самыми частотными из которых являются определения эмоционального и характерологического типов; немного уступают им эпитеты, описывающие физические свойства предметов. Сочетаемость групп эпитетов с различными определяемыми словами дает основания говорить о преобладании логики олицетворения и персонификации: при субстантивах, связанных со всеми сферами, преобладают эпитеты антропологической (прежде всего эмоциональной) семантики, что способствует образованию метонимических (в сфере человека) и метафорических (в сферах артефактов и природы) эпитетов. Семантика определений зачастую трансформируется: прямое значение определения приобретает дополнительные оттенки смысла в силу своей принадлежности к иной денотативной области.

В группе эпитетов, исходно (по своему прямому значению) относящихся к сфере человека, около 70 % приходится на определения антропоцентричной семантики, среди которых лидирует группа эмоционально-психологических определений (375 употреблений; напр.: *печальная душа*), доля других групп невелика (внешнего облика – 12 контекстов; напр.: *память голубоокая*; интел-

© Губанов С. А., 2016

лектуальной деятельности – 10 контекстов; напр.: *памятливые глаза*, межличностных отношений – 8 единиц; напр.: *взаимный сон*; отмечены единичные употребления эпитетов других групп). Эпитеты иных групп демонстрируют пеструю картину сочетаемости: чаще всего используются эпитеты семантики физических свойств предметов, которые принимают участие в овеществлении понятий, связанных с человеком как живым существом (*замшевый нос*). Имена артефактов олицетворяются посредством их сочетаемости с антропоморфными эпитетами (более 85 %), что позволяет говорить о повышенном внимании поэта к использованию антропоцентричной лексики: среди всех групп таких определений особой частотностью выделяются также эмоционально-психологические эпитеты (около 70 % от числа эпитетов данной сферы). Природные объекты осмысляются в логике персонификации, причем лидеров среди конкретных групп антропоморфных эпитетов не наблюдается: актуализируются как внешние, так и психологические особенности одушевленной реалии.

Несмотря на многообразие эпитетов и определяемых слов, относящихся к группе состояния субъекта, можно проследить некоторые тенденции в их употреблении. Идиостиль Цветаевой характеризуется повышенным вниманием к изображению внутренней жизни субъекта; ее описание в рамках эпифраз происходит путем привлечения эпитетов сферы «человек» в сочетании с субстантивами преимущественно этой же субсферы – в таком случае образуется метонимический эпитет; если в качестве субъекта выступает природный объект или артефакт, происходит конструирование эпифразы с метафорическим эпитетом.

Наиболее показательными в этом отношении нами признаются «антропоцентричные» метонимические модели переноса эпитета по векторам: человек (как целое) – орган человека (часть): *грустные глаза*, *сонные глаза*, *несмелая рука* (1024 контекста, 52 %), человек (как целое) – абстрактное понятие или состояние человека (часть или проявление): *невыспавшийся сон*, *взгляд*, *к обороне готовый* (544 контекста, 20 %), человек (как целое) – артефакт (производное, «продукт» человеческой деятельности): *тревожный дом*, *отзавтракавший стол* (106 контекстов, 4 %). Так, можно констатировать, что метонимическая логика осмысления реалий оказывается для поэта основной.

В текстах Цветаевой наиболее представительной с учетом количества различных имен, частотности их словоупотребления, а также разнообразия эпитетов, употребляемых при них в составе эпифраз, является сфера человека. Более 80 % всех словоупотреблений субстантивов включают эпитеты, относящиеся к данной сфере (*унылый час, мятежный карандаш, нежная рука, скрытные ресницы, заспанная рука* и т. д.).

Сфера человека, будучи самой репрезентативной и представленной многообразными именами, демонстрирует сочетаемость с эпитетами, относящимися к семантической группе «определения, характеризующие человека (субъекта)» (более 70 % словоупотреблений). Эпитеты тяготеют к метонимическому означиванию субъекта (лица), сочетаясь с различными определяемыми словами, обозначающими части человеческого тела или абстрактные понятия сферы человека.

Субстантивы, номинирующие части человеческого тела, чаще всего используются в сочетании с эмоциональными эпитетами (187 единиц) и эпитетами, обозначающими физическое состояние человека (158 единиц). В этом случае внутреннее состояние человека (типичное для него или ситуативно обусловленное) своеобразно проецируется на те или иные детали его облика, воспринимаемые извне. Так возникает метонимический эпитет: А рука-то занемелая, / *А рука-то* ***сонная***… (3: 215)[1] (*рука сонного человека*), *Вызов* ***смелого*** *жеста* (1: 199) (жест человека, способного на смелые поступки); *На завитки ресниц* / ***Невинных*** *и* ***наглых****… Загляделся один человек…* (1: 319) (завитки ресниц человека, испытывающего чувство наглости); *Отказ* ***равнодушных*** *глаз…* (2: 232) (в глазах читается отказ человека, испытывающего равнодушие); ***Дерзкая****, – ох! – кровь* (1: 270) (характер человека – *дерзкий*); *Рвусь к* ***любимому*** *плечу* (1: 52) (*к любимому человеку, к плечу любимого*); *Дугой согбен, все –* ***гордая*** *спина* (1: 552) (*спина гордого человека*; спина – частый заместитель человека вообще).

При обозначении частей тела человека сочетаемость таких имен (*глаза, рука, рот, кровь, спина* и т. д.) с эмоциональными и характерологическими эпитетами воспринимается как общеязыковое и общепоэтическое языковое словоупотребление, пусть и очень часто используемое поэтом. В тех же случаях, когда употребляются субстантивы абстрактного типа, происходит олицетворение или персонификация отвлеченных понятий, что влечет за собой появление яркого образа, построенного, с одной стороны, на метафорическом уподоблении абстракции человеку, а с другой стороны, на метонимическом сближении признака и имени, относящихся к одной денотативной сфере (см. выше статистические данные о типах переноса). Такое признаковое моделирование абстрактных концептов данной сферы показательно в отношении цветаевского концепта *сон*. Сну приписываются свойства человека: он может быть *мудрым, невыспавшимся* и т. д.: *Вам* ***мудрый*** *сон сказал украдкой…* (1: 48); *Обеими руками / В твой* ***невыспавшийся*** *сон* (2: 128). Небо тоже может быть у Цветаевой «невыспавшимся»: ***Невыспавшееся*** *небо, точно протирающее глаза верхом руки* (1: 22).

Особенность цветаевской работы с рассматриваемым концептом заключается в «раскручивании» изначально общеязыковой эпифразы (ср. *глупый сон, мудрый сон*), которое выражается в расширении сочетаемости определений с данным субстантивом: любое определение, относящееся к сфере человека, может быть употреблено с любым (в нашем случае со словом *сон*) субстантивом эпифразы. На этом участке «расширения» сочетаемости эпитета и субстантива возникает яркий образный эффект, который особенно заметен применительно к именам, немного «оторвавшимся» от «физического человека», а потому ощущаемым как косвенно относящимся к сфере человека.

Такие метонимические по происхождению и метафорические по своему эффекту переносы определения прослеживаются относительно практически всех абстракций. Именно группы психологического состояния и внешнего облика субъекта чаще всего сочетаются с именами данной сферы (ср., например, эпифразы *дерзкая кровь, зоркая ночь, молодая совесть*). Таких примеров около 60 % от общего количества эпитетов в составе модели «эпитет + субстантив сферы человека».

Иные типы эпитетов также довольно часто сочетаются с именами сферы «человек», но из-за небольшого количества самих лексем занимают меньшее место в общей системе словоупотребления.

Сочетаемость эпитетов и субстантивов группы «человек»

Покажем тенденции сочетаемости определений и субстантивов на примере самой употребительной группы эпитетов – группы, характеризующей субъекта.

1. Семантическая группа лексем, обозначающих эмоционально-психологическое состояние субъекта

Эмоции получают свое выражение в конкретных субстантивах (*глаза* (232), *рука* (47), *душа* (33), *рот* (11)), редко – в абстрактных номинациях (*воля, страсть, честь* – единичные примеры).

Самым частотным эпитетом следует признать эпитет *печальный* (синоним грустный) (15 субстантивов, 194 употребления):

а) субстантивы сферы «человек»: *глаза* (87 употреблений), *рука* (43), *душа* (14), *рот* (12), *губы* (10), *краса* (1), *страсть* (1), *честь* (1);

б) субстантив сферы артефактов: *дом* (12);

в) субстантивы сферы «природа»: *день* (6), *дымка* (1), *нива* (1).

Эпитет *печальный* (и наречие *печально*) – один из самых частотных эпитетов в творчестве Цветаевой; видимо, в этом выражается особенность мировосприятия поэта. Существительные практически всех ментальных сфер сочетаются с данным эпитетом, реализуя основное значение «погруженный в состояние грусти, печали, тоски» либо метонимически соотносящееся значение «вызывающий печаль»: ***Печальные*** *губы мы помним / И пышные пряди волос* (1: 103); *От дум, что вовеки не скажешь словами, /* ***Печально*** *дрожали капризные губки* (1: 99); *…чтоб у мамы в глазах / Не дрожали* ***печальны****е слезки?* (1: 105).

Грусть, печаль может быть выражена или читается во взгляде, глазах, слезах (как выражении печали), рте, губах субъекта. Данные выражения, часто употребляясь в речи и поэтическом языке, стали восприниматься как безобразные, стертые. *Грустная душа, страсть* – выражения, определяющие более глубокое чувство тоски, печали; у Цветаевой они предстают в качестве емких образов: *И сказал Христос, отец любви: / «По тебе внизу тоскует мама, / В* ***ней душа грустней пустого храма****, /* ***Грустен мир****. К себе ее зови*» (1: 34). Теологическая метафора, встроенная в ментальную модель «вместилище» – уподобление души пустому храму, повтор эпитета в краткой форме, – все это способствует созданию неповторимого наглядного образа.

Неслучайность образа грустной души как пустого, брошенного вместилища подтверждается еще одним контекстом: *В этой* ***грустной душе*** *ты бродил,* ***как в незапертом доме****.../ (В нашем доме, весною...)* (1: 107).

2. Семантическая группа лексем, обозначающих внешний облик субъекта, его физическое состояние

Эпитеты со значением внешнего облика человека сочетаются с лексемами двух сфер – человека (11 употреблений: глаза (2), рука, сердце, лоб; любовь (2), дружба, юность, мысли, ошибка) и природы (10 употреблений: небо (3), дерево; клюв, конь; ночь, холод); с субстантивом *дверь* – 1 употребление.

Центральными эпитетами данной группы выступают прилагательные *зрячий* и *слепой*, реализуя многообразные значения.

Эпитет *зрячий* (*зоркий*) (7 субстантивов; 10 употреблений):

а) субстантивы сферы «человек»: *глаза / взгляд* (1), *ошибка* (1), *рука* (1), *сердце* (1);

б) субстантивы сферы «природа»: *небо* (3), *клюв* (1), *круг* (1), *ночь* (1).

Лирическая героиня говорит о себе: *Все ведаю – не прекословь! / Вновь* ***зрячая*** *– уж не любовница!* (1: 122), имея в виду, что она теперь прозрела, то есть невлюбленная, не ослепленная любовью.

Эпитет слепой (5 субстантивов, 5 употреблений): *бич* (1), *очи* (1), *шарманщик* (1), *толпа* (1), *юность* (1).

Семантика данного эпитета многообразна:

а) «лишенный зрения»: *Не уходит шарманщик* ***слепой*** (1: 36);

б) «заблуждающийся, не видящий истины»: *Вся стража – розами увенчана: /* ***Слепая****, ша-*

лая толпа! (1: 387); *Можно ль, чтоб века / Бич слепоок / Родину света / Взял под сапог?* (2: 544);

в) «неопытный»: – *Остановись! – / Юность* ***слепа*** (2: 122);

г) «непреклонный, суровый, жестокий»: *Хищен и* ***слеп****, / Хищен и глуп.*

Милости нет: / Каменногруд (о роке) (2: 276).

При характеристике человека / людей (*шарманщик, толпа*) такие прилагательные реализуют свои прямые значения. При номинации же других реалий, не связанных с конкретно названным лицом, в семантической структуре эпитета появляются новые оттенки смысла. Например: *Грань дружбе* ***гордой и голой*** (2: 270) концепт *дружба* начинает осмысляться иначе: это дружба честных людей, самоотверженная, настоящая – эпитет *голый* приобретает новые созначения, отличные от прямого значения. Или во фразе: *Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая / Свет – люблю тебя,* ***зоркая*** *ночь* (1: 245) происходит сложное моделирование образа ночи, темной до такой степени, что она способна все видеть, а потому зоркая, черная, как глаза.

Так, эпитеты приобретают новые оттенки значения, формально оставаясь в рамках данной группы эпитетов с учетом их прямых значений.

3. Семантическая группа лексем, обозначающих характер субъекта

Среди эпитетов данной семантической группы наблюдается их частая сочетаемость с субстантивами всех трех сфер.

Эпитеты, сочетающиеся только с номинациями человека, представлены следующими лексемами:

– *капризный* (5 субстантивов, 16 употреблений): *душа* (8), *губы* (5), *извилина губ* (1), *речь* (1), *сердце* (1);

– *брезгливый* (2 субстантива, 4 употребления): *грусть* (уст) (1), *наклон* (3);

– *вероломный* (3 субстантива, 3 употребления): *глаза* (1), *кровь (жилы)* (1), *сон* (1);

– *упрямый* (3 субстантива, 3 употребления): *завиток* (1), *рука* (1), *угроза* (1).

Вероломство и верность становятся близкими понятиями при характеристике лирической героиней своего внутреннего Я:

Цыганская страсть разлуки! / Чуть встретишь – уж рвешься прочь! / Я лоб уронила в руки / И думаю, глядя в ночь: / Никто, в наших письмах роясь, / Не понял до глубины, / Как мы ***вероломны****, то есть – / Как* ***сами себе верны*** (1: 354). Вера, верность не другому, пусть даже самому любимому человеку, а себе, своей натуре, становятся для Цветаевой важнее любви, а «цыганская страсть разлуки» – выражением свободы от всего земного. Так, признак *вероломный* сохраняет исходное значение в контекстах-эпифразах, но меняет внутреннюю мотивированность при употреблении в предикативной функции применительно к образу лирической героини, расшифровывающей новый смысл определения. Для Цветаевой эпитет становится ключевым словом стихотворения, раскрывающим мироощущение поэта.

Характер человека заметнее всего проявляется и «считывается» с глаз, поэтому самым частотным является именно этот субстантив (75 употреблений); затем идут такие имена, как *рука* (33), *губы (рот)* (26), *душа* (19).

Природные объекты – *местность, лес* (2), *дерево, луг, пруд, ветер, воздух* – одушевляются и используются поэтом для распространения признака, обозначающего внутреннее состояние субъекта, на природную реалию: ***Ревнивый*** *ветер треплет шаль* (1: 21); *Дерево,* ***доверчивое*** *к звуку…* (3: 562).

4. Семантическая группа лексем, обозначающих возраст субъекта

Группа эпитетов с семантикой возраста демонстрирует очень широкую сочетаемость с самыми различными субстантивами. Большинство из них относятся к сфере человека. С одной стороны, представлены конкретные имена: *глаза* (21), *рот* (6), *губы* (5), *лоб* (5), *рука* (4), *сердце* (1); с другой стороны, абстракции – *важность, стыдливость, совесть*: *Бузина – целый сад залила / Кровью* ***юных*** *и кровью чистых…* (2: 411); *И мне дороже* ***старческие*** *очи / Открытых небу* ***юных*** *глаз* (1: 166); *Раскрепощу* ***молодую*** *совесть* (1: 568).

Сфера природы представлена номинациями в прямом значении с такими субстантивами, как *буря, мир, уж, змея, волчица* и др.

О столе как концепте творчества Цветаева говорит, создавая образ «живого» артефакта: *…****живым*** *стволом! / С листвы* ***молодой*** *игрой / Над бровью, с* ***живой*** *корой…* (стол) (2: 265).

5. Семантическая группа лексем, обозначающих межличностные отношения

Эпитеты с семантикой межличностных отношений демонстрируют сочетаемость со следующими субстантивами:

– концептосферы «человек» (9 единиц: *глаза / взгляд / ресницы / зрачок, рука, душа, уста, кивок; сон*): *Кошусь на своего белого негра: глаза* ***невинные*** (3: 105); …будет разрешен / ***Себялюбивый, одинокий*** *сон* (1: 547); *Сумрак ночей и улыбку зари / Дай отразить в* ***успокоенном*** *взоре* (1: 148);

– с некоторыми артефактами (*риза, ряса, флейта*): *Я полюбила: / Мутную полночь, /* ***Льстивую*** *флейту, / Праздные мысли* (1: 402); *Не для* ***льстивых*** *этих риз, покрывалом…* (2: 204).

Необходимо отметить, что исходная семантика эпитетов трансформируется: например, *льстивый человек – флейта льстивого человека – льстивая флейта (мелодия)*, но уже не просто *льстивая*, а *манящая, призывная*, милая слуху,

то есть характеризуется звучание инструмента и его эстетическое восприятие.

6. Семантическая группа лексем, характеризующих субъект как производителя действия

Субъект трактуется нами предельно широко в качестве лица или абстрактного производителя действия; таковым действием может наделяться практически любая реалия, ситуативно становящаяся центром высказывания.

Среди большого количества разнообразных действий отметим две противопоставленных друг другу группы: действия деструктивные (*бить, рушить, расколоть* и т. д.) и созидающие (*писать, пахать, ваять* и т. д.).

Производитель действия мыслится автором абстрактно: *упирающиеся страсти* (= люди), *спешащая река* (вода), *плющ, обнимающий край плаща* (природный объект), *лес, сорвавшийся ввысь; минута, мерящая* (время как субъект). Эти факты говорят о широкой сочетаемости данной группы эпитетов практически с любыми, ситуативно актуализированными понятиями.

7. Семантическая группа лексем, обозначающих интеллектуальные способности субъекта

Группа эпитетов с семантикой умственной активности субъекта уникальна в том смысле, что все определения употребляются исключительно с антропологическими субстантивами: *глаза/зрачок, губы, рот; слово; грех.*

Ему в ***задумчивые*** *глазки / Взглянула…* (1: 24); *С рожденья чуждые мольбам, / К его* ***задумчивым*** *губам / Они прильнули обе... обе...* (1: 107); *В какой обратился треклятый ад / Мой* ***глупый*** *грешок грошовый!* (1: 189).

8. Семантическая группа лексем, характеризующих речевую деятельность субъекта в широком смысле

Данная группа определений в большинстве своем относится к субъекту в широком смысле, в том числе при его метонимическом обозначении – как субъекта речевой деятельности (*рот, гадавший многим*), субъекта морально-психологической деятельности (*душа, не съевшая обиды*). В целом речевая деятельность в текстах Цветаевой часто оценивается автором с той или иной точки зрения, что выражается в большом количестве экспрессивно окрашенных лексем: ср. *под плащом лгущим и лгущим* (то есть скрывающим).

9. Семантическая группа лексем, обозначающих социальный статус лица

Социальная характеристика относится к субъекту в широком понимании: это и человек (употребление субстантивированных *богатый, нищий*), и его проявления (*барская, царская тоска, дворяно-российский жест, нищая любовь*), а также реалии окружающего мира (*владение, город, дом, сад, цветник* и т. д.).

Проведенное исследование дает повод говорить о предпочтении М. Цветаевой антропоцентричной лексики в составе эпифразы как со стороны конструирования образа посредством эпитета, так и в рамках его сочетаемости с субстантивом; основным механизмом построения образа следует признать метонимический.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольская Н. И. О славянизмах в поэтическом языке М. Цветаевой // Русский язык в школе. 2002. № 4. С. 61–69.
2. Громова А. В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М. И. Цветаевой) // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6 (96). С. 46–49.
3. Громова А. В. Эстетическая актуализация имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах в лирике М. И. Цветаевой // Сибирский филологический журнал. Вып. 1. Новосибирск, 2010. С. 228–232.
4. Губанов С. А. О механизмах переноса прилагательного в художественном тексте (на материале творчества М. И. Цветаевой) // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике». Кемерово: Изд-во КемГУ, 2006. С. 651–656.
5. Зубова Л. В. Субстантивация прилагательных и причастий в стихотворениях Марины Цветаевой // Семасиология и грамматика. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 1977. С. 39.
6. Зубова Л. В. Внутрисловная полисемия и омонимия в поэзии М. Цветаевой // Слово и конструкция в художественном тексте. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1991. С. 26–37.
7. Порошина А. И. Прием семантической аппликации: функционирование и особенности реализации в поэтических текстах различных жанров: стихотворение, лирический цикл, поэма, лирическая поэма (на материале текстов М. Цветаевой) // Вестник ЧГПУ. 2009. № 7. С. 273–279.
8. Порошина А. И. Семантический сдвиг как следствие семантической аппликации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 164–165.
9. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 350 с.
10. Фадеева Т. М. Основные единицы, выражающие определяемые объекты при сложных эпитетах // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2010. № 5. С. 24–30.
11. Фокина М. В. Системноязыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката (на материале текстов М. Цветаевой и Б. Пастернака) // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. 2006. № 3. Вып. 2. С. 109–111.

Gubanov S. A., International Market Institute (Samara, Russian Federation)

THE ASPECT OF EPITHET AND SUBSTANTIVE COMPATIBILITY (BASED ON M. TSVETAEVA'S WORKS)

The basic models of the epithet and substantive compatibility within the frames of the epithet complex (adjective + substantive – determined word) used in the works of M. Tsvetaeva are characterized. The anthropocentrism of both components of the epiphrase is highlighted; the main types of metaphoric and metonymic directions in the epithet constructions are determined; uniqueness of the poet's logic when dealing with epithets' selection is emphasized; the trends of poetic language search are accentuated. On the basis of semantic criteria a special classification typology of the adjective and substantive groups is presented. The research results are based on the use of both semantic and statistical methods of linguistic analysis, as well as on the author's interpretation of linguistic facts inherent to M. Tsvetaeva's style. As it was shown in the analysis, uniqueness of M. Tsvetaeva's language is characterized by the wide employment of epithets, by the description of the world realities from the standpoint of a person, of an emotional person.

Key words: epithet, M. Tsvetaeva, epiphrase, metaphor, metonymy, anthropocentrism

REFERENCES

1. Vol'skaya N. I. About Slavic words in poetic language M.Tsvetaeva [O slavyanizmakh v poeticheskom yazyke M. Tsvetaevoy]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2002. № 4. P. 61–69.
2. Gromova A. V. The expressive potential of attributive adjectives in regulatory structures epithet type (based on the poetry M. I. Tsvetaevoy) [Vyrazitel'nyy potentsial imen prilagatel'nykh v atributivnykh regulyativnykh strukturakh epitetnogo tipa (na materiale poezii M. I. Tsvetaevoy)]. *Vestnik TGPU*. 2010. Issue 6 (96). P. 46–49.
3. Gromova A. V. Aesthetic actualization of attributive adjectives in the regulatory framework in the lyrics M. I. Tsvetaeva [Esteticheskaya aktualizatsiya imen prilagatel'nykh v atributivnykh regulyativnykh strukturakh v lirike M. I. Tsvetaevoy]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* Issue 1. Novosibirsk, 2010. P. 228–232.
4. Gubanov S. A. About mechanisms of metaphors in the poetic language of M. Tsvetaeva [O mekhanizmakh perenosa prilagatel'nogo v khudozhestvennom tekste (na materiale tvorchestva M. I. Tsvetaevoy)]. *Novoe v kognitivnoy lingvistike: Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike"*. Kemerovo, Izd-vo KemGU, 2006. P. 651–656.
5. Zubova L. V. Substantivation adjectives and participles in the poems of Marina Tsvetaeva [Substantivatsiya prilagatel'nykh i prichastiy v stikhotvoreniyakh Mariny Tsvetaevoy]. *Semasiologiya i grammatika*. Tambov, Izd-vo Tambovskogo un-ta, 1977. P. 39.
6. Zubova L. V. Intraword polysemy and homonymy in the poetry of Marina Tsvetaeva [Vnutrislovnaya polisemiya i omonimiya v poezii M. Tsvetaevoy]. *Slovo i konstruktsiya v khudozhestvennom tekste*. Tjumen, Izd-vo Tjumenskogo un-ta, 1991. P. 26–37.
7. Poroshina A. I. Admission semantic applications: operation and implementation features in the poetic texts of different genres: a poem, a lyrical cycle, a poem, a lyrical poem (based on texts of M. Tsvetaeva) [Priem semanticheskoy applikatsii: funktsionirovanie i osobennosti realizatsii v poeticheskikh tekstakh razlichnykh zhanrov: stikhotvorenie, liricheskiy tsikl, poema, liricheskaya poema (na materiale tekstov M. Tsvetaevoy)]. *Vestnik ChGPU*. 2009. № 7. P. 273–279.
8. Poroshina A. I. The semantic shift as a result of semantic applications [Semanticheskiy sdvig kak sledstvie semanticheskoy applikatsii]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2009. № 2. P. 164–165.
9. Fadeeva T. M. *Slozhnyy epitet v khudozhestvennom prostranstve russkogo yazyka* [Complex epithet in the artistic space of russian language]. Moscow, Izd-vo MGOU, 2013. 350 p.
10. Fadeeva T. M. Basic units expressing defined objects in complex epithets [Osnovnye edinitsy, vyrazhayushchie opredelyaemye ob''ekty pri slozhnykh epitetakh]. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"*. 2010. № 5. P. 24–30.
11. Fokina M. V. Sistem-linguistics and individual copyrights ways and means of expression of a predicate (based on texts by M. Tsvetaeva and V. Pasternak [Sistemnoyazykovye i individual'no-avtorskie sposoby i sredstva vyrazheniya predikata (na materiale tekstov M. Tsvetaevoy i B. Pasternaka)]. *Vestnik Saratovskogo gosagrouniversiteta im. N. I. Vavilova*. 2006. № 3. Issue 2. P. 109–111.

Поступила в редакцию 20.11.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 43–48 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.11

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАЗЯБА
кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Северодвинск, Российская Федерация)
kazaba@yandex.ru

ИМЕННАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ В СФЕРЕ НИКНЕЙМОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Никнейм – неотъемлемый элемент современной ономастической системы. Его основными функциями являются: идентификация, самоидентификация, самопрезентация и самономинация интернет-пользователя. Последняя функция выступает в роли базового свойства никнейма. Самономинация посредством никнейма осуществляется в интернет-коммуникации разнообразными путями. Анализ 4000 никнеймов и сопутствующих им персональных данных немецкоязычных пользователей таких интернет-сервисов, как Twitter, ICQ, Facebook, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft, показал, что каждый пятый никнейм создан на базе «чужих» или прецедентных имен собственных. Такой способ именного моделирования представляет собой именную транспозицию – перенос именования одного денотата на другой. Существует два основных способа именной транспозиции. Первый из них – трансантропонимизация, то есть перенос личных или фамильных имен с одного индивида на другой. В качестве никнейма используются множественные, но чаще – единичные (прецедентные) антропонимы: имена, фамилии, псевдонимы музыкантов, спортсменов, политиков, героев книг, фильмов и т. д. Важным условием трансантропонимизации между двумя денотатами выступает принцип их подобия и близости. Менее распространен второй способ именной транспозиции – трансонимизация. Она предполагает переход онима одного разряда в другой. Данным самономинациям также присуща прецедентность с отсылкой к реальным и ирреальным денотатам. Такие никнеймы создаются из названий торговых марок, автомобилей, городов, мифонимов и т. д. Исследование доказывает, что именная транспозиция – востребованный вид самономинации в немецкоязычном интернет-пространстве. Подобные никнеймы обладают значительным иллокутивным содержанием и коннотациями, а также прямо или косвенно характеризуют их автора.

Ключевые слова: антропоним, никнейм, самономинация, интернет-коммуникация, именная транспозиция, трансантропонимизация, трансонимизация

Никнейм (ник, сетевое имя) уже относительно давно и прочно занял свое место в ономастической системе любого языка. Немецкий язык в этом смысле также не является исключением. Представляя собой особый вид антропонима компьютерно-опосредованной коммуникации, никнейм реализует такие важные функции, как: идентификация, самоидентификация, самопрезентация и, наконец, самономинация интернет-пользователя. Последняя функция выступает в роли основополагающего, базового свойства и уникальной особенности никнейма.

Самономинация посредством никнейма осуществляется в интернет-коммуникации разнообразными путями: это использование собственного реального антропонима *(Margo17, >>>Friedmann<<<, Nick Sobinski)*, апеллятивных единиц *(SPORTFAN, Schöne, Mr. Nein!)* и их комбинаций *(klein lizzy, Quietschende Carola, Andreas from Germany)* в роли сетевого имени. Совершенно особой группой представлены никнеймы, для продуцирования которых пользователи применяют «чужие» или прецедентные имена собственные. Данный сегмент именного моделирования находится в фокусе предлагаемой статьи. Пласт самономинаций такого рода в немецкоязычном интернет-пространстве довольно обширен. Исследованию подверглись 4000 никнеймов и сопутствующих им метаданных немецкоязычных пользователей сервисов Twitter, ICQ, Facebook, Flickr, World of Tanks, World of Warcraft. Проведенный анализ выявил, что порядка одной пятой виртуальных самономинаций составляют ники, созданные на базе присвоенных имен собственных разных классов: *Michael Jackson (Amanda Knorr), Mutter Theresa (Astrid Brückner), !!!Toyota!!! (Mischa), Cocacola22 (Frieda Merz), m@rs (Udo Gruennenberg).*

Внушительный объем описываемого именного пласта обусловливается многоплановыми мотивами данной самономинации, как-то: анонимизация, «маскировка» личности, потребность в демонстрации оригинальности и (или) креативности, желание отличаться от других пользователей, юмор и (само)ирония. Зачастую с помощью таких никнеймов человеком подчеркивается какая-либо одна или сразу несколько сторон его персоны. Например, юный

© Казяба В. В., 2016

рок-музыкант и поклонник группы «Tokio Hotel» *Mathias Bickes* общается под ником *Bill Kaulitz*, который, в сущности, представляет собой имя и фамилию солиста-лидера обозначенного музыкального коллектива. Выбор сетевого имени объясняется пользователем следующим образом: «*Ich mag Tokio Hotel und ich selbst spiele Rock. Meine Freundin meint, ich und Bill, wir beide sind im Prinzip ähnlich. Echt*» (записано со слов информанта). Ряд мотивов самономинации связан с некими эмоционально значимыми для обладателя имени основаниями. Молодая женщина *Milena Poerta* имеет ICQ-никнейм *Aronda*, обозначающий, по ее же собственным словам, принцессу некоего литературного произведения. На вопрос о мотивах выбора сетевого имени респондентка ответила в анкете-опроснике следующее: «*...mein ex-freund hat mich "Aronda" genannt*» (оригинальная пунктуация и орфография респондента сохранены).

Присвоение «чужих» имен собственных осуществляется либо непосредственным переносом именования одного денотата на другой, либо путем сравнения или на основе какой-то близости, сопряженности понятий. В роли исходных объектов именного перемещения (так называемой лексической транспозиции) могут выступать реальные индивиды, мифологические образы, герои произведений искусства и так далее.

Основой такого переноса имен выступает, как правило, ассоциативная обусловленность последних. Исходный образ, чей оним используется во вторичной номинации, непременно оказывается похожим на тот, который принимает это имя. Принцип подобия – основное условие для именной трансакции [3: 105].

Транспозиция имен может касаться разных сфер ономастического пространства. В рамках изучаемого фактологического материала представляется возможным выделить два основных способа образования никнеймов на базе «чужих» имен собственных. Самономинации первой группы созданы в процессе ***трансантропонимизации***, то есть переноса личных или фамильных имен с одного индивида на другой.

В исследуемом именном массиве прослеживаются разнородные акты трансантропонимизации.

1. Первый рассматриваемый путь характеризуется заменой реального антропонима на любой другой, множественный антропоним, свойственный традиционной системе человеческих имен. Пользователь меняет собственное имя на то, которое, по его мнению, более благозвучно, престижно и подходяще. Чаще всего речь идет о сугубо личных пристрастиях и желаниях таким образом скорректировать свой виртуальный образ в нужную сторону. Во всех изученных случаях антропонимической субституции подвергаются личные имена. Примерами таковых самономинаций являются: *Fritze (Tim Liehgeis), marius (werner heinrich), *~[anastasia]~* (Anna Wegener), ¦• ¤ Suzzy (Dania Brandes), MANUEL (robert Pfote), Hänschen (Karl Sommerfeld).* Иногда наблюдается расслоение реальной и виртуальной личности пользователя, что обусловливает потребность в разных именах для живого и компьютерно-опосредованного общения. Например, *Jens Winkler* скрывается под ником *Oscar*, объясняя сей факт следующим образом: «*…fur hier bin ich oscar- sicher, cool, frech, girlfreund. lol. Jens & os-car=nix gemeinsammes(=*» (оригинальная пунктуация и орфография респондента сохранены).

Множественные «чужие» антропонимы, выполняющие роль никнейма в интернет-сервисах, иногда принадлежат вполне реальным носителям. В качестве последних выступают родственники и друзья автора самономинаций, который присваивает себе имена обозначенных лиц. Так, использование мужчиной явно женского антропонима для самопредъявления в Глобальной сети первоначально приводит собеседника в замешательство. В процессе общения становится понятно, что ник является не чем иным, как именем второй половины юзера: *Betti (: (Maike Conradi), Madina♥♥♥ (Jan Feldmeyer).* Женщины также употребляют антропонимы мужей и ухажеров для самономинации: *Charly (Marina Rothe), ---KrIs--- (Romina Kremer).*

2. Использование имен, принадлежащих конкретным денотатам, находит отражение во втором способе трансантропонимизированного генерирования никнеймов. Однако в этом случае мы имеем дело не с множественными, а с единичными антропонимами. В традиционном прозвищном имятворчестве непременным условием перехода антропонима с одного индивида на другой является известность носителя имени, его прецедентность [3: 106]. Под прецедентными именами в общем смысле мы склонны понимать «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [2: 3]. Таким образом, прецедентные имена мыслятся нами не просто как общеизвестные «чужие», единичные антропонимы, а как различные классы имен собственных, обладающих эмоциональной и когнитивной значимостью в рамках определенной лингвокультуры [1: 7].

Отечественный германист Ю. А. Блинова выделяет две области прецедентного ономастического пространства: прецедентные имена собственные с реально существующими и с мнимыми денотатами. В прецедентном ономастиконе с реальными денотатами исследователь выделяет

три класса прецедентных имен собственных: антропонимы, хрематонимы (названия продуктов материальной и духовной деятельности человека) и хрононимы (названия событий, явлений). К области прецедентных имен собственных с денотатами из ирреального пространства отнесены такие классы имен собственных, как мифонимы, имена сказочных персонажей, библейские онимы, антропонимы из мира литературы и кино [1: 9–12].

Как отмечалось выше, в исследуемой группе ников, базирующихся на трансантропонимизации, вычленяется обширный слой самономинаций, созданных из прецедентных (единичных) антропонимов. С целью создания виртуального образа немецкоязычные юзеры охотно присваивают себе личные имена, фамилии, клички, псевдонимы и прозвища, принадлежащие реальным денотатам. Рассмотрим детально наиболее популярные области реального антропонимического заимствования.

2.1. В роли интернет-никнейма активно циркулируют антропонимы лиц, известных в какой-либо профессиональной сфере. Излюбленным приемом у пользователей оказывается номинирование себя именем почитаемого музыкального исполнителя: *Rihanna (Evelyn Jurk), Shakira (Laura Erlen), M. Manson (Simon Kracker), EMINEM (Thomas Wrt.).* Иногда прослеживается половой диссонанс пользователя и никнейма: *Justin Bieber (Lisa Brunner), Beyonce (Antonio Hoffmann).* События, происходящие в мире музыки, мгновенно отражаются в интернет-именах. Иллюстрацией к сказанному является факт появления летом 2009 года обилия ников, посвященных известному американскому исполнителю Майклу Джексону. По заверениям многих пользователей, самономинация была данью памяти скоропостижно скончавшемуся поп-королю: *Michael Jackson (Maximilian Saas), Michael Jackson (meyer rick), michael jackson (ann-marie neuber), Michael Jackson (Felix Zewe), Michael Jackson (dustin loeh), King Mike Jackson (Valerie Nattan).*

Наряду с именами музыкантов немецкоязычные интернет-коммуниканты активно прибегают к использованию имен спортсменов, особенно футболистов. В основе своей эти самономинации также зиждутся на переносе антропонима с кумира на поклонника: *ronaldo (Daniel Mauelshagen), zidan (Asd Nmr), _Messi_ (Otto Perelmann).*

В корпусе примеров прослеживаются заимствования имен лиц из политической сферы: *Angela Merkel (Hans Maulwurf), Gandhi2000 (Jan*), Mr. Putin (Georg Tulpe), O!bama (Krisian Sachs).* Мотивы таковых транспозиций неоднородны. Например, под ником *Che Guevara* скрывается пятнадцатилетний мальчик *David Gehrmann*, который убежден, что имя команданте как нельзя лучше отражает мятежный дух, свойственный его возрасту. Пользователь *David Wegner*, будучи приверженцем социал-демократических взглядов, ником избрал фамилию создателя первого социалистического государства – *Lenin*. В свою очередь коммуникант *Jürgen Lehnert* с аналогичным сетевым именем объясняет его происхождение своим внешним сходством с вождем мирового пролетариата.

Любопытной тенденцией является то, что в качестве вторичного знака номинации используются единицы, которые сами по себе уже являются прозвищными, псевдонимическими. Примером служит ранее упомянутый ник *Lenin*. Женщинам полюбился сценический псевдоним певицы Стефани Джерманотты, более известной как Lady Gaga: *lady gaga (gaga feat laura lady ^^), Lady Gaga (Manuela Plonka), Lady Gaga (Isabelle Herlinghaus).* Одна пользовательница в попытке примерить на себя образ любимой певицы виртуально пользуется не только ее псевдонимом, но и указывает в графе «реальное имя, фамилия» данные исполнительницы, а не собственные: *lady Gaga (Joanne angelina stefani germottha).* Пользователь *Davide Kleinann* предстает под никнеймом *Italian Stallion*, который представляет собой кличку киноактера Сильвестра Сталлоне, сыгравшего роль в одноименном фильме. Виртуальный собеседник утверждает, что он, во-первых, как и звезда, родом из Италии, а во-вторых, крайне похож на образ, созданный актером в названной ленте.

2.2. Способ трансантропонимизации широко применим в моделях самономинаций, основанных на именах собственных не только реальных, но и ирреальных денотатов. К последним причисляются геронимы, то есть имена персонажей кинофильмов, мультфильмов, литературных произведений, компьютерных игр и так далее.

Довольно популярными оказываются имена героев компьютерных игр: *Sindel (Irma Körstin), Jonny Banana (Daniel Gerhardt), Exorcio (Jens), --=cYrAx=-- (Norman S.).* Данные самономинации в основе своей сообщают лишь то, какой игрой увлечен пользователь и на чьей стороне находятся его симпатии. Хотя некоторые признаются, что выбор в качестве ника имени того или иного героя игры строится на неком сходстве между персонажем и геймером. Например, пользователь *Max* именует себя как *Sephiroth*, антропонимом главного антагониста видеоигры «Final Fantasy VII». Автор никнейма усматривает ряд сходств с персонажем: внешняя красота, противоречивость характера, любовь к матери и подчеркнутое равнодушие к женщинам.

Нередко такие ники – это лишь отражение модных тенденций игровой индустрии. Так, появление продолжения легендарного шутера «Duke Nukem» в июне 2011 года, которого гейме-

ры ждали 14 лет, спровоцировало возникновение однотипных никнеймов, в основе которых лежит имя героя игры: *Duke Nukem (Marco Launek), Duke Nukem (Tommy).* Антропонимический массив виртуальной коммуникации оказывается весьма чувствительным к любым модным тенденциям и значимым событиям определенной сферы жизни человека.

Весьма своеобразен способ именования себя через ирреальную трансантропонимизацию, когда человек в качестве никнейма использует свой собственный виртуальный антропоним, функционирующий в компьютерной ролевой игре. Такие культовые игры, как «Gothic» и «World of Warcraft», подразумевают создание собственного игрового персонажа со всеми персональными атрибутами, в том числе – именем. Появление последнего в других интернет-сервисах – результат двойной самономинации. Сначала осуществляется выбор / создание ника для процесса игры, а после – его вторичный выбор как именного знака и перенос, например, в сферу социальных сетей, ICQ-коммуникации. В ходе исследования было обнаружено 214 пользователей, пытающихся сохранить таким образом целостность своей виртуальной личности: *Zwörgy (Stefanie), -=Mordrag=- (Daniel Heide).* Иллюстрацией сказанному служит никнейм пользователя *Jim* в игре «World of Warcraft», где персонаж подростка выполняет роль воина по имени *Xitrus.* Появившийся еще в 2004 году игровой никнейм впоследствии был перенесен пользователем в свои аккаунты Facebook и Twitter.

Обилие единиц, относящихся к сфере компьютерных игр, вполне предсказуемо. Такие имена свидетельствуют о причастности пользователя к дигитальной культуре и виртуальному сообществу. К тому же перемещение единиц внутри разных жанров одного коммуникационного поля – процесс незатрудненный и относительно естественный.

Популярной средой, снабжающей интернет-коммуникацию именами, является мультипликация. Результат объясним обилием учетных записей, принадлежащих лицам подросткового возраста. Очевидной тенденцией оказывается пристрастие немецкоязычных пользователей к героям японской анимации – аниме: *Chibiusa♥ (Annika), Daichi (Lisa), Kimba (Gudrun Balgalwis), O-Jou (Saskia), Naruto (Spencer Bla), Ryo Saeba (Nils Köhler).* Психологизм и драматизм сюжета, лейтмотив антагонизма и обилие действующих лиц в японских мультфильмах сближают их с компьютерными играми, где каждый персонаж – носитель абсолютно уникальных свойств и способностей. Пользователи заимствуют имена героев, которым симпатизируют, и сопоставляют с собой. Прецедентность таких антропонимов ослаблена и актуализируется лишь в молодежной среде, акцептирующей данный вид мультипликационного творчества.

Совершенно иначе обстоит дело с геронимами, извлеченными из культовых, всемирно известных мультфильмов. В подавляющем большинстве пользователи самономинируются именами персонажей популярных американских мультсериалов «The Simpsons», «South Park», «Family Guy», «Futurama», что всегда воспринимается как юмор и самоирония в виду гротескности образов главных героев. Любопытен факт некоторой возрастной и социальной корреляции между носителем ника и мультипликационным героем. Например, взрослые женатые мужчины маркируют себя именами сериальных семьянинов: *Peter Griffin (Sebastian Siglmüller), Peter griffin (gatner marc), Homer Simpson (Homer), Stan Smith (Moris Mölcker)*; школьники скрываются под именами небезызвестных учеников из Южного парка: *Eric Cartman (Janik Schramm), Kenny McCormick (Enos Guderian)*, где Эрик Картман – символ наглости, предприимчивости и цинизма, а Кенни Маккормик – немногословия.

Киноиндустрия и литература также снабжают интернет-коммуникацию специфическими самономинациями. Девушки склонны именоваться сказочными героинями, придавая своему образу наивность и игривость: *Rotkäppchen.* (Mareike .), schneewittchen (Sonja Kohl), Cinderella (Jasmina Hauffe).* Мужчины романтизируют виртуальную личность с помощью литературных антропонимов вроде *Romeo (mario schnur), Don Quijotte (David Farys).* Для самономинации избираются имена незаурядных киногероев: *Skywalker (Timo), Dr. Hannibal Lecter (Maxi), Buddy «ACES» Israel (Sascha Hahn), james bond (sag ich nit sag ich nit), James Bond (Jürgen Reese).*

Наряду с реальной и ирреальной трансантропонимизацией для создания ICQ-никнеймов используется и другой механизм именной транспозиции – ***трансонимизация***. Она предполагает переход любого онима (исключая антропоним) одного разряда (класса) в другой [3: 106]. Никам, сгенерированным подобным образом, тоже присуща прецедентность с отсылкой к реальным и ирреальным денотатам.

1. В области реальной трансонимизации выделяется группа ников-хрематонимов, указывающих на названия продуктов материальной и духовной деятельности человека. Численное большинство описываемой подгруппы никнеймов приходится на самономинации, базирующиеся на названиях товарных знаков. Под последними понимаются обозначения марок товаров, а также различных видов бытовых услуг, возникшие в сфере производства и торговли [4: 194]. Например, автовладельцы нередко присваивают марке своего транспортного средства дополнительную функцию сетевой самономинации: *AUDI (michael mändlein), bmw (Pierre Lenz),*

BMW (Florian HAhn), Antara (Debora Glauch), opel (Denis Wolter), opel (Bachmeier Thomas).

В роли интернет-никнеймов фигурируют названия музыкальных коллективов: *ABBA (Aaron S.), Metallica (Satzky Jan), BEATLES (Ronald Niedermeier)*; музыкальных композиций: *Personal Jesus (Adrian^^), PennyLane (Julia B.)*; книг и журналов: *Cosmo-girl (Thea Herchet), Alice In Wonderland (Helga).*

Помимо ников-хрематонимов следует отметить обширную группу сетевых имен, образованных от топонимов (названий географических мест): *London (Michelle), Paris (Annemarie Machalett), paris (andrea schikorski), Rom (Marco Huels), Tokio11 (Sascha Paul), Sachsen (Sarah Barth), BERLIN (Riesel Emil), frankfurt (Jens Stellten).* Почти все авторы указанных ников имеют четкие ассоциации или связи с топонимическими названиями: либо для самономинации избирается город / страна мечты, либо реальное место рождения / проживания.

Также фиксируются никнеймы, сформированные из названий космических объектов: *Deimos (Daniel), Wega (Sascha), Moon (Isabelle Kratz), Quasar (Dennis G.)*; водных объектов (гидронимов): *elbe (Tione Kind), Spree (Linde Dora).*

2. Определенный спектр возможностей для самономинаций предлагают пользователям прецедентные онимы с ирреальным денотатом. Транспозиции в сферу интернет-антропонимов подвергаются в первую очередь мифонимы, то есть именования существовавших лишь в мифах и легендах людей, животных, растений и иных существ. Греческая мифология становится богатым источником и важным поставщиком сетевых имен: *Zerberus (Patrick Michels), Medusa (Julia), Pandora (Kiki :D).* Данные сетевые имена призваны образно высветить определенную черту характера пользователя, зачастую – отрицательную. Иначе обстоит дело с особыми элементами мифонимии – теонимами, именами богов. Примеряя на себя имя божественного создания, пользователь акцентирует внимание исключительно на сильных сторонах и достоинствах личности. Например, мужчины, занимающие руководящую должность, скрываются под мифонимом главного бога-олимпийца: *Zeus (Daniel Matthes), zeus (michael Grund)*; женщины подчеркивают свою красоту именем самой прекрасной из богинь: *aphrodite (Nicole Schwan), Aphrodite (Nicole Lang)*; мужчины, преследующие ту же самую цель, используют мифоним Аполлона: *Apo||o (Jens), Apollo©* (*Andreas).*

Мифонимическим самономинациям во многом созвучны никнеймы, порожденные из религионима, то есть имени собственного религиозной сферы употребления. Применение этих единиц в качестве ника преследует цель представить себя виртуальному сообществу искусителем: *Luzifer (Nick Kirsche), mephisto (Marcel Schwarz), Beelzebub (Heike Melzian).* Сетевые имена *Jesus (Dennis Schlosser), joshua (Tom), Christ (Robert Osterloh)* отнюдь не свидетельствуют о святости, безгрешности и глубокой религиозности их носителей. Они являются самоиронией, поскольку в действительности пользователи с такими никами, по их же признанию, далеки от идеала.

Таким образом, очевидно, что именная транспозиция – довольно востребованный вид имятворчества в немецкоязычном интернет-пространстве. Компьютерно-опосредованная коммуникация создает особенно благоприятные условия для модификации различных прецедентных онимов в виртуальные самономинации. При этом само понимание прецедентного феномена направлено в данном случае не только на расшифровку знака языка, но и на постижение коммуникативного замысла пользователя, иллокутивного содержания никнеймов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова Ю. А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 22 с.
2. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УГПУ, 2007. 208 с.
3. Потапова С. Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. Ярославль: МУБиНТ, 2003. 276 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. 368 с.

Kazyaba V. V., Northern (Arctic) Federal University (Severodvinsk, Russian Federation)

NOMINAL TRANSPOSITION OF NICKNAMES EMPLOYED BY GERMAN-SPEAKING INTERNET USERS

A nickname is an essential element of the modern onomastic system. Its main functions are identification, self-identification, self-presentation and self-nomination of the Internet user. The last function also acts as a basic feature of the nickname. With the help of a nickname the self-nomination function is actualized in Internet communication in a variety of ways. The analysis of 4000 nicknames and related personal data of the German-speaking users of such Internet services as Twitter, ICQ, Facebook, Flickr, World of

Tanks, World of Warcraft showed that every fifth nickname is derived from a “strange” or a precedent proper name. This method of nominal modeling is a nominal transposition – a transfer of the name from one denotatum to another one. There are two main ways of nominal transposition. The first one is transanthroponimisation, which is understood as a transfer of the personal or family name from one individual to another. The following anthroponyms are used as nicknames: the names of musicians, athletes, politicians, book and film characters, etc. An essential requirement for transanthroponimisation between two denotata is based on the principle of their similarity and proximity. The second method of the nominal transposition (which is not as widely used as the first one) is transonymisation. It is a transition of the proper noun from one class to another. These self-nominations also have references to real and unreal denotata. Such nicknames are produced from the names of different brands, cars, cities, mythonimic marks, etc. The research has proved that the nominal transposition is a highly demanded type of self-nomination in the German-speaking web space. These nicknames have significant illocutionary content and connotations; they also characterize their author directly or indirectly.

Key words: anthroponym, nickname, self-nomination, Internet-communication, nominal transposition transanthroponimisation, transonimisation

REFERENCES

1. Blinova Yu. A. *Pretsedentnye imena sobstvennye v nemetskom gazetnom diskurse: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Precedent proper names in German newspaper discourse]. Samara, 2007. 22 p.
2. Nakhimova E. A. *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg, UGPU Publ., 2007. 208 p.
3. Potapova S. Yu. *Nominatsiya litsa v obikhodnom diskurse* [Person’s nomination in everyday discourse]. Yaroslavl, MUBiNT Publ., 2003. 276 p.
4. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of the proper name]. Moscow, URSS, LOBROKOM Publ., 2009. 368 p.

Поступила в редакцию 01.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 49–52 **Филологические науки** **2016**

УДК 181.161.1

ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА НЕГАНОВА
кандидат культурологии, редактор редакционно-издательского отдела, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова (Кострома, Российская Федерация)
cultland@yandex.ru

НАЗВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КОСТРОМСКОЙ НИЗИНЫ

В XIX – начале XX века на юго-западе Костромского края, в говорах низовья реки Костромы, бытовали местные названия сельскохозяйственных участков, на которых возделывался хмель. Условия климата и особенности почв Костромской низины издавна благоприятствовали занятию жителей ряда селений Мисковской волости Костромского уезда хмелеводством. В соответствии с существованием различных способов владения земельными участками, на которых выращивался хмель, различали названия *хмельники* (общее название) и *надельные хмельники* (хмельники на участках, выделявшихся в пользование отдельным крестьянским семьям). Введение налогообложения потребовало учета земель, занятых хмелем. Крестьяне договариваются о местной системе мер площади надельных хмельников, в результате появляются термины *копейка, денежка, полушка, пирог, рубль* и др. На примере лексемы *копейка* показаны отличия, связанные с площадью участка, в бытовании рассматриваемых терминов в пределах одного культурного ландшафта. В середине XIX века копейка как мера хмельников делилась на денежки и полушки, на пироги и полупироги. Эти же названия носили занятые хмелем участки земли соответствующих размеров. К началу XX века репертуар названий изменяется. В статье обращается внимание на слова с начальными компонентами *пол-*, *полу-*. Как показывают наблюдения, в этих словах первоэлементы имеют мерную семантику, реализуют свое изначальное значение – ‘половина чего-либо’: *полкопейки* – ‘половина копейки’, *полупирог* – ‘половина пирога’. Рассмотренные термины имеют изоглоссы, но география их бытования не выходит за пределы культурного ландшафта Костромской низины. Появление данных терминов в речи жителей края и их репертуар связывается с местными хозяйственно-экономическими особенностями в определенные периоды истории.

Ключевые слова: говоры Костромской области, названия сельскохозяйственных угодий, надельные хмельники, копейка, полкопейки, полупирог

Обустройство традиционного крестьянского хозяйства предполагает освоение земельных участков для занятий полеводством, огородничеством и животноводством. В зависимости от специфики сельскохозяйственных угодий формировался репертуар их названий. Народные названия сельскохозяйственных участков стали объектом изучения в работах таких авторитетных диалектологов, как В. П. Строгова, Ю. И. Чайкина, Е. Н. Полякова. Современный исследователь Л. А. Инютина рассматривает термины данной лексической группы в аспекте пространственной картины мира [3], [4]. В монографии Л. П. Михайловой «История края в народном слове» прослеживается связь славяно-русских и прибалтийско-финских по происхождению слов в лексике подсечно-огневого земледелия русских говоров Карелии [5: 122–136]. Названиям земельных участков крестьянского хозяйства посвящен ряд публикаций диалектологов, работающих по программе «Лексический атлас русских народных говоров», например В. Н. Гришановой [2], Л. П. Батыревой [1] и др.

В костромских говорах, по нашим данным, зафиксировано около трехсот лексических единиц данной тематической группы. Наряду с лексемами, имеющими широкую географию (например: *веретейка, веретея, выгарь, гон, займище, запашка, заполица, заполье, кулига, ляда, лядина, новина, наволок, паль, план, пожня, припашь, распашка, репище, росчисть, чистка, чищоба* и др.), немало таких слов, ареалы которых не выходят за пределы Костромского региона. Например: *гарьба'* ‘выжженное под пашни место’ (Вохомский р-н), *горб* ‘поле, на котором имеется возвышенность’ (Костромской р-н), *городни'к* ‘луг, на котором пасут скот’ (Красносельский р-н), *заозе'рица* ‘сенокосное угодье за озером’ (Костромской, Мантуровский р-ны), *испо'лина* ‘сенокосное угодье за селом’ (Сусанинский р-н), *раскорче'вка* ‘пашня на очищенном от леса месте’ (Чухломский р-н) и др. Семантика таких слов, как правило, связана с природными характеристиками конкретной местности и социокультурной и хозяйственно-трудовой деятельностью живущих здесь людей. Показательны в этом отношении названия земельных участков, занятых хмелем.

Условия климата и особенности почв ряда районов Костромского края благоприятствуют выращиванию хмеля. Несмотря на то что вплоть до начала XX века это была наиболее

© Неганова Г. Д., 2016

доходная сельскохозяйственная отрасль[1], хмелеводством традиционно занимались лишь жители низовья реки Костромы. Характеризуя ландшафт Костромской низины, Г. Еремин, член Костромского научного общества краеведения, отмечал: «Все пространство поймы заполнено лугами, болотами, озерами и старицами. Редко встречаются гривы или повышения. <…> Населенные пункты расположены на небольших возвышенных плато»[2]. Описание этих мест встречается в произведениях Н. А. Некрасова. В знакомом каждому с детства стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы» поэт, изображая одно из располагавшихся здесь селений – деревню Малые Вёжи, отмечает не только ее местоположение: «Домики в ней на высоких столбах (Всю эту местность вода понимает, Так что деревня весною всплывает, Словно Венеция)», но и то, что жители деревни издавна занимались выращиванием хмеля: «Исстари хмель в ней родится на диво…» [7: 387].

Земельные участки, на которых выращивали хмель, местные жители называли хмельниками. Располагались они на возвышенных местах. «…Хмельниками заняты т. н. “гривы”, т. е. полосы более высокого рельефа, где полая вода не поднимается выше $1^1/_2$–2-х аршин…», – указывал исследователь А. Ковальковский, член Костромского научного общества по изучению местного края[3]. Это были участки, поросшие лесом или специально посаженными деревьями: «Хмельники… разводят обыкновенно в местах, поднимаемых весенним разливом рек Костромы и Волги, и притом всегда в защите лесов, или же нарочно для этой цели насаженных деревьев»[4]. Особенности рельефа Костромской низины и местные условия выращивания хмеля отразились в бытовании в юго-западных костромских говорах слова *хмельники′* – от общерусского *хмельник* ‘участок, занятый хмелем’. В семантике местного термина выявляются дополнительные значения: а) ‘расположенный на более возвышенном участке низкого берега, идущего грядой’: *У нас на горе хмельники свои были, хмель-то растили* (д. Куниково) – иллюстрация из картотеки Костромского областного словаря (ср.: «Под хмельники обыкновенно подыскивали участок с наименьшим весенним разливом»[5]); б) ‘поросший деревьями’: *Хмель-то? В хмельниках рос – к реке.* (– У самой реки?) *Нет, там деревья не растут – одне кусты. Хмельники где деревья* (информант 1928 г. р., с. Мисково, в 1952 г. выселена в Калиниградскую обл., с 1957 г. живет в г. Костроме).

Вместе с тем, как указывают источники 2-й половины XIX – начала XX века, жители ряда селений Мисковской волости Костромского уезда употребляли также такие термины, связанные с хмелеводством, как *рубль, копейка, денежка, полушка, пирог, полкопейки, полупирог*[6]. Почти все эти лексемы представлены в нормативных словарях, но обозначаемые ими реалии не относятся к сфере сельскохозяйственной деятельности: первые четыре определяются как денежные единицы[7]; слово *пирог* – «печное изделие из теста с какой-л. начинкой»[8]; в БАС, с пометой *обл.*, слово *полпирога* приводится в составе устойчивого словосочетания *полпирога хлеба* (БАС, 9; 1212).

Согласно данным СРНГ, в севернорусских говорах известны лексемы *денежка* (Костром., Волог., Яросл.), *полушка* (Костром., Яросл.), *пирог* (Костром., Волог.), они употребляются для обозначения земельного участка, надела. Так, слово *денежка* жители Кологривского уезда Костромской губернии употребляли в значениях «участок земли, выделяемый крестьянину» и «условная мера земли, которую крестьянин обрабатывает и оплачивает»; в Ярославской губернии термин использовался в значениях «узкая, но удобная для обработки полоса общинного поля» и «пашня, составляющая половину душевого надела» (Рыб.)[9]. Слово *полушка* – «небольшой участок земли; мера земли, равная половине загона» представлено в СРНГ как костромское (Кологрив.) и ярославское (СРНГ, 29; 171); слово *пирог* со значением «в дореформенной России участок земли, приходившийся на одну ревизскую душу» – как вологодское (Кадн.) (СРНГ, 27; 40–41).

Термин *копейка* имел более широкое распространение: он зафиксирован в говорах Костромской, Вологодской, Ярославской, Ленинградской областей (СРНГ, 14; 288). В современном русском литературном языке лексема толкуется как «единица денежного счета, равная одной сотой рубля» и «мелкая разменная монета этого достоинства» (БАС, 5; 1385). В этимологических словарях это собственно русское слово представлено как уменьшительно-ласкательное суффиксальное производное от словосочетания *копеиная деньга* – изначально на монете был изображен всадник с копьем, как и сейчас (большинство исследователей, в частности А. И. Соболевский, Ф. К. Миклошич, А. Брюкнер, М. Фасмер, Ф. Славский, слово *копейка* связывают с существительным копье)[10]. Вместе с тем в севернорусских говорах лексема *копейка* употреблялась и бытует доныне с иными, чем в литературном языке, значениями. В. И. Даль приводит следующие толкования: «*кстр.* тягловый участок, *влгд-вельс.* полоса, загон, делимый на денежки и полушки»[11]. В СРНГ даются значения: «земельный надел на одну душу» (Кологр. Костром., Черепов. Новг., Рыб. Яросл.); «участок луга, бывший наделом нескольких хозяйств» (Борович. Ленингр., 1937–1940) (СРНГ, 14; 288).

В картотеке Костромского областного словаря лексема *копейка* зафиксирована со значениями: 1) ‘земельный надел на одну душу’ – *На две копейки – на две души.* (Кологр., д. Маслениха); ср.: «*твр. (сел. Кимры)*… копейка, душа, работник» в словаре В. И. Даля (Даль, 2; 158); 2) ‘старая единица измерения площадей, пример-

но 1 ар.' (Костр., п. Молоково). Судя по известным нам источникам, в говорах Костромской низины термин появился благодаря традиционному занятию местных жителей хмелеводством: в копейках измерялась площадь хмельников. Однако он употреблялся не повсеместно, а только в говорах селений Бугры, Бугры Малые, Ведерки, Вежи, Жарки, Куниково, Мисково, Овинцы и Спас, в остальных пяти селениях хмельники измерялись простой квадратной саженью. Скорее всего, это связано с различными способами владения участками, занятыми хмелем. По данным обследования, проведенного Костромским научным обществом краеведения в декабре 1912 года, в вышеперечисленных селениях все хмельники располагались в надельных землях – на участках, выделявшихся в пользование отдельным крестьянским семьям. Такие участки имели название *надельные хмельники*. В других селениях хмельники находились в основном на купленных или арендованных землях. Так, все хмельники деревни Шоды, около 80 % хмельников Пустыни и более половины Колгоры располагались на арендованных заливных участках крестьян Ярославской губернии[12]. При оформлении договора на аренду или купчей на приобретаемую землю площадь указывалась в принятых на момент совершения сделки единицах измерения, то есть в квадратных саженях.

На надельных землях каждый домохозяин стремился расширить свои хмельники. Заручившись согласием общества, разрабатывал свободные земли. При этом количество хмельников душевыми наделами не регулировалось, и порой крестьянин при одном душевом наделе мог иметь в 3–4 раза больше хмельников, чем его сосед с 2–3 душевыми наделами. Стимулом к расширению участков было и то, что разведенные хмельники в дальнейшем никакому общественному переделу не подлежали, считались собственностью крестьянина, которую он мог продать или передать по наследству[13]. Все хмельники с указанием их размеров вносились в хмелевые книги, на основании которых рассчитывались уплачиваемые крестьянами налоги. «…Неодинаковый доход, получаемый крестьянами по случаю неуравнительного владения хмельниками, подал издавна крестьянам повод к раскладке некоторой части платимых ими казенных податей, по доходам, получаемым от хмельников каждым домохозяином. Для чего все хмельники приведены крестьянами посредством измерения в точную известность и количество владения каждого домохозяина внесено в заведенные издавна мирские хмелевые книги, – отмечается в "Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Костромская губерния". – По обоюдному согласию крестьяне обложили пространство одной копейки известным платежом в число податей, а потому каждый домохозяин платит за то число копеек, сколько за ним числится в хмелевой книге». Единица крестьянской меры, которая принята в расчет, называлась копейкой, причем «пространство 1-й копейки изменяется по обществам». В Мисковском обществе «копейка… составляет 256 кв. саж.»; «в Никольском обществе, в вотчинах Спасской и Куниковской, 112, 8 кв. саж.»[14]; в Спасе, Вежах, Ведерках и Овинцах – 44[15].

В середине XIX века копейка как 'мера хмельников' делилась «на денежки, полушки, на пироги (1/8 к.) и полупироги (1/16 к.)»; сто копеек составляли рубль[16]. Эти же названия носили занятые хмелем участки земли соответствующих размеров, так, в Мискове и Жарках «каждая копейка имеет 16 саж. в длину и 16 в ширину»[17]. Впоследствии репертуар названий изменяется – сужается, но вместе с тем, наряду с отмеченным ранее словом *полупирог*, фиксируется лексема *полкопейки*: в 1912 году «копейка распределялась на полкопейки, пироги и полупироги»[18].

В современном русском литературном языке начальные *пол-*, *полу-* в сложных словах вносят значения: 1) «половина того, что обозначено второй частью» (← *полъ* 'половина'); 2) «наполовину, пополам с чем-либо другим»; 3) «не совсем, не до конца, почти» (БАС, 10; 1081). В бытовавших в говорах Костромской низины названиях участков, занятых хмелем, и мер их площади компоненты *пол-*, *полу-* слов реализуют свое изначальное значение – 'половина чего-либо': *полкопейки* – 'половина копейки', *полупирог* – 'половина пирога' (о сложных словах с начальным компонентом пол-/полу- в тематической группе «Ландшафтная лексика» см. в [6]). Их ареал, по всей видимости, ограничен и не выходит за пределы культурного ландшафта Костромской низины. Появление этих терминов, носящих узколокальный характер, объясняется как природными условиями края, так и местными хозяйственно-экономическими особенностями в определенные периоды истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Павлов Д. П. Экономическая сторона мисковского хмелеводства // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 12. Кострома, 1919. С. 130.
[2] Еремин Г. Природа Костромской области. Кострома: Костром. обл. гос. изд-во, 1947. С. 22–23.
[3] Ковальковский А. Хмелеводство в костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 33. Кострома, 1924. С. 89.
[4] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / Сост. Я. Крживоблоцкий. Спб.: Тип. И. Тиблена и К°, 1861. С. 245 (далее – Материалы…).
[5] Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.
[6] Материалы… С. 245; Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.
[7] См., напр.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965. Т. 3. Стб. 704–705. Т. 5. Стб. 1385. Т. 10. Стб. 1128. Т. 12. Стб. 1511 (далее в тексте: БАС, через запятую – номер тома; через точку с запятой – номер столбца).

[8] Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. С. 124.
[9] Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– . Вып. 7. С. 349–350 (далее в тексте: СРНГ, через запятую – номер тома; через точку с запятой – страницы).
[10] Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 8 / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 303.
[11] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Спб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 2. С. 158 (далее в тексте: Даль, через запятую – номер тома; через точку с запятой – страницы) .
[12] Павлов Д. П. Указ. соч. С. 133.
[13] Там же. С. 119.
[14] Материалы… С. 245.
[15] Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.
[16] Материалы… С. 245.
[17] Там же.
[18] Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батырева Л. П. Наименования приусадебной земли в говорах Ивановской области (на материале письменных источников и живой разговорной речи) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 171–178.
2. Гришанова В. Н. Названия земельных участков крестьянского хозяйства в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 105–109.
3. Инютина Л. А. Лексическое выражение пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильческого говора XVII–XVIII веков: Монография. Новокузнецк: КузГПА, 2012. 216 с.
4. Инютина Л. А. Территориально маркированная и общерусская лексика в процессе формирования и развития лексико-семантических парадигм говора вторичного образования // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М., 2014. С. 188–203.
5. Михайлова Л. П. История слова в народном говоре. Русские говоры Карелии. Петрозаводск: КГПУ, 2004. 288 с.
6. Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика в пространстве культурного ландшафта: сложные слова с начальным компонентом пол-/полу- // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 104–106.
7. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. Т. 2 / Общ. ред. К. И. Чуковского. Л.: Сов. писатель, 1967. 703 с.

Neganova G. D., Nekrasov Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)

THE NAMES OF AGRICULTURAL LANDS IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF KOSTROMA LOWLAND

The local climate conditions and characteristic features of Kostroma lowland soils created favorable conditions for the growth and cultivation of hop, which was widely practiced by the settlers from Miskovskaya district of Kostroma county. The types of ownership on the lands occupied by hop plants were different; therefore, different names were given to these plots: *khmelniki* (a common name) and *nadelnye khmelniki* (khmelniki - the lands given to some peasant families to use). In order to regulate taxation, the peasants working on the hop cultivated lands agreed on the local system of area measurement, which resulted in the appearance of such terms as *kopeyka, denezhka, polushka, pirog, roubl*, etc. The lands of corresponding areas, where hop was cultivated, had the same names. The differences in terms within a single cultural landscape connected to the land area are shown on the example of the lexeme *kopeyka*. In the middle of the XIX century, *kopeyka* as a measure of the plot "khmelniki" was divided into *denezhka* and *polushka*, *pirog* and *polupirog.* Other agricultural lands, also involved in hop cultivation and harvesting, were referred to by the same names. By the beginning of the XX century the repertory of the names changed. In the article, the author's special attention is paid to the words beginning with the *pol-/ polu* prefixes. According to our observations, prefixes of these words have "measure" semantics with the meaning – 'a half of something': *polkopeyki* is 'a half of kopeyka', *polupirog* is 'a half of pirog'. The terms considered in the article have isoglosses, but their geography is limited by the boundaries of Kostroma lowland cultural landscape. Appearance of these terms in the speech of local residents and their repertory is associated with the local economy and its specific features.

Key words: dialects of Kostroma region, agricultural land names, nadelnye khmelniki, kopeyka, polkopeyki, polupirog

REFERENCES

1. Batyreva L. P. Names of peasant lands in Ivanovo region dialects (based on the written sources and living spoken language) [Naimenovaniya priusadebnoy zemli v govorakh Ivanovskoy oblasti (na materiale pis'mennykh istochnikov i zhivoy razgovornoy rechi)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. P. 171–178.
2. Grishanova V. N. Names of the peasants' land in the dialect of one village [Nazvaniya zemel'nykh uchastkov krest'yanskogo khozyaystva v govore odnogo sela]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2007.* St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. P. 105–109.
3. Inyutina L. A. *Leksicheskoe vyrazhenie prostranstva v kartine mira nositeley sibirskogo (tomskogo) starozhil'cheskogo govora XVII–XVIII vekov* [Lexical expression of space in the media picture of the world of Siberian (Tomsk') dialect of XVII–XVIII centuries]. Novokuznetsk, Kuzbass State Pedagogical University Publ., 2012. 216 p.
4. Inyutina L. A. Territorially marked, general Russian vocabulary during the process of the lexical-semantic paradigm development [Territorial'no markirovannaya i obshcherusskaya leksika v protsesse formirovaniya i razvitiya leksiko-semantich-eskikh paradigm govora vtorichnogo obrazovaniya]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute]. Issue 3. Moscow, 2014. P. 188–203.
5. Mikhaylova L. P. *Istoriya slova v narodnom govore. Russkie govory Karelii* [The history of the word in the dialect. Russian dialects in Karelia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Pedagogical University Publ., 2004. 288 p.
6. Neganova G. D. Landscape lexis in the space of the cultural landscape: compound words with the first component пол-/полу- (half) [Landshaftnaya leksika v prostranstve kul'turnogo landshafta: slozhnye slova s nachal'nym komponentom *pol-/polu-*]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma state university]. 2015. № 6. P. 104–106.
7. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems] / Execut. ed. K. I. Chukovskogo. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1967. Vol. 2. 703 p.

Поступила в редакцию 08.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 53–59 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.11

ОЛЬГА ОЛЕГОВНА НИКОЛАЕВА
аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olyanik1983@mail.ru

ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТОПОХРОНОСА В МАЛЫХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ ПРОЗЫ Б. ШЛИНКА

Предпринимается попытка рассмотреть пространственно-временную организацию произведения как систему, включающую на уровне текста три равноправных элемента (субъект + время + пространство), опираясь на актуальные для современной лингвистики принципы антропоцентрического анализа языковых явлений и введенное М. В. Никитиным (1997) понятие «топохронос». Автор статьи анализирует поочередно особенности художественного времени и пространства в малой прозе Б. Шлинка и обстоятельно комментирует их. На конкретных примерах из двух сборников коротких рассказов писателя, «Liebesfluchten» (2000) и «Sommerlügen» (2010), демонстрируется, как, повинуясь интенции Бернхарда Шлинка, топохронос перестает выполнять в малых повествовательных формах прозы автора исключительно координирующую функцию и вводить лишь пространственные и временные координаты изображаемого мира. В статье показано, как, включая в свою структуру в качестве обязательного элемента категорию субъекта, образ времени-пространства обретает в малой прозе современного немецкого писателя явно выраженную эмотивно-экспрессивную репрезентацию и образно обобщает, благодаря особому набору языковых средств выражения, сложные психологические процессы внутреннего мира персонажа, символизирующие его духовный кризис и перерождение.

Ключевые слова: Бернхард Шлинк, хронотоп, топохронос, действующие лица художественного произведения, пространственно-временная организация произведения, координирующая функция хронотопа, эмотивно-экспрессивная репрезентация хронотопа

Пространство и время принадлежат, без сомнения, к главным объектам художественного изображения в литературном произведении, так как, с одной стороны, без этих двух категорий невозможно существование моделируемого в структуре текста вымышленного мира и действующих в нем фигур. С другой стороны, художественный хронотоп выступает в роли дополнительных характерологических сигналов в структуре образов персонажей.

Терминологическое обозначение «хронотоп», возникшее вне рамок филологической науки и впервые введенное в научный обиход знаменитым физиологом А. А. Ухтомским, было отнесено к художественному миру М. М. Бахтиным, определявшим его как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [1: 234].

Несколько новый, дискуссионный подход к изучению динамического единства пространства и времени в лингвистике предложил М. В. Никитин, который поставил на первое место в нем пространственную составляющую языкового образа времени-пространства и предложил новый термин – «топохронос». Демонстрируя подобно бахтинской идее неразрывную связь между пространством и временем, понятие «топохронос» тем не менее, как полагает автор, противостоит «хронотопу», соотносясь с ним как содержание (смысл) и форма сообщения [6: 653]. Оно акцентирует тем самым первичность пространства в обозначенной диаде и отображает, по мнению автора, «объективный образ пространственно-временного устройства описываемого мира» [6: 653].

Данное понятие используется нами в дальнейшем при выявлении специфических черт репрезентации художественного пространства и времени в творчестве определенного автора, а именно в малых повествовательных формах прозы Бернхарда Шлинка. Отметим, что характер пространственно-временных отношений в художественном произведении зависит от их образного переосмысления сначала автором, а затем реципиентом текста, читателем. В связи с этим художественный топохронос включает в себя три равноправных элемента (субъект + время + пространство) [5: 26, 44] и может рассматриваться как антропометрическая категория. Специфика взаимозависимых отношений категорий пространства и времени в системе художественного нарратива, каким бы терминообозначением мы ни пользовались, производна от мировоззрения и мировосприятия автора текста, творящего воображаемый топохронос в соответствии со своим замыслом и создающего тем

© Николаева О. О., 2016

самым иллюзию реальности времени и места совершения и протекания событий (см. [2: 87–97] и [4: 256–260]).

К произведениям малой прозы Б. Шлинка относятся два сборника рассказов писателя, «Liebesfluchten» и «Sommerlügen», вышедшие с интервалом в 10 лет (в 2000 и 2010 годах) и включающие по семь произведений («Geschichten», как определяет их жанровое своеобразие сам автор). Оба сборника, подобно роману «Der Vorleser» (1995), снискали большой читательский интерес, пристальное внимание критиков и были распроданы рекордными для жанра малой прозы тиражами (около 650 000 экземпляров).

Примечательно, что уже заглавия «Liebesfluchten» и «Sommerlügen» выполняют своеобразную проспективную функцию относительно пространственно-временной структуры художественных текстов, входящих в сборники под этими названиями. Так, композит *Liebesfluchten* имеет в качестве основного компонента лексему множественного числа *Fluchten*, которая внушает читателю идею перемещения в пространстве, изменения каких-то изначальных пространственных координат (a) das Fliehen (vor einer Gefahr); b) das unerlaubte und heimliche Verlassen eines Ortes oder Landes [9: 372]). Аналогичным образом определяющий компонент композита *Sommerlügen*, вынесенного в заглавие второго сборника, задает, хоть и в весьма общем виде, временные рамки повествуемых в рассказах событий – летние месяцы.

Более детально задачу хронотопического прогнозирования выполняют заголовки некоторых рассказов. Мы видим в них имена действующих лиц, обозначения события, пространственные и/или временные координаты повествования («Die Frau an der Tankstelle», «Der Fremde in der Nacht», «Johann Sebastian Bach auf Rügen», «Die Reise nach Süden», «Nachsaison», «Der letzte Sommer», «Das Haus im Wald», «Die Nacht in Baden-Baden»). Однако, в силу того что заголовок в художественном тексте характеризуется, как известно, смысловой компрессией и полифункциональностью, поскольку он связан тесными проспективными отношениями с целостным текстом и выполняет часто символическую или оценочную функции, его можно считать лишь исходным синкретическим знаком текстового топохроноса.

К факторам же, определяющим особенности развития и становления топонимической структуры рассказов Б. Шлинка, следует отнести, прежде всего, dramatis personae, или действующих лиц произведений, которых И. Р. Гальперин упоминает в числе основных топонимических параметров литературного текста [2: 95].

Лишенные имен и предварительных биографических сведений главные герои, обобщенно-символически обозначаемые автором именами нарицательными «der Junge» («Das Mädchen mit der Eidechse») [7: 9], «der deutsche Beobachter» или «der Deutsche» («Der Sohn») [7: 260–261], «der Träumer dieses Traums» («Die Frau an der Tankstelle») [7: 286], или личным местоимением 3-го лица «er» («Die Nacht in Baden-Baden», «Der letzte Sommer»), тем не менее наделяются Б. Шлинком чертами, соотносимыми как с биографией самого писателя, так и с судьбами ряда великих деятелей культуры. Так, герои многих его рассказов связаны с юриспруденцией («Das Mädchen mit der Eidechse», «Der Seitensprung», «Die Beschneidung», «Der Sohn»), писательством («Das Haus im Wald», «Der letzte Sommer», «Die Nacht in Baden-Baden», «Johann Sebastian Bach auf Rügen»), преподаванием («Der Fremde in der Nacht», «Der letzte Sommer»), архитектурой («Zuckererbsen»). Именно с этими сферами жизни автор, профессиональный юрист, профессор права в берлинском университете имени Гумбольдта, знаменитый писатель и архитектор-любитель, участвовавший в конкурсе на строительство фонтана в Берлинском Европейском центре, знаком не понаслышке. Кроме того, любопытной исторической цитатой выступает в рассказе «Das Mädchen mit der Eidechse» история вымышленного художника Рене Дальмана, аккумулирующая в себе факты биографий нескольких знаменитых художников-модернистов XX века: замечательного бельгийского художника Рене Магритта и короля сюрреализма Сальвадора Дали.

Иными словами, в образах персонажей малой прозы Б. Шлинка значителен «удельный вес» субъективного, индивидуально-авторского начала. Кроме того, каждый персонаж писателя обладает в произведениях своим собственным подпространством, которое отражает особый взгляд Б. Шлинка на мир и человека на базе пространственных представлений и совокупно формирует общую топонимическую структуру текстов автора. Отметим, что выбор подпространств для героев Б. Шлинка также не случаен и связан с личными предпочтениями писателя. Так, местом действия его рассказов часто становятся родной город Гейдельберг («Der Andere», «Die Beschneidung» и др.), а также Берлин («Der Seitensprung», «Zuckererbsen») и Нью-Йорк («Zuckererbsen», «Die Beschneidung» и др.), в которых немецкий прозаик длительное время жил и работал.

Главные герои малой прозы писателя часто существуют как бы на стыке двух миров («на нейтральной полосе», «im Niemandsland», как характеризует это состояние сам автор в рассказах «Nachsaison» [8: 35] и «Die Beschneidung» [7: 35]). В соответствии с замыслом писателя они совершают реальное или метафорическое «путешествие к себе», чтобы избавиться от «летних обманов», любовных заблуждений,

совершить «бегство в любовь» или от любви и принять тем самым значительное для своей жизни решение. Поэтому художественное пространство центральных персонажей в рассказах Б. Шлинка зачастую характеризуется некоторой замкнутостью и даже противопоставленностью топосам других героев, что во многих случаях непосредственно связано с центральной темой обоих сборников: невозможностью любви, взаимопонимания и счастья, если они основаны на иллюзиях и самообмане. На фоне значительного числа показательных в этом смысле примеров, имеющихся в сборниках, приведем лишь некоторые из них.

Так, в рассказе «Die Beschneidung» противопоставление жизненных укладов еврейки Сары и немца Анди, мысль о трагической несовместимости людей, принадлежащих к разным мирам и являющихся носителями разных мировоззрений и религий, усиливается контрастом их художественных пространств, образующих композиционную антитезу.

Сравним два описания, связанных между собой, как уже упоминалось, отношениями антитезы развернутого типа. Первое – это подчеркнуто эмоциональное описание природного ландшафта гейдельбергских предместий, инициированное, несмотря на наличие аукториальной повествовательной инстанции, внутренним состоянием персонажа, который испытывает чувство глубокой привязанности к своему родному краю («<…> da kam er her und da gehörte er hin» [7: 219]). Второе представляет собой обстоятельное, практически лишенное экспрессивной оценочности и также поданное с позиции незримого повествователя в эпической перспективе изображение летнего, изнывающего от зноя Нью-Йорка, куда возвращаются после поездки по Германии герои рассказа:

(1) «*Er liebte* die Bahnfahrt entlang dem Rhein, den Fluss mit seinen Windungen, das mal *liebliche* und mal *schroffe* Ufer, die Weinberge und Waldhänge, Burgen und kleinen Orte und die Frachtschiffe, schnell flussab und langsam, *mühsam* flussauf. *Er liebte* die Strecke *im Winter*, wenn in der *kalten* Morgenluft das Wasser des Flusses dampfte und die Sonne *sich* durch den Nebel *kämpfte*, und *im Sommer*, wenn *die Spielzeugwelt* der Burgen, Orte, Züge und Autos auf der anderen Flußseite *verlässlich* im hellen Licht der Sonne *lag. Im Frühling* freuten ihn die Blüten und *im Herbst* die gelben und roten Blätter» [7: 218].

(2) «Es *war Sommer.* In Chinatown und Little Italy, im Village und am Times Square und Lincoln Square *war* Manhattan *voller* als sonst. <…> Die Tage *waren schwül*; nach ein paar Schritten auf der Straße klebten die Kleider am Körper. An den Abenden und in den Nächten *war* es ein bißchen *kühler.* Aber die warme, feuchte Luft *war nicht das* leichte *Element*, das man nicht spürt, sondern *war dicht* und *schwer* und *bot* dem Körper *einen* sanften, sinnlichen *Widerstand*» [7: 232–233].

Заметим, что оба приведенных абзаца – как элементы общей топонимической структуры рассказа – имеют ряд лингвостилистических сигналов, отражающих на уровне поверхностной структуры текста контрастность данных топосов по отношению друг к другу. К этим элементам относятся:

1. Лексические антонимы (in der *kalten* Morgenluft – die *warme*, feuchte Luft);

2. Контекстуальные антонимы (die Sonne *kämpfte sich* durch den Nebel – die Luft *bot* dem Körper *einen Widerstand*);

3. Разный принцип оформления и дозировки передаваемой художественной информации.

Последний пункт рассмотрим подробнее. В первом фрагменте динамизм и высокая экспрессивность описания достигаются во многом благодаря:

– субъективной ориентированности данного описания на прагматическую перспективу персонажа (введением грамматического субъекта, выраженного личным местоимением «er»);

– синтаксическому параллелизму с использованием глагола чувственного восприятия «lieben» («Er liebte <…> Er liebte <…>») и обстоятельственных групп с временной семантикой («im Winter», «im Sommer», «im Frühling», «im Herbst»);

– стилистически маркированной лексике (персонификациям: die Sonne *sich* durch den Nebel *kämpfte*; *das Spielzeugwelt verl*ässlich lag; die Frachtschiffe <…> *mühsam* flussauf; эпитетам: das *liebliche* und *schroffe* Ufer);

– сходному в структурном плане построению предложений по принципу их частичного смыслового перекрытия с нанизыванием однородных объектов восприятия, образующих «эмпатический фокус» персонажа, «персональная» несобственно-прямая речь которого подхватывает данный отрезок текста.

Во втором фрагменте, напротив, доминантный признак статичности и экспрессивной нейтральности описания, определяющийся “эмпатическим фокусом” повествователя, проявляется в следующих лингвостилистических характеристиках:

– абсолютное преобладание простых предложений сходной грамматической структуры с предикатами, выраженными составными именными сказуемыми с бытийным глаголом «sein» в качестве связки (Es *war Sommer.* <…> *war* Manhattan *voller* als sonst. Die Tage *waren schwül.* и др.);

– значительное число существительных с конкретно-предметной семантикой (Luft, Tage, Schritte, Straße, Kleider, Körper и др.);

– размеренный ритм, продиктованный соседством похожих в структурном плане пред-

ложений, связанных друг с другом отношениями смыслового зацепления: появлению каждого нового объекта информации (Sommer, Manhattan, Tage, Kleider usw.) соответствует новая синтаксическая единица (синтагма или предложение).

Приведенные выше наблюдения позволяют сделать вывод о том, что топонимическое описание, повинуясь интенции автора, перестает выполнять в произведении исключительно координирующую или моделирующую функцию, которая состоит во введении с помощью конкретных топонимов и обстоятельственных групп локальной и темпоральной семантики лишь пространственных и временных координат изображаемого мира [3: 232]. Включая в свою структуру в качестве облигаторного элемента категорию субъекта художественного действия, художественный топос приобретает здесь, как и во многих рассказах Б. Шлинка, явно выраженное эмотивно-экспрессивное «осложнение» (как топоса в целом, так и отдельных его деталей). За счет этого художественное пространство выступает как важное средство образного обобщения сложных психологических процессов внутреннего мира персонажа, а также сигнализирует об определенных особенностях языковой картины мира и индивидуальной художественной системы писателя.

В качестве еще одного показательного в этом смысле примера можно привести способ очерчивания и структурирования художественного пространства в рассказе «Дом в лесу» («Das Haus im Wald»). Новый дом, куда переселяется центральный персонаж рассказа со своей семьей, находится в глухой американской провинции, вдалеке от больших городов и магистралей, на лоне первобытной природы: « <…> fand er das Haus: fünf Stunden von New York, an der Grenze zu Vermont, ab von größeren Städten, ab von größeren Straßen, verwunschen mit Teich und Wiese im Wald gelegen» [8: 88].

Топос рассказа характеризуется на протяжении всего повествования стабильностью и замкнутостью и становится своеобразной «эмоциональной доминантой», переводя топонимическое описание дома главного героя как эстетического знака внешнего мира в сферу внутреннего мира персонажа.

В поверхностной структуре текста указанная особенность находит отражение в кольцевой композиции произведения, где открывающее и завершающее повествование описания лесного дома, определяемые эмпатическим фокусом персонажа, обнаруживают существенное различие в экспрессивно-стилистическом и психологическом плане. Данный контраст реализуется, несмотря на обращение в обоих случаях к «внутренней прямой речи», в разности используемых грамматических модусов:

(1) «Manchmal war ihm, *als sei* dies schon immer sein Leben gewesen. *Als habe* er immer schon in diesem Haus im Wald gewohnt, an der Wiese mit den Apfelbäumen und den Fliederbüschen, am Teich mit der Trauerweide. *Als habe* er immer schon seine Frau und seine Tochter um sich gehabt» [8: 85].

(2) «Er sah zum Wald, auf die Wiese mit den Apfelbäumen und den Fliederbüschen, auf den Teich mit der Trauerweide. *Kein gemeinsames* Schlittschuhlaufen auf dem gefrorenen Teich? *Kein gemeinsames* Schlittenfahren am Hang am anderen Ufer? <…> er wollte die Welt nicht verlieren, die sich im Sommer manchmal angefühlt hatte, als sei sie schon immer seine gewesen und werde immer seine sein» [8: 125].

В первом случае употребление сослагательного наклонения придает описанию характер ирреальной действительности, субъективно-модальный план которой усиливается благодаря синтаксическому параллелизму компаративных придаточных предложений с союзом «als». Во втором случае использование изъявительного наклонения возвращает описанию характер объективной реальности происходящего, в которой тем не менее не может и не хочет существовать главный герой. Последнее проявляется в синтаксическом параллелизме двух риторических вопросов – назывных предложений. Любопытно, что элементом, связывающим оба описания в некое композиционно-смысловое единство, выступает практически буквально повторенное компаративное придаточное предложение («<…> *als sei* dies schon immer sein Leben gewesen» и «<…> als sei sie schon immer seine gewesen <…>»). Появляясь во втором случае в контексте иного наклонения, оно позволяет подчеркнуть выраженную интроспективно горькую иронию повествователя относительно «летних иллюзий» персонажа.

Таким образом, дом в лесу становится для главного героя символом «последнего оплота» любви и семейных ценностей («Sein Traum von Liebe und Familie war dickes Eis, auf dem man fest auftreten und sogar tanzen konnte» [8: 92]), за неприкосновенность которого он готов бороться даже ценой трагедии.

Как мы видим из приведенных выше примеров, художественный топос рассказов Б. Шлинка, выполняя характерологическую функцию, является одновременно с этим выражением индивидуально-авторской модификации реального физического пространства. Зачастую художественное пространство целиком ориентировано на одно действующее лицо, главного героя произведения, и моделируется в характерной для рассказов писателя повествовательной перспективе от 3-го лица. Кроме того, художественное пространство в малой прозе писателя участвует в изображении множества нюансов внутреннего становления и модификации образа персонажа и в конкретных текстовых элементах аккумулирует идейно-художественное своеобразие ав-

торского видения темы любви и человеческих взаимоотношений.

Как и категория «пространство», художественное время в рассказах Б. Шлинка является субъектно-ориентированным, напрямую зависящим от авторского замысла. Оно находит свое отражение как многоплановый прерывистый фон художественного произведения [3: 222] с проспективным и ретроспективным показом значимых для персонажа событий. Указанные особенности художественной композиции получают конкретную опору в лингвостилистической структуре текстов малой прозы и, главным образом, в языковых средствах выражения и структурации художественного времени. К ним относятся, в первую очередь, видо-временные формы глагола, лексические единицы с временной семантикой (субстантивные сочетания, наречия, даты (последние особенно характерны для рассказа «Der Seitensprung», где повествователь прилежно фиксирует хронологию своей дружбы с семьей из Восточного Берлина)), а также синтаксические единицы с темпоральными значениями [3: 227–228].

Будучи темпоральной основой повествования от 3-го лица [3: 228], претерит и в большинстве рассказов Б. Шлинка играет роль ядерного композиционно-тектонического элемента. Исследователи обращают внимание на то, что на общем претеритальном фоне остальные временные глагольные формы обычно выступают в особых текстовых функциях: композиционно-смыслового выделения, введения нового речевого плана и т. д. [3: 228].

В связи с этим особенно интересны для рассмотрения эпизоды проникновения в повествовательный монолог от 3-го лица форм настоящего времени, что, по мнению некоторых исследователей, детерминировано развитием в современной художественной прозе полифонических типов повествования, предполагающих слияние авторского и персонажного речевых планов [3: 229]. Как известно, выступая на фоне «эпического претерита» в авторском повествовании, презенс способствует выдвижению важных в смысловом отношении композиционных компонентов текста [3: 230]. Показательными в этом смысле можно считать два произведения Б. Шлинка из сборника «Liebesfluchten»: рассказы «Обрезание» («Die Beschneidung») и «Женщина с бензоколонки» («Die Frau an der Tankstelle»).

В первом рассказе презенс выступает в комментирующей функции в качестве морфологического ядра «авторских отступлений» (см. [7: 228–229, 243]) и представляет тем самым наглядное и непосредственное выражение собственных мыслей и чувств автора-повествователя. Введенный риторическими вопросами, он объединяет «время автора», «время персонажа» и «время читателя», раздвигая временные и образно-художественные границы текста произведения. Кроме того, на фоне претеритальных форм «комментирующий» презенс позволяет автору-повествователю в названном рассказе яснее продемонстрировать идею о невозможности поиска взаимопонимания и любви в мире, основанном на расовом превосходстве и «подогреваемом» предрассудками, где терпят только «себе подобных»: «*Gibt* es nur ein Entweder-Oder? *Ist* man entweder Mann oder Frau, Kind oder Erwachsener? Entweder Deutscher oder Amerikaner, Christ oder Jude? *Hat* das Reden keinen Zweck, weil es zwar *hilft*, den anderen zu verstehen, aber nicht, ihn zu ertragen, und weil das Entscheidende das Ertragen ist, nicht das Verstehen? *Was aber das Ertragen angeht – erträgt man letztlich nur seinesgleichen?* <…>» [7: 229].

Еще более интересным в отношении использования презентных форм представляется нам второй из упомянутых рассказов. В произведении «Die Frau an der Tankstelle» во вступительных абзацах глав 3 и 4 реализуется комментирующая функция презенса (см. [7: 286, 290]), которая позволяет аукториальной повествовательной инстанции подчеркнуть авторскую мысль о невозможности совпадения реальной действительности с ирреальным миром человеческих мечтаний: «Oft *sind* die Träume, die uns *begleiten*, der Kontrast zu dem Leben, das wir *führen*. Der Abenteurer *träumt* davon, nach Hause zu kommen, und der Bodenständige von Aufbruch, fernen Ländern und großen Taten» [7: 286]. К указанной функции добавляется использование «описательного» настоящего времени в вынесенной во вторую главу экспозиции текста (см. [7: 284–286]), состоящей из пяти абзацев. В ней дается обстоятельное описание пророческого сна главного героя о женщине с бензоколонки, сопровождающего его долгие годы, с приведением в самых общих чертах места, времени и участников данного сновидения. С одной стороны, подобное использование форм настоящего времени позволяет автору акцентировать внимание читателя на значимости данного фрагмента для последующего сюжетного развития, а с другой стороны, подчеркнуть его «внесюжетный», «вневременной» и тем самым образно-символический характер.

Любопытен с точки зрения анализа временных форм и рассказ из первого сборника Б. Шлинка «Сын» («Der Sohn»). В данном случае особый интерес представляют эпизоды ретроспективного обращения повествователя к отдельным моментам из прошлой жизни персонажа. Они раскрывают взаимоотношения главного героя с сыном, женой, коллегами и демонстрируют его неспособность открыто противостоять своим обидчикам и заслужить любовь и доверие близких ему людей. К числу таких эпизодов относятся эпизод осеннего отпуска главного ге-

роя с сыном на озере близ Мюнхена, построение с ним замка из песка на морском берегу, урок танцев и т. д. Коннектором разных временных пластов (временного плана рассказчика и персонажа) и символическим образом мотива, провоцирующего героя на пересмотр некоторых «постыдных» для себя жизненных эпизодов, каждый раз служит некая художественная деталь (например, показанное на обеде канадским наблюдателем фото своей семьи, увиденная героем в горах сгоревшая церковь, замеченная на небе звезда, звон лопат, пальма с истерзанной кроной и т. д.). При этом изменение временной формы глагола (претерит уступает место перфекту) выполняет в данном случае функцию композиционно-смыслового фокусирования определенных частей текста. Подобное изменение не только маркирует «переключение» временного плана, но и сопровождается «смещением» фокуса с точки зрения повествователя к точке зрения действующего лица «при иллюзорном отсутствии повествователя» [3: 268], что обозначается в рассказе через внутренний монолог, свидетельствующий о глубокой психологической деятельности персонажа.

Проанализируем один из примеров из названного рассказа: «Er *suchte* ein Licht, das *sich bewegte* und dem er wieder mit den Augen *folgen konnte*. Aber er *fand* keines. <…> Ihm *brannte* das Gesicht. <…> Ja, *dachte* er, das *ist* Scham. Das körperliche Gefühl des Halbiertseins, weil man im Herzen halb *ist* oder *war*. Mit der einen Hälfte *habe* ich die Kollegen *verachtet* und mit der anderen *mich* ihnen *angenehm machen wollen*, ich *habe* den Schwiegervater halb *gehasst* und um meiner Frau willen halb *verehrt*, und ich *habe* das hübsche Mädchen *haben wollen*, aber nicht mit ganzem Herzen und ganzem Mut. Und meinem Sohn *war* ich nur ein halber Vater» [7: 272–273].

В приведенном фрагменте художественная деталь, находящаяся во временном плане повествователя, ведущего рассказ, изначально дается с его точки зрения и с помощью претеритальных глагольных форм («ein Licht, das sich bewegte und dem er mit den Augen folgen konnte» [7: 272]). Именно она становится поводом и исходной точкой для «переключения» на собственную внутреннюю точку зрения персонажа, сопровождающуюся изменением временного плана. Герой обобщает опыт некоторых эпизодов своего прошлого и приходит к неутешительным для себя выводам, оказываясь на время будто «выключенным» из повествования для осознания пережитого. Об этом свидетельствуют появление личных местоимений 1-го лица единственного числа вместо 3-го лица и перфектный временной план текста. «Внутреннюю прямую речь» героя отличают здесь экспрессивность, компримированный синтаксис, обрывистость фраз [3: 271], что красноречиво говорит, в свою очередь, о волнении персонажа, его внутреннем переживании своей вины, прежде всего перед сыном, и глубоком раскаянии.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо подчеркнуть, что в художественном произведении хронотоп невозможно представить, с одной стороны, независимо от персонажей, а с другой, от автора произведения, создающего в тексте индивидуальную языковую картину мира. Соответственно, топохронос малой прозы Б. Шлинка не просто выполняет координирующую или моделирующую функцию, сообщая пространственные и временные координаты изображаемого мира (они в данном случае не несут основной смысловой нагрузки). Включая в свою систему помимо привычных элементов «время» и «пространство» компонент «субъект», образ времени-пространства у автора обретает ярко выраженную эмотивно-экспрессивную репрезентацию. Благодаря особому набору языковых средств выражения и структурации художественного времени и пространства он образно обобщает сложные психологические процессы внутреннего мира персонажей, которые символизируют их духовное перерождение и материализуют в образах основные идеи и задумки автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
3. Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2005. 368 с.
4. Гончарова Е. А. Категории Автор-Персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста (на материале немецкоязычной прозы): Дисс. … д-ра филол. наук. Л., 1989. 514 с.
5. Енукидзе Р. И. Художественный хронотоп и его лингвистическая организация (на материале англо-американского рассказа). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1987. 194 с.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
7. Schlink B. Liebesfluchten. Geschichten. Zürich: DiogenesVerlag, 2000. 308 s.
8. Schlink B. Sommerlügen. Geschichten. Zürich: Diogenes Verlag, 2010. 280 s.
9. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. 1103 s.

Nikolaeva O. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TEXTUAL REALIZATION OF LITERARY TOPOCHRONOS IN BERNHARD SCHLINK'S SHORT FICTIONAL PROSE

The present study deals with the problem of the space-time organization analysis of the literary work approached as a three-component system. The research is based on the employment of the principles of anthropocentric interpretation of linguistic phenomena, which are relevant to contemporary language studies, and on the interpretation of the term "topochronos" introduced by M. V. Nikitin (1997). The text is understood as a system consisting of three equal elements: the subject, the time, and the space. The author of the paper reviews all special aspects of the artistic time and space continuum in the short fictional prose of Bernhard Schlink and scrutinizes them in detail. The use of the examples from two collections of short stories written by Bernhard Schlink: "Flights of Love" (2000) and "Summer Lies" (2010) demonstrates how, according to the writer's intention, the topochronos of the mentioned short stories stops accomplishing its only coordinating function by setting the time and space coordinates of the fictional world. Incorporating the subject category as a key element, the author of the paper concludes that the topochronos of the short fictional prose introduced by the modern German writer develops an obvious emotive-expressive representation. Such incorporation helps to generalize, using a particular set of linguistic means of expression, the complicated psychological processes of the characters' mental world, which symbolizes their spiritual crisis and eventually their spiritual "rebirth".

Key words: Bernhard Schlink, chronotope, topochronos, characters of the literary work, space-time organization of the literary work, coordinating function of the topochronos, emotive-expressive representation of the topochronos

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics [Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. P. 234–407.
2. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
3. Goncharova E. A., Shishkina I. P. *Interpretatsiya teksta. Nemetskiy yazyk: Uchebnoe posobie* [Text interpretation. The German language: student training manual]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 368 p.
4. Goncharova E. A. *Kategorii Avtor – Personazh i ikh lingvostilisticheskoe vyrazhenie v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale nemetskoyazychnoy prozy): Diss. ... d-ra filol. nauk* [Categories Author-Character and their linguostylistic expression in the structure of a literary work (a case study of a German-language fictional prose): Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, State Leningrad Herzen Pedagogical Institute Publ., 1989. 514 p.
5. Enukidze R. I. *Khudozhestvennyy khronotop i ego lingvisticheskaya organizatsiya (na materiale anglo-amerikanskogo rasskaza)* [The literary chronotope and its linguistic organization (a case study of an English-American story)]. Tbilisi, Tbilisi State University Publ., 1987. 194 p.
6. Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [The course of linguistic semantics]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2007. 819 p.
7. Schlink B. Liebesfluchten. Geschichten. Zürich, Diogenes, 2000. 308 s.
8. Schlink B. Sommerlügen. Geschichten. Zürich, Diogenes, 2010. 280 s.
9. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. 1103 s.

Поступила в редакцию 07.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 60–67 **Филологические науки** **2016**

УДК 811.161.1’36

ВЛАДИМИР ВЕНИАМИНОВИЧ СЕМАКОВ
старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vsemakov@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕТЕРИТЫ В МЕТАЯЗЫКОВЫХ ТЕКСТАХ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Во второй половине XVII века конфессиональные споры в русской православной церкви актуализируют особый интерес к языковым проблемам новых переводов богослужебных текстов. Важное место в дискуссии книжников Московской Руси занимают вопросы интерпретации претеритных форм глагола – аориста, имперфекта и перфекта. Сторонники Никона обращают внимание преимущественно на парадигматическую дистрибуцию глагольных форм, ссылаясь на церковнославянские грамматики; традиционалисты, напротив, настаивают на семантическом различении претеритов. В сочинениях протопопа Аввакума распределение претеритных форм в значительной степени согласуется со старообрядческой грамматической концепцией, в которой аорист и имперфект противостоят перфекту как «сакральные» времена «профанному».

Ключевые слова: претерит, книжная справа, язык Аввакума, XVII век, Поморские ответы

В исследованиях по истории русского литературного языка рукописный или печатный текст является основным источником для описания и осмысления эволюционных процессов, происходивших в сфере письменного выражения. Его значимость абсолютна для допетровского периода в истории языка, когда получить какие-либо данные, помимо дошедших до нас письменных памятников, практически невозможно. Интерпретация этих данных в большой степени зависит как от состояния лингвистической теории, так и от языкового дискурса авторов научных работ. Чем дальше мы удаляемся во времени от объекта изучения, тем труднее понять принципы, которыми руководствовались древнерусские книжники, создавая или переписывая разного рода тексты. Культурный контекст, в котором проходила их деятельность, утрачен и восстанавливается опосредованно через изучение памятников, впрямую об этом не говорящих. Положение осложняется тем, что до нас дошло крайне мало документов – метаязыковых текстов, непосредственно посвященных языковой проблематике. В данной ситуации любые прямые источники, позволяющие хотя бы предположительно понять особенности языкового сознания книжников того времени, требуют пристального к себе внимания.

Вторая половина XVII века в этом отношении дает историку языка весьма богатый материал, поскольку предпринятое при патриархе Никоне исправление богослужебных книг в необычайной степени обострило интерес к филологическим и собственно языковым проблемам, которые стали предметом ожесточенных споров между двумя лагерями церковных книжников Московской Руси – старообрядцами и «никонианами». Эти дискуссии во многом подготовили русский раскол – крупнейший общественно-религиозный процесс XVII века, последствия которого оказали большое влияние на историю русской культуры вплоть до сегодняшнего времени.

Поводом для возникновения раскола послужила церковно-обрядовая реформа, которую с 1653 года начал проводить патриарх Никон с целью укрепления церковной организации. За ликвидацию местных различий в служебной практике, устранение разночтений и исправление богослужебных книг выступали все члены влиятельного тогда «Кружка ревнителей благочестия». Однако среди его участников не было единства взглядов относительно путей, методов и конечных целей намечаемой реформы. Протопопы Аввакум, Даниил, Иван Неронов считали, что русская церковь сохранила «древнее благочестие», и предлагали проводить унификацию, опираясь на древнерусские богослужебные книги. Другие члены кружка (Стефан Вонифатьев, Ф. М. Ртищев), к которым позднее присоединился и будущий патриарх Никон, хотели следовать греческим богослужебным образцам, имея в виду укрепление связей с восточными автокефальными церквами.

При поддержке царя Алексея Михайловича Никон начал проводить исправление русских богослужебных книг по современным им греческим образцам и заменил некоторые обряды (двоеперстие было заменено троеперстием, во время службы «алиллуйя» стали произносить не дважды, а трижды, изменилось чтение в 8-м члене Символа веры, вводилось почитание четвероконечной формы креста, хождение против солнца и др.). Нововведения были одобрены церковными соборами 1654–1655 годов. В течение 1653–1656

© Семаков В. В., 2016

годов на Печатном дворе шел выпуск исправленных или вновь переведенных книг.

Первыми за «старую веру», против реформ и действий патриарха выступили некоторые члены «Кружка ревнителей благочестия». Аввакум и Даниил подали царю челобитную в защиту двоеперстия. Затем они стали доказывать, что внесение исправлений осквернит истинную церковь, так как греческая церковь отступила от «древнего благочестия», и в наказание Господь обрек греков на муки, подтверждением чего был захват турками в 1453 году Константинополя. Что касается книг, взятых в качестве образцовых, то большинство из них было напечатано в типографиях католиков, которые, по словам старообрядцев, «начаша греческим языком книги печатати в Риме, Париже и в Венеции, и многия ереси своя в них насеяша»[1].

В настоящем исследовании нас интересует лингвистическая сторона разногласий двух лагерей русских книжников этого времени, конкретно – проблема различной интерпретации форм прошедшего времени глагола – аориста, имперфекта и перфекта. Дискуссия «о временех» не только занимает значительное место в полемической литературе того времени, но и позволяет эксплицитно представить общую теорию языковой формы в письменной культуре Московской Руси XVII столетия.

Истоки проблемы лежали в функциональном различии форм аориста, имперфекта и перфекта. В разговорной речи того времени употребляется единая форма прошедшего времени – реформированный перфект без связки (формы на -л), прочие претериты остаются принадлежностью письменного языка, преимущественно церковнославянского. Проверить правильность их употребления обращением к речевой практике было уже невозможно, и в ход шли другие приемы, помогающие определить адекватность, – синтагматические и парадигматические на уровне текста и системы, а также внелингвистические, связанные с экзегезой – толкованием сакрального текста.

С 1655 года из печати начинают выходить новые переводы («Служебника», «Скрижали» и др.), в которых опытные справщики Печатного двора, уволенные за явную или тайную поддержку старообрядцев, с удивлением обнаружили массу грамматических разночтений в канонических текстах. В 1662 году бывший справщик Савватий пишет челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой перечисляет многочисленные, по его мнению, ошибки в новых переводах: «По сем, государь, и о грамматике глаголю: яко нас уничижают, а и сами справщики совершенно грамматики не умеют, и обычай имеют тою своею мелкою грамматикою Бога определяти мимошедшими времены, и страшному и неописанному Божеству его, где не довлеет, лица налагают. В воскресном, Государь, тропаре на Пасху… прежде сего печатали: и на престоле ***беяше*** Христе со Отцем и Духом… А ныне в новой Триоде напечатали мимошедшим временем, яко же и в руце седящего, – и на престоле ***был еси*** Христе со Отцем и Духом. Яко же бы иногда был, а иногда несть. А сего не разумеют, яко по богословским книгам, при Бозе бытие не глаголется, яко же при тварех, но предбытие, понеже всякого существа и бытия прежде Бог»[2].

Савватий предлагает следующую интерпретацию семантических различий трех форм прошедшего времени: «…***беяше***, непредельная речь, при Бозе глаголется искони и присносущное, а ***бысть*** при человеце и при иных тварех, от немже наста что: обаче от начатка и то присносущее, а ***был еси***, когда глаголется мимошедшее, яко зде или инде был…»[3].

Таким образом, по Савватию, формы имперфекта обозначают действия, не имеющие временных пределов; формы аориста локализуют начало действия в прошлом, но не определяют конец действия, то есть оно продолжается и в настоящем; перфект указывает исключительно на действие или состояние, начавшееся и закончившееся в прошлом. С семантической интерпретацией претеритов Савватий связал дистрибуцию субъектов действия: имперфект определяет деяния Бога, аорист – человека и всего сотворенного Богом, перфект – человека. В новых переводах богослужебных книг аорист и имперфект часто заменялись перфектом, что квалифицируется Савватием как не только грамматическая, но и конфессиональная ошибка («пагуба»).

Вскоре романо-борисоглебский поп Лазарь пишет «Роспись вкратце нововведенным церковным раздором, их же собра Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер». В этом сочинении Лазарь, так же как и Савватий, обращает внимание на изменения временных форм: «Да в новых же книгах напечатано: Господи, прибежище ***был еси*** нам. Еще и в тропаре напечатано: на престоле ***был еси***, Христе. И те речи Христу похуление и отметны; сею речию сказуют нам Господне прибежище и на престоле бытие мимошедшее»[4]. О грамматических ошибках в новых переводах пишут также поп соборной церкви в Суздале Никита Добрынин (Пустосвят), позже казненный властями в 1682 году, инок Афанасий, дьякон Благовещенского собора в Москве Феодор и другие.

Реакция властей была достаточно быстрой. В 1667 году Симеон Полоцкий издает «Жезл правления», в котором отвечает на обвинения старообрядцев (конкретно Никиты и Лазаря), упрекая их в незнании грамматики: «Видети сие годствует в Никите, иже дерзав во

богословские глубины ум свой пущати, се на брезе грамматическаго разума, и в мелкости ея утопает»[5]. Более подробная аргументация правильности грамматических изменений представлена в трактате Афанасия Холмогорского «Увет духовный» (1682 год): «Пишут раскольники святыя церкви, во своей ложной челобитной, сице: “Да в новых же книгах напечатано… и на престоле ***был еси***, а в старых книгах написано во всех ***беяше***, а не ***был еси***”. Имеяй умная очеса, видит добре быти преведено: Господи прибежище ***был еси***, в место ***бысть нам***, ибо звательный падеж… полагается со вторым лицем, никогда же с третиим, второе же лице есть ***был еси***, ***бысть*** же третие. Во времени же несть погрешения, ибо яко ***бысть***, тако и ***был еси*** есть времене прешедшаго…»[6]. Аналогично трактуются формы перфекта и в книге «О исправлении в преждепечатных книгах минеах…», написанной, по мнению С. Браиловского, старцем Ефросином[7]. Разницу форм ***явися*** и ***явился еси*** Ефросин определяет следующим образом: «Обретошася же в тех правленных книгах, не ведомо по каковому случаю, речения многая оставлена неисправлена по грамматическому художеству во временех и лицех, второго лица глаголы премножайшии третим лицем писаны, еже зело нелепо тако быти... На Христово рождество… стих… “Что ти принесем Христе, яко ***явися*** на земли” зело грубо и укора достойно. “Что ти Христе”, стих глаголет ко второму лицу: ***явися*** же (яко человек) – глагол третего лица, и в едином лице Христове два лица стих оный поет: и сие зело вредословно… Подобает же пети весь стих ко единому второму лицу Христову сице: “Что ти принесем Христе, яко ***явился еси***…”»[8].

Итак, сторонники исправлений считают, что временные значения аориста, имперфекта и перфекта совпадают, с другой стороны, для второго лица единственного числа допустимы лишь перфектные образования, поскольку аналогичные формы аориста и имперфекта указывают, по их мнению, на третье лицо. Следует подчеркнуть, что в своих объяснениях комментаторы часто обращаются к авторитету грамматик.

Споры о глагольных формах были в XVII веке лишь малой частью острой дискуссии между староверами и официальной церковью. В многочисленных трактатах этого времени обсуждаются преимущественно обрядовые изменения, непосредственно с языком связаны споры о написании имени Христа (Исус или Иисус), о союзе «а» в Символе веры («рожденна, а не сотворенна»), о возгласе «и ныне и присно и во веки веком» в молитвах, о перемене ударений в личных именах – можно сказать, что затронуты были все уровни языка (от фонетического до синтаксического) и все письменные правила. В большинстве случаев противники приводят в качестве аргументов тексты (русского или греческого происхождения), настаивая на их образцовости. Полемика же вокруг претеритных форм, кажется, выделяется на этом фоне, поскольку обе стороны – и старообрядцы, и «никониане» – обращают особое внимание на семантику формы, чего нет, например, в спорах по поводу падежных окончаний существительного («во веки веков» или «во веки веком»). Есть еще одно обстоятельство, которое позволяет обособить интересующую нас проблему, – это ее генезис. В отличие от всех прочих разногласий, спор о значении глагольных времен не локализуется только в XVII веке, а является лишь продолжением длительной дискуссии о глагольных временах, начавшейся еще в XVI столетии.

Первое упоминание о различной интерпретации форм аориста и перфекта связано с судом над Максимом Греком. Предыстория этого события такова. В 1518 году в Москву по специальному приглашению великого князя Василия Ивановича приезжает Михаил Триволис, грек по происхождению, на Руси получивший имя Максим. Ему было поручено перевести с греческого языка достаточно сложный в языковом отношении текст «Толковой Псалтири». Интересно, что Максим поначалу не знал церковнославянского языка, поэтому в переводе ему помогали русские «толмачи». В 1525 году Максим Грек предстал перед судом и был обвинен в тайных сношениях с турецким султаном и порче церковных книг. Истинная причина гонений на Максима была в другом – он выступил против повторного брака Ивана Васильевича и активно поддерживал нестяжателей в их борьбе против монастырского землевладения. Тем не менее на соборе 1525 года одним из главных было обвинение в ереси в связи с максимовым переводом «Толковой Псалтири». Сохранились «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки», в которых достаточно подробно изложена языковая сторона дела: «Максим инок Святогорец говорил, и учил Михаля, и писал о Христе, яко сидение Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее… Где было в здешних книгах написано: “Христос взыде на небеса и ***седе*** одесную Отца”, а инде “седяи одесную Отца”, и он то зачернил, а иное выскреб; а вместо того написал... “***седел еси*** одесную Отца”… И Даниил, митрополит всея Руси, велел его спросити… “Что ради Христово сидение одесную отца мимошедшее писал еси и говорил и учил многих сему?” И Максим отвечал: “В том разньства никоторого нет…”»[9].

Позиция Максима вполне очевидна: во-первых, он хотел приблизить перевод к греческому оригиналу, передать в церковнославянском тексте всю ту информацию, которая

содержалась в первоисточнике, во-вторых, его подход к церковнославянскому языку – это подход к кодифицированному мертвому языку, в некотором смысле иностранному, который изучается по грамматическим руководствам [3: 261]. Обвинители же Максима исходят от употребления, от синтагматики текста, а не от грамматической парадигматики. Правка текста по грамматическим правилам против принятой традиции воспринималась как кощунство. В этой связи интересно признание Михаля Медоварцева, сотрудника Максима по переводам. Поставленный на соборе «с очей на очи», Медоварцев заявил: «…загладил (стер. – *В. С.*) две строки, а вперед гладити посумнелся еси… не могу заглаживати, дрожь мя великая поимала и ужас на меня напал»[10]. Конфликт решился в пользу традиционного употребления, и Максим был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Грамматическая причина разногласий лежала в омонимии форм аориста и имперфекта во 2–3-м лице единственного числа. Так, для глагола «седети» (современное «сидеть») аористная и имперфектная парадигмы в единственном числе выглядели следующим образом: аорист – «седех, седе, седе»; имперфект – «седеах (седях), седеаше (седяше), седеаше (седяше)». Неразличение форм 2-го и 3-го лица на фоне вымывания исконной семантики претеритов толкало книжников на замену аористных и имперфектных форм 2-го лица единственного числа перфектными образованиями, которые были четко формализованы, – «седел есмь, седел еси, седел есть (седел естъ)». К тому же исконная семантика перфекта чаще всего была актуализирована в контекстах с прямой речью, в которых, собственно, и встречается 2-е лицо глагола. Многочисленные исследования памятников XVI–XVII веков показывают именно такую статистику. Так, в переводных новеллах XVII века при абсолютном преобладании форм аориста и имперфекта перфект отмечается преимущественно во 2-м лице единственного числа (80,2 %) [6: 242], в «Степенной книге царского родословия» формы 2-го лица перфекта со связкой примерно в 3 раза количественно превосходят аналогичные формы 3-го лица [12: 287–290], в русских повестях XVII века эловые формы также в основном находятся в контекстах с прямой речью [2: 12].

Таким образом, экспансия перфекта со связкой или без нее в книжный язык шла через 2-е лицо единственного числа и была поддержана как его абсолютным преобладанием в разговорной речи (формы на -л), так и явной путаницей в темпоральной семантике всех трех претеритных форм на фоне усиления видовой аспектуализации. Грамматики, на которые ссылаются русские книжники, со всей очевидностью отражают эти процессы в церковнославянском языке.

Объединение перфекта с формами аориста и имперфекта в одной парадигме начинается с «Донатуса» Дмитрия Герасимова (1522 год). Оно было продолжено в «Адельфотесе» (1591 год), в «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания (1596 год) и в «Грамматике славенския правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого (1619 год, Евю; 1648, Москва) [1: 13], [3: 261], [9: 19–27]. Наиболее полно интересующие нас формы описаны в двух последних грамматиках. Так, Лаврентий Зизаний обозначает аорист термином «мимошедшее» и предлагает следующую его парадигму: «явих, явилъ еси, ла, ло, и яви, яви». Рядом у него имеется и имперфект в двух видах: «протяженное» – «являх, являлъ еси, ла, ло, и являше, являше»; «пресовершенное» – «являях, являал еси, являаше, являал»[11]. С большей подробностью парадигматика претеритов представлена в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. В московском издании 1648 года формы прошедшего времени характеризуются следующим образом: «Преходящее есть, им же несвершенно прошлое действо или страдание знаменуем: яко, бияхся, или биен есмь, и бых. Мимошедшее есть, имже древле совершенно прешедшее действо или страдание знаменуем: яко, бияах, бияахся, или биян бывах. Непредельное есть, имже в мале совершенно прошлое действо или страдание знаменуем: яко, побихся, или побиен бых»[12]. Для каждого времени и спряжения Смотрицкий дает примеры личных парадигм, например, «преходящее» – «чтох, чел, чла, чло, чте»; «прешедшее» – «читах, читал, читала, -ло, читаше»; «мимошедшее» – «читах, читаал, читаала, читаало, читааше»; «непредельное» – «прочтох, прочел, -ла, -ло, прочте»[13]. Наконец, отдельно приводится парадигма перфекта со следующим комментарием: «Времена: преходящее, прешедшее, мимошедшее и непредельное наклонения сего изъявительнаго, руска иногда языка навыком действительне и страдательне произносима быти обретаем: сице существительным глаголом растворяема, яко… чел есмь, чел еси, чла, чло, чел естъ… Сице прешедшее, читалъ есмь и прочая, мимошедшее читалъ есмь и прочая, непредельное прочелъ есмь и прочая»[14]. Описание глагольных форм, сделанное Смотрицким, показывает, что, во-первых, прешедшее и мимошедшее время отличаются друг от друга лишь как стяженная «читах» и нестяженная «читаах» формы имперфекта, во-вторых, преходящее и непредельное есть не что иное, как аорист от разных основ (аористной и имперфектной), а временные различия подменяются видовыми, наконец – и это самое главное – формы перфекта или включены в парадигму всех четырех времен (для 2-го лица единственного

числа), или представлены собственной полной парадигмой, но лишь в качестве русского варианта церковнославянских претеритов (чтобы заполнить все грамматические позиции для перфекта, Смотрицкий создает совершенно искусственные формы, вроде «читаал есмь»).

В середине XVII века именно «Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала для книжников-«никониан» наиболее авторитетной, и именно по ее парадигмам правятся новые переводы. В спорах со старообрядцами и Симеон Полоцкий, и автор трактата «О исправлении…» приводят аргументы, дословно совпадающие с соответствующими местами сочинения Смотрицкого [10: 8].

Для старообрядческих книжников XVII века императивность этого трактата была ничтожной. Более того, с их точки зрения, «Грамматика» Смотрицкого была книгой, через которую «латинствующие» (то есть католики) пытаются разрушить истинную веру и присоединить Русскую православную церковь к Риму. Справщик Савватий пишет об этом следующим образом: «А учали плутати (заблуждаться. – *В. С.*) недавно, прежде сего и они так печатали, а свела их с ума несовершенная их грамматика, да приезжие нехаи (выходцы с Украины. – *В. С.*)… Напрасно, государь, беспомощных за грамматику их разорять: мелка грамматика их, добро грамматика, кто умеет ее совершенно. А с их грамматики точию книгам пагуба, а людем соблазна»[15]. Сама личность Мелетия Смотрицкого в глазах староверов была весьма сомнительной. Вот что сообщает об авторе «Грамматики» дьякон Феодор (из «Письма, поданного собору российских архипастырей на допросе 11 мая 1666 года»): «Егда исполнися шестьсот лет по отпадении римлян (разделения единой церкви после Никейского собора 1054 года. – *В. С.*), тогда отступиша жителие Малыя России от восточныя святыя церкви к римскому костелу, приемши богоотступнаго папы развращенныя и богохульныя догматы: прежде всего символ измениша во многих местех… А истиннаго у них из символа выложил униатский епископ, именем Мелетий Смотрицкой»[16]. Обвинения старообрядцев были не беспочвенными – Смотрицкий, ректор Киевской коллегии, перед смертью принял католичество. Конечно, этот факт был известен властям, поэтому в прениях со староверами они стараются не упоминать его имени, ссылаясь просто на некую «Грамматику».

В материалах дискуссии XVII века заметно желание церковных властей обозначить конфликт двух сторон как столкновение «грамматистов» и «антиграмматистов», так сказать, людей науки и необразованных обскурантов. Повод к этому дают сами старообрядцы, много и охотно говорившие о своем неприятии грамматических знаний. Характерны в этом отношении высказывания старца Авраамия: «Вопрос: А вы, брате Авраамей, конечно за неведение погибаете. Не учася риторства, ни философства, ниже грамматическаго здраваго ума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего… Ответ: Правду ты, владыко, рекл ми, яко риторики и философства не учихся и грамматического учения глубоко не знаю, кроме малаго наречия в справе…»[17]. Однако говорить о недостаточной образованности защитников старой веры было бы неправильно. Во-первых, староверы не отрицают грамматики как таковой – в своих возражениях по поводу справы они иногда обращаются к трактату Иоанна Экзарха Болгарского «О осьми частех речи», известному в списках с XV века, именно этот текст они считают каноническим, с другой стороны, главным личным авторитетом в области языка для них выступает Максим Грек, написавший несколько сочинений, утверждавших пользу «премудрого учения философского» [4], [11]. Аргументы старообрядческих книжников в полемических статьях того времени часто убедительнее грамматической схоластики «никониан». Дело обстоит не в оппозиции приятия или неприятия грамматики, а в глубоком культурном, мировоззренческом противостоянии двух точек зрения на язык сакрального текста.

В XVII веке, по мнению С. Матхаузеровой, контрастно обозначились субстанциональная и релятивистская концепции текста [4: 273–274]. Для старообрядцев слово само по себе равняется обозначаемой субстанции, предмету; слово и Бог составлены из одной материи. Текст воспринимается как нечто данное, как откровение, которое не может существовать иначе, нежели в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме. Всякое исправление буквы текста является нарушением его содержания. В отличие от субстанционального понимания защитники «книжной справы» эксплицируют рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом. «Правда» текста для них состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познания. Оппозиция двух теорий текста отразилась и в теории перевода. Для старомосковских книжников, опиравшихся на авторитетную «отеческую» литературу, основой теории перевода является мысль, что перевод, одинаково точный в отношении и выражения, и содержания, невозможен, следовательно надо ориентироваться на «разум», то есть значение. Выражение становится ниже содержания, ниже смысла. С другой стороны, Симеон Полоцкий – самая яркая фигура среди защитников «справы» – тоже подчеркивает важность «разума», смысла

переводимого, но требует и точного перевода «речения», то есть выражения. Симеон признает возможность усовершенствования прежних и создания новых переводов, в которых меняются слова, но не смысл. Чтобы найти эквивалент «речения», необходимо знать грамматику, риторику и диалектику [4: 276–278].

В нашем случае интерпретация претеритных форм в старообрядческой обличительной литературе идет от семантики претерита к его формальному выражению. Деяния Господа вершатся вне времени, в них отсутствуют фазы начала и конца, а поскольку в старых церковнославянских текстах они вербализованы в формах имперфекта и аориста, то именно это значение – значение вечного существования – актуально для традиционалистов. Напротив, большинство книжников-«никониан» трактуют отмеченные формы исходя из формальных критериев, из их парадигмы, кодифицированной грамматикой. Перфект, аорист и имперфект осмысляются часто как синонимичные по значению времена, следовательно, главным критерием корректности их употребления становится не семантика, но соотнесенность с грамматическим лицом субъекта действия.

Интересно, что подобная дистрибуция отмечается не только в теоретических сочинениях того времени, но проявляется и в поэтике литературных текстов. Так, в сочинениях протопопа Аввакума аорист и имперфект чаще всего употребляются при описании действий самого автора или его сторонников, «людей божиих». В изображении противников протопопа заметно стилистическое снижение, которое достигается постановкой перфектных форм. Такой поэтический прием позволяет Аввакуму представить собственные деяния в перспективе их вечности, соотнесенности не с «тварной» историей, но с вневременным библейским сюжетом борьбы с дьяволом [5], [7]. Например: «Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду ***остригли*** и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице ***держали***, – о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, – тогда ***нападе*** на мя печаль, и зело ***отяготихся*** от кручины и ***размышлях*** в себе, что се ***бысть***, яко древле и еретиков так не ***ругали***, якож меня ныне: волосы и бороду ***остригли***, и ***прокляли***, и в темнице ***затворили*** никонияня, пущи отца своего Никона надо мною, бедным, ***сотворили***. И о том ***стужах*** божеству, да явит ми, не туне ли мое бедной страдание»[18]. Как видим, семантический (а вместе с тем и стилистический) аспект противопоставления аориста и имперфекта в этом отрывке из «Пятой челобитной царю Алексею Михайловичу» принципиально важен Аввакуму («никонияня» – «остригли, держали, прокляли, затворили, сотворили»; «аз» – «отяготихся, размышлях, стужах»).

В этой связи характерны и случаи замены аориста на перфект в библейских цитатах аввакумовского «Жития». Так, Евфимей Стефанович, один из гонителей протопопа, говорит словами блудного сына из Евангелия от Луки, XV, 18: «Прости, государь, ***согрешил*** пред богом и пред тобою»[19]. Приведем соответствующий текст Острожской библии: «Рече же ему сынъ, отче, ***согреших*** на небо и предъ тобою»[20]. Следующий пример – в уста воеводы Пашкова («суровъ и безчеловечен человек») Аввакум вкладывает слова Иуды: «***Согрешил,*** окаянной, пролилъ неповинную кровь!»[21]. В церковнославянском тексте Евангелия от Матфея, XXVII, 4 (покаянная речь Иуды) – «...***согреших***, предавъ кровь неповинну».

Поэтика претеритных форм в произведениях Аввакума, на наш взгляд, непосредственно коррелирует со старообрядческой концепцией грамматической семантики и отражает основной пафос аввакумовского творчества – «обличение злокозненной никонианы».

В условиях последующей маргинализации старообрядчества и сужения сферы употребления церковнославянского языка споры о грамматических формах глагола постепенно утратили свою актуальность. Последние следы «грамматического противостояния» можно увидеть в знаменитых «Поморских ответах» (1722–1723), в которых новое поколение «древлеправославных» доказало подложность рукописных «Соборного деяния на еретика арменина, на мниха Мартина» и «Феогностова требника», используемых властями в диспутах с «раскольниками»[22] [8]. В фальшивых рукописях выговские старцы в числе прочих «недоумений» обнаружили аористные новообразования, невозможные для древних текстов, к которым якобы и относились эти пергаменные «хартии»: «Речи и пословицы в деянии писаны, не древних россиян, но нынешнего подобия. В древних бо писахуся глаголы прешедшего времене, третияго лица: дастъ, предастъ, предастся, яко в евангелиях древлехаратейных… такожде в деянии же написано: даде, предаде, воздаде, предадеся… Сего ради соборному деянию, яко неизвестному, яко несогласному, яко толикими противствы церковными помазанному, удобоверствовати опасаемся»[23].

«Удобоверствовати» друг другу опасались и все участники дискуссии XVII века, поскольку конфликт, внешне представленный как спор о «временех», оказался выражением непримиримого противостояния двух мировоззрений, двух концепций мира, и разрешиться в рамках одной культурной парадигмы он, естественно, не мог.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря (три памятника из первоначальной истории старообрядчества). СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. С. 105. Древнерусские тексты передаются в упрощенной орфографии: титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку, «ер» в конце слов не воспроизводится, буквы «ять», «и» десятеричное заменяются соответственно «е», «и».
[2] Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря… С. 23.
[3] Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря… С. 27.
[4] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 4. Ч. 1. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1878. С. 235.
[5] Полоцкий Симеон. Жезл правления. М.: Печатный Двор, 1667. Л. 23.
[6] Увет духовный. М.: Печатный Двор, 1682. Л. 221.
[7] Браиловский С. Очерки из истории просвещения в Московской Руси XVII века. Чудовский инок Евфимий // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1890. Т. 1. С. 440–441.
[8] Никольский К. Т. Материалы для истории исправления богослужебных книг. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1896. С. 114–115.
[9] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подгот. Н. М. Покровский. М.: Институт истории, филологии и философии АН СССР, 1971. С. 90.
[10] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки… С. 109.
[11] Булич С. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Ч. I. Записки историко-филологического факультета императорского С. Петербургского университета, 32. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893. С. 369–370.
[12] Смотрицкий Мелетий. Грамматика славенская. М., 1648. Л. 155об.
[13] Смотрицкий Мелетий… Л. 190–192.
[14] Смотрицкий Мелетий… Л. 192–192об.
[15] Три челобитные… С. 26–27.
[16] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 6. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1881. С. 15.
[17] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1885. С. 395.
[18] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.
[19] Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л.: Наука, 1975. Л. 20.
[20] Библия. Острог, 1581. Л. 20.
[21] Пустозерский сборник… Л. 50об.
[22] Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий археографической комиссии за 1918 год. Вып. 31. Петроград, 1921. 66 с.
[23] Поморские ответы. М.: Христианская типография при Преображенском богадельном доме, 1911. Л. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1938. 448 с.
2. Даневич А. В. Грамматические особенности русских повестей 2-й половины XVII века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1961. 17 с.
3. Живов В., Успенский Б. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10. № 3. С. 259–279.
4. Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1976. Т. XXXI: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. С. 271–284.
5. Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1972. Т. XXVII: История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 227–235.
6. Рюмина О. Л. Формы прошедшего времени в переводной новелле второй половины XVII века // Ученые записки МОПИ. Т. 17. М., 1970. С. 242.
7. Семаков В. В. О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке «Жития протопопа Аввакума» // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1985. Т. XXXIX. С. 404–409.
8. Семаков В. В. «Поморские ответы» об эволюции глагольных форм в церковнославянском языке // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 154–158.
9. Силантьев Н. В. Русский глагол в грамматиках доломоносовского периода // Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград, 1981. С. 19–27.
10. Сиромаха В. Г. Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII в. и «Грамматика» Смотрицкого // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 1. С. 3–14.
11. Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII: Древнерусские литературные памятники. С. 80–87.
12. Otten F. Die finiten Verbalformen und ihr Gebrauch in der Stepennaja Kniga carskogo rodoslovija // Sprachen und Literaturen der Osteuropa. Berlin. 1973. P. 287–290.

Semakov V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

OLD RUSSIAN PRETERITS IN METALINGUISTIC TEXTS OF THE XVII – BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

In the second half of the XVII century, the confessional discourse of the Russian Orthodox Church was focused on multiple linguistic problems associated with translation of liturgical tests. In the linguistic discussion of the Moscow Rus scholars, special attention was paid to the interpretation of preterits: perfective and imperfective forms. The followers of Nickon's school accentuated their emphasis on the paradigmatic distribution of the verb forms and referred to the Old Church Slavonic grammar. Traditionalists, on the other hand, insisted on the semantic differences inherent to preterits. The verb forms' distribution in the works written by protopope Avvakum is coordinated with the Old Believers grammar, in which imperfective forms counterpose perfective forms as "sacred" times counterpose "secular" times.

Key words: preterits, book reference, Avvakum's writings, XII century, Pomeranian answers

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the Russian language of the XVII –XIX centuries]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Publ., 1938. 448 p.
2. Danevich A. V. *Grammaticheskie osobennosti russkikh povestey 2-y poloviny XVII veka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Grammar aspects of the Russian novel of the second half of the XVII century: The author's abstract. PhD. phil. sci. diss.]. Kiev, 1961. 17 p.
3. Zhivov V., Uspenskiy B. Grammar. Preterits' verb forms "biti" in Russian culture of the XVI–XVII centuries [Grammatica sub specie theologiae. Preteritnye formy glagola "byti" v russkom yazykovom soznanii XVI–XVII vekov]. *Russian Linguistics.* 1986. Vol. 10. № 3. P. 259–279.
4. Matkhauzerova S. Two theories of the text in Russian literature of the XVII century [Dve teorii teksta v russkoy literature XVII veka]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. XXXI: "Slovo o polku Igoreve" i pamyatniki drevnerusskoy literatury. P. 271–284.
5. Matkhauzerova S. The function of time in the symbols of Old Russia [Funktsiya vremeni v drevnerusskikh zhanrakh. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury.* Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. XXVII: Istoriya zhanrov v russkoy literature X–XVII vv. P. 227–235.
6. Ryumina O. L. Past forms of the verbes in progressive novels of the second half of the XVII century [Formy proshedshego vremeni v perevodnoy novelle vtoroy poloviny XVII veka]. *Uchenye zapiski MOPI*. Vol. 17. Moscow, 1970. P. 242.
7. Semakov V. V. On stylistic markers of imperfective forms in protopope Avvakum writing [O stilisticheskoy markirovannosti aorista i imperfekta v yazyke "Zhitiya protopopa Avvakuma"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1985. Vol. XXXIX. P. 404–409.
8. Semakov V. V. "Pomeranian answers" on the evolution of the Old Slovonick Church forms ["Pomorskie otvety" ob evolyutsii glagol'nykh form v tserkovnoslavyanskom yazyke]. *Vygovskaya pomorskaya pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. P. 154–158.
9. Silant'ev N. V. Russian grammar in pre Lomonosov's time [Russkiy glagol v grammatikakh dolomonosovskogo perioda]. *Razvitie i funktsionirovanie russkogo glagola*. Volgograd, 1981. P. 19–27.
10. Siromakha V. G. Linguistic interpretations of the Moscow Rus scholars of the second half of the XVII century and "Grammar" book by Smotritskii [Yazykovye predstavleniya knizhnikov Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XVII v. i "Grammatika" Smotritskogo]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya.* 1979. № 1. P. 3–14.
11. Shashkov A. T. Maksim Grek and his ideological fight in Russian of the second half of the XVII – beginning of the XVIII century [Maksim Grek i ideologicheskaya bor'ba v Rossii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v.]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. XXXIII. P. 80–87.
12. Otten F. Die finiten Verbalformen und ihr Gebrauch in der Stepennaja Kniga carskogo rodoslovija // Sprachen und Literaturen der Osteuropa. Berlin. 1973. P. 287–290.

Поступила в редакцию 15.01.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 68–73 **Филологические науки** **2016**

УДК 82.09

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilsky@mail.ru

ИМЯ КОХАНОВСКОЙ В ПОЛЕМИКЕ ПОЧВЕННИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ*

Рассматривается история взаимоотношений двух родственных литературных кружков − славянофильства и почвенничества. На примере одного эпизода, связанного с отзывами о творчестве писательницы Н. С. Соханской (Кохановской), показаны сходство и различия этих идейных течений. Разбираются претензии главного представителя славянофильства 1860-х годов И. С. Аксакова к журналу братьев Достоевских «Время». Опубликованная в этом издании анонимная статья «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» повторяла многие идеи славянофилов, но не содержала ссылок на появившиеся ранее в славянофильском журнале «Русская беседа» рецензии на первые произведения Кохановской. Публикация почвеннического автора сопоставляется со статьей близкого к славянофилам критика Н. П. Гилярова-Платонова «О новой повести г-жи Кохановской “Из провинциальной галереи портретов”». В обеих статьях указывалось на близость творчества Кохановской к произведениям С. Т. Аксакова, подчеркивалась положительная направленность этих писателей. Кроме того, рецензент «Времени» критически высказывался по поводу статьи о С. Т. Аксакове, напечатанной в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (СПб., 1861). Появившаяся в газете Аксакова «День» статья Н. М. Павлова о Кохановской, в свою очередь, никак не реагировала на публикацию «Времени». Между тем в позициях почвенников и славянофилов было много общего, что хорошо видно, если сравнить их взгляды с идеями, высказанными по поводу произведений Кохановской М. Е. Салтыковым-Щедриным. Впоследствии И. С. Аксаков в некрологе Кохановской вспомнит именно «замечательную статью» о ней, опубликованную в журнале Достоевского «Время».

Ключевые слова: Кохановская, почвенники, славянофилы, полемика, критика

Надежда Степановна Соханская (Кохановская) имела репутацию непризнанного писателя. Такое мнение высказывалось в начале шестидесятых годов, когда одна за другой появлялись ее повести, о том же говорил Иван Аксаков, подводя итог творческого пути Кохановской. Но критики разных направлений – от славянофилов и сторонников «чистого искусства» до самых радикальных утилитаристов – всегда отмечали своеобразие и несомненный талант писательницы, хотя и находили в ее произведениях существенные недостатки. Особенно интересно, что имя Кохановской сыграло важную роль в истории двух родственных кружков, славянофильского и почвеннического, каждый из которых хотел быть первооткрывателем и защитником нового автора. Все началось с одной статьи в журнале «Время», надолго запомнившейся Аксакову.

Осенью 1861 года Аксаков пишет Соханской письмо, в котором, между прочим, упоминает и петербургское почвенничество. «В последней книжке *Времени*, толстого журнала, издающегося Достоевским в Петербурге, – сообщает Аксаков Соханской, – есть статья: “Явления, не замеченные нашею критикой”. Это явление – вы. Всего забавнее то, что автор, повторяя о вас, чуть ли не слово в слово, все сказанное в *Русской Беседе*, в то же время совершенно умалчивает о *Русской Беседе*. Вообще – этот журнал славянофильствует отчаяннейшим образом, и при всяком удобном случае нас ругает, говорит, что славянофильство – отживший момент, и хочет создать учение о русской народности – минус вера и нравственный закон!» [12, Т. 44: 570].

Следует отметить, что письмо написано еще до появления статей Достоевского «Последние литературные явления. Газета “День”» (ноябрь 1861 года) и «Два лагеря теоретиков» (1862 год), специально заостренных против доктрины славянофилов. Но и без них Аксакова огорчило полное забвение заслуг славянофильской критики, чем отличалась упомянутая работа «Времени», раздражение вызвала самонадеянность нового литературного кружка. Статья «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» – одна из немногих публикаций почвеннических журналов, упомянутых в письмах Ивана Аксакова. Ни пламенные выступления Достоевского, ни сочувственные отзывы Страхова так сильно не взволновали славянофильского лидера, как эта анонимная статья[1]. Для того чтобы понять причины столь неравнодушной реакции Аксакова, необходимо

© Кунильский Д. А., 2016

хотя бы кратко напомнить о значении, которое придавали Кохановской славянофилы.

Надежда Степановна Соханская (1823–1884) – прозаик, драматург, писала под псевдонимом Кохановская[2]. Жила в провинции, в Харьковской губернии, но при этом печаталась в самых популярных столичных журналах. Широко известны были ее повести «После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов», статья «Степной цветок на могилу Пушкина». Стремление Кохановской находить в изображаемой действительности, даже посреди семейного деспотизма и кажущейся несправедливости, положительные стороны, наряду с неоспоримым авторским талантом и прекрасным знанием простонародного быта, было очень близко славянофильским представлениям о самобытном русском искусстве. На ее произведения откликнулись в «Русской беседе» К. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, отметил нового автора и А. С. Хомяков. Достаточно сказать, что на иерархической лестнице русских писателей, сконструированной славянофилами, Кохановская была поставлена на высшую ступень – вместе с Гоголем (а где-то и возвышаясь над ним) и С. Т. Аксаковым. «Я вижу в вас зарю нового отношения искусства к жизни, вы – первый русский художник, ставший не в отрицательное, а в положительное отношение к русской жизни» [12, Т. 43: 572–573], – писал ей И. Аксаков, незамедлительно пригласивший к сотрудничеству в своих изданиях. Так в «Русской беседе» (1859. Кн. 5) была напечатана статья «Степной цветок на могилу Пушкина», а в газете «День» – две повести Кохановской[3]. Критическое отношение славянофилов к большинству появлявшихся художественных произведений заставляло их ревностно относиться к писателям, избранным в качестве выразителей русского народного духа. В их числе оказалась и Кохановская.

Спустя два-три года после детальных разборов «Русской беседы» журнал «Время» печатает статью с вызывающим заглавием «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести» [15]. Статья анонимная, и до сих пор высказываются разные мнения по поводу ее автора[4]. В данном случае принципиальным представляется вот какой момент: статья, построенная на основе славянофильских тезисов, умалчивала о самих славянофилах и их «открытии» Кохановской. Более того, происходило литературное покушение не только на славянофильские идеи, но и на их терминологию и самых дорогих им писателей. Поведение, в общем, не новое для русской журналистики и критики, но ярко характеризующее междоусобицы внутри консервативного лагеря.

Полемическая направленность статьи имеет сразу несколько уровней: анонимный автор бросает вызов критике вообще, особенно критике петербургской во главе с журналом «Современник», не довольствуется оценкой, данной С. Т. Аксакову во втором томе «Энциклопедического словаря», и, наконец, ощутимо затрагивает славянофилов, не называя их при этом по имени. Но для нас важно, что кому бы формально не адресовался упрек, в любом случае нарушались интересы славянофилов, в чем можно убедиться на следующих примерах.

«Не замечали ли вы, – пишет журналист “Времени”, – что внимания наших критиков и рецензентов чаще всего удостаиваются пошлейшие произведения, какие только порождает наша литература? <…> Глумление идет нескончаемо и жар обличения обнаруживается необыкновенный. Зато в отношении к тому, что у нас имеет действительную цену, что нужно любить, холить, – критика слепа и глуха» [15; 22]. В этих словах подчеркивается отрицательный настрой русской критики, ее желание скорее поругать, чем похвалить. Но не только. Тем самым автор дает понять, что до него никто в газетно-журнальном мире еще не дал надлежащей оценки произведениям Кохановской, не отметил положительный пафос ее творчества. Такое заявление било в первую очередь по славянофилам, много говорившим о положительности Кохановской, хотя, конечно, и кроме них талантливую беллетристку удостоили отзывами известные писатели и критики. Н. П. Гиляров-Платонов, сравнивая Кохановскую с С. Т. Аксаковым, специально акцентировал тот же момент: «В самом деле, с этим писателем, который более и полнее других выразил в себе возникающее положительно-художественное направление литературы, у г-жи Кохановской, по нашему мнению, много родственного. Беспристрастное отношение к действительности, внутренняя изобразительность, и в особенности та цельность, та самоуспокоенность, в какой являются изображаемые лица, и которая служит преимущественным признаком положительной художественности, все это есть у того и другого писателя, и – последнее едва ли из всех Русских писателей не у них одних» [10: 68–69].

Почвеннический автор в своем труде также опирается на С. Т. Аксакова как на «явление глубокое и огромное», ставшее «камнем преткновения для узкой и слабой критики». В качестве примера недальнозоркости критиков он берет словарную статью об этом писателе и переписывает ее заново. Основная цель переделки – подчеркнуть значение Аксакова для русской литературы, находя красоту и смысл в каждом его сочинении. Наряду с этим отмечалась узость воззрений современных критиков, не сумевших должным образом оценить творца «Семейной хроники».

Вслед за автором словарной статьи[5], сопоставившим отклики на произведения Аксакова в мо-

сковской и петербургской журналистике, автор «Времени» также проводит параллель между двумя столицами, явно предпочитая Москву. Это сочувственное упоминание московской критики (заметим, что у Лонгинова, наоборот, в качестве авторитетов выступают петербургские журналы, особенно «Современник»), пожалуй, единственный реверанс в сторону славянофилов.

Главное, что старался донести до читателя рецензент «Времени», заключалось в его идее о соответствии произведений Аксакова русской жизни, не идеальной, а той, какой она была на самом деле. Вот почему в статье оправдывается на первый взгляд безучастное отношение автора к героям «Семейной хроники» Куролесову и Багрову, можно сказать, крепостникам, жестоко поступавшим со своими ближними. Людские недостатки персонажей Аксакова, уверен критик, находят объяснение в «типически верном и глубоком изображении действительности». Так же и другое сочинение Аксакова, «Литературные и театральные воспоминания», «несмотря на малое историческое значение многих лиц, которые в них действуют, представляют удивительно живую картину и вполне воскрешают перед нами какое бы ни было, но все-таки *наше* былое время» [15: 25]. Обо всем этом говорилось в духе оформлявшегося почвенничества, с некоторой поправкой славянофильства. Почвенники более широко смотрели на вещи, положительность для них не ограничивалась только лишь идеалом, как это нередко случалось у славянофилов, а охватывала разные стороны русской жизни и состояла в правдивом изображении национального прошлого и настоящего. Хотя заимствования из славянофильской критики очевидны. «Самый Куролесов у него, – писал об аксаковском герое Гиляров, – смягчен: рядом с зверством этого барина, выставлены черты, приобретшие ему признательность крестьян» [10: 70]. Отсюда – прямой путь к непосредственной характеристике творчества Кохановской, по которому автор «Времени» пошел за своим московским предшественником.

Как ранее Гиляров, почвеннический критик готов признать художественные недочеты и технические шероховатости разбираемых повестей: все это вполне окупается ощущением здоровья и теплоты, остающимся в душе читателя. Достаточно и того, что в произведениях Кохановской виден «далекий и светлый идеал», «от них веет русским духом, русскою жизнью» [15: 28]. Все это вполне по-славянофильски. Но тут же автор «Времени», вырываясь из тесных для него рамок доктрины, идет дальше. Характеры, изображенные Кохановской, сопоставляются им не только с действующими лицами «Семейной хроники», но и с героями «Капитанской дочки», чего не говорили ни Гиляров-Платонов, ни К. Аксаков. У всех трех художников автор анонимной статьи находил прямое, положительное отношение к русской действительности, искреннее любование ее идеалами. Вдобавок здесь же появляется имя Островского, о ком Гиляров, подчеркивая своеобразие Кохановской, высказался довольно неоднозначно: «Итак, мы можем себя поздравить, что мы будем избавлены от скуки видеть нового *специалиста* художника, в роде гг. Григоровича, Щедрина и отчасти Островского, которые, произведя эффект первыми своими произведениями, вполне, если не исчерпали, то выявили свои дарования» [10: 66]. Такие коррективы и дополнения славянофильской системы заметно отличали почвенничество и своим происхождением были обязаны Ап. Григорьеву, главному пропагандисту и толкователю пьес Островского.

Из чисто терминологических заимствований можно отметить использование критиком «Времени» эпитета «положительный», как его понимали славянофилы. О произведениях Кохановской, например, сказано, что «русская жизнь отзывается, хотя и не выражается вполне… в них своими *положительными* сторонами», а ее герои «суть именно наши желанные образы, положительные лица нашей жизни» [15: 28–29]. В приведенных фрагментах статьи Гилярова подобная мысль излагалась схожим языком.

Как видно, совпадения были значительными и не сопровождались какими-либо ссылками, что возмутило И. Аксакова. Чуть позже, в 1863 году, в процессе переписки со Страховым, связанной с запрещением «Времени», Аксаков вновь вспомнит интересующую нас статью: «…“Время” о повестях Кохановской объявляет, как о явлениях пропущенных нашей критикой, забывая, что “Русская беседа” в статьях моего брата и Гилярова первая определила ее значение в литературе!!?» [7: 23–24]. Недовольство Аксакова легко понять: славянофилов, в сущности, лишали единственного писателя, способного отразить их идеалы в художественной форме. Более того, один из отзывов на творчество Кохановской принадлежал не кому-нибудь, а покойному и горячо любимому брату Ивана Сергеевича Константину.

Несмотря на все эти происшествия, отношения между почвенниками и И. Аксаковым постепенно налаживались, напряженность спадала. Предположительно в конце 1863–1864 году происходит его знакомство с Достоевским, который из-за болезни жены был вынужден поселиться в Москве и посещал аксаковские «вечера», приуроченные к выходу очередного номера «Дня». Весьма вероятно, что в разговорах двух писателей фигурировало имя Н. С. Соханской. В записной книжке Достоевского 1863–1864 годов есть подтверждение этой гипотезе – заметка, предваряемая словом «*Кохановской*»: «Мы многому научились, что бранить на Руси, и иногда бранимся дельно. Но мы совершенно не знаем и не умеем до сих пор, что хвалить на Руси, за что, впрочем,

и нас похвалить не следует» [6, Т. 28: 178][6]. Можно предположить, что эта положенная в основу редакционного объявления «Эпохи» запись является отражением бесед с Иваном Аксаковым, размышлявшим о необходимости создания новых типов положительного героя [3: 22]. Правда, в отличие от славянофильского публициста, не надеявшегося на возможность их скорого появления, Достоевский, не откладывая дела в долгий ящик, разрешил вопрос о положительном отношении к жизни в образе князя Мышкина.

Если почвенники в «Эпохе» стали более уважительно отзываться о «московском направлении», то со стороны славянофилов не было видно ответных движений. Они подчеркнуто не замечали новый кружок. В начале 1864 года на страницах «Дня» печатается повесть Кохановской «Рой-Феодосий Савич на спокое». Следом идут статьи Н. М. Павлова[7], в которых вновь выражается славянофильский взгляд на творчество этой писательницы. Павлов не упоминает публикацию в почвенническом журнале и трактует повесть в чисто славянофильском духе. Выступление Павлова представляется попыткой восстановить своего рода монополию на творчество Кохановской, что подтверждает нежелание автора прислушиваться к каким-либо новым мыслям (высказанным теми же почвенниками, например), будто о Кохановской не говорилось ничего дельного с 1859 года, когда вышла статья Гилярова[8]. «Новое произведение Кохановской, – отмечает Павлов, – бесспорно характернейшее из ее произведений» и вместе с тем «наиболее подходит по своему содержанию к газете *День*» [9: 15–16]. Современную русскую литературу Павлов оценивает в стиле К. Аксакова: «Художественных повестей, вообще говоря, нет. Наша, так называемая, изящная словесность сошла вся на роман-фельётон, или даже просто на фельётон» [9: 16]. С особенным осуждением Павлов пишет об «отрицательном направлении» литературы, выражавшемся в изображении «лишних людей» и холодности «по отношению к идеалам Русской жизни», подчеркивая, что двигаться в этом направлении значит «идти назад». Последней фазой «отрицательного направления» Павлов называет нигилизм, о чем тогда в «Эпохе» как раз говорил Страхов. И вот важная точка соприкосновения: место литературы в современной общественной ситуации расценивается славянофилами и почвенниками похоже – глубокое познание русской жизни, ее истории, традиций с предпочтительным изображением светлых сторон. Это не всех устраивало – и в творчестве Кохановской в том числе. Салтыков-Щедрин в «Современнике» (1863. № 9) с сожалением писал о том, что Кохановская проповедует смирение, «согласие с действительностью», когда бы нужно было, наоборот, развивать протестные настроения и поднимать народные «массы» (дескать, те же бы силы – да в верное русло). «Это просто поголовное обвинение всего, что имеет силу или смелость протестовать, – определял Щедрин “теорию” Кохановской, – и сугубое поголовное оправдание всего, что хотя тоже чувствует себя утесненным, но имеет силу и смелость покоряться» [14: 369]. Смысл отрицания, говорит Щедрин, в том, чтобы расчистить дорогу для новой работы, какой – нетрудно догадаться. «Наша роль – роль пропагандистов», – поясняет свою позицию рецензент «Современника» и предлагает «продолжать работу автора, перенести ее в другую сферу и сделать те выводы, которые сами собой из нее извлекаются» [14: 375, 382].

Славянофилы, конечно, вкладывали в повести Кохановской другой смысл. Произведения Кохановской, как и книги С. Т. Аксакова, стоят «на рубеже» «отрицательного направления» литературы, открывая путь положительному, а в идеале настоящему эпическому воспроизведению русской жизни, чему несколько мешает слишком уж страстное отношение харьковской писательницы к выводимым ею характерам. Почвенники, напомню, вводили в этот круг Пушкина и Островского, чего не допускали тогда ни Аксаков, ни Гиляров, ни Павлов.

Что же касается самой Кохановской, то она получила приглашение участвовать в почвеннических журналах, которым так и не воспользовалась. Очевидно, свой поступок писательница обсуждала с И. Аксаковым, лучше ориентировавшимся в литературной ситуации тех лет. Редактор «Дня» стремился, чтобы произведения Кохановской печатались на страницах его газеты, отчасти поэтому он с излишней взыскательностью оценивает конкурирующее издание: «В *Эпохе* вам участвовать еще можно ради ее покаянного тона и благонамеренности, хотя она совершенно бессильна и как-то жалка. Я не думаю, чтоб журнал пошел хорошо – потому, что в редакции есть добросовестность и некоторый нравственный элемент, а с другой стороны – мало таланта публицистического и смелости» [12, Т. 47: 6]. Ответное письмо Соханской, прочитавшей сентябрьскую и октябрьскую книжки «Эпохи» за 1864 год, полно возмущения по поводу «нравственной нечистоты и омерзительной распущенности», которые, по мнению писательницы, нанесли отпечаток на публикации журнала [12, Т. 47: 8]. И. Аксаков подтвердил впечатления корреспондентки: «Понимаю все ваше негодование и слышу всю здоровую его силу. Это еще что, *Эпоха*. А вот прочтите-ка за эти же месяцы *Современник* и *Русское Слово*. Просто делается какое-то физическое ощущение тошноты, точно чего-то скверного наелся» [12, Т. 47: 8–9].

Как бы ни разводила жизнь участников этого диалога и Достоевского, их пути нередко пересекались. В 1871 году Кохановская опубликовала свою комедию в журнале «Заря»[9], где незадолго

до этого появился «Вечный муж» Достоевского. Правда, творческой эволюцией писательницы Достоевский не был доволен («аллилуя с маслом»; [5, Т. 28/2: 323]), продолжая все же следить за ее новыми сочинениями. Имя Кохановской стало своеобразным звеном в отношениях почвенничества и славянофильства, не всегда гладких, но продуктивных для развития русской литературы. Последнее слово в этом вопросе осталось за И. Аксаковым, который так охарактеризовал в 1884 году Кохановскую и статью о ней во «Времени»: «Русская критика недостаточно оценила сочинения Кохановской. Этому виною не писательница, а сама критика. Уже в журнале Достоевского “Время” было обращено на это внимание в замечательной статье под заглавием “Явления, пропущенные нашею критикою”» [1: 13]. Упомянут близкий Ивану Аксакову Достоевский, а статья, столь возмущавшая когда-то славянофильского публициста, названа «замечательной».

* Статья подготовлена в рамках проекта «Современные аспекты изучения истории и поэтики русской литературы» Программы стратегического развития на 2012–2016 гг. «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кроме, разумеется, известной работы Страхова «Роковой вопрос» (Время. 1863. № 4), обратившей на себя внимание не только И. Аксакова.

[2] См. [5].

[3] «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» (1861 год), «Рой-Феодосий Савич на спокое» (1864 год).

[4] В. С. Нечаева предположила, что критику написал М. Ф. Де Пуле [11: 240, 263]. Статьи под общим заглавием «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» писал во «Времени» Ап. Григорьев. В петрозаводском Полном собрании сочинений Достоевского эта статья атрибутирована писателю и включена в состав пятого тома [7; 704–709].

[5] Автором этой статьи о С. Т. Аксакове был М. Н. Лонгинов. Однако вызвавший возражения «Времени» небольшой обзор критических отзывов о произведениях Аксакова следует уже после инициалов Лонгинова и не сопровождается какой-либо подписью. См. [9].

[6] «Запись, – отмечает Г. М. Фридлендер, – скорее всего сделана Достоевским еще в Москве, когда он, по просьбе брата, работал над полемической статьей для первых книг “Эпохи”» [6, Т. 28: 400].

[7] Николай Михайлович Павлов (1835–1906) – публицист и литературный критик, автор художественных произведений и исторических трудов. См. [13]. В письме к Гилярову И. Аксаков так писал о своем сотруднике, использовавшем псевдоним «Бицын»: «…Бицын – это Никол. Мих. Павлов, сын знаменитого некогда Профессора Мих. Григор. Павлова, в пансионе которого воспитывался М. Н. Катков. Он (Павлов. – *Д. К.*) был крестник моего отца… Он даровит и обратил на себя внимание по выходе из Университета покойного брата, который побудил его заняться русской историей» [2: 2].

[8] Единственное, в чем автор соглашается с другими критиками, это оценка «Семейной хроники» как нового слова в русской литературе, причем имеются в виду, скорее всего, те же статьи «Русской беседы», принадлежащие Гилярову-Платонову и С. П. Шевыреву.

[9] «Слава Богу, что муж лапоть сплел» (Заря. 1871. № 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <Аксаков И. С.> Н. С. Соханская (Кохановская) // Русь. 1884. 15 декабря. № 24. С. 12–13.
2. Аксаков И. С. Письмо Н. П. Гилярову-Платонову от 16 марта 1885 г. // РНБ. 847. Ед. хр. 581. Л. 2–3об. Машинописная копия.
3. Аксаков И. С. Письмо Ю. Ф. Самарину от 6–8 марта 1861 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 19–22.
4. Викторович В. А. Кохановская Надежда Степановна // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 112–113.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. 5. 926 с.
7. И. С. Аксаков – Н. Н. Страхов. Переписка / Slavic Research Group at the University of Ottawa, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.; Оттава, 2007. 192 с.
8. Лонгинов М. Н. Аксаков Сергей Тимофеевич // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб.: В типографии И. И. Глазунова и Комп., 1861. Т. II. С. 391–392.
9. Н. Б. <Павлов Н. М.> Письма к редактору *Дня* по поводу последней повести г-жи Кохановской // День. 1864. 6 июня. № 23. С. 15–18.
10. Н. Г-въ <Гиляров-Платонов Н. П.> О новой повести г-жи Кохановской «Из провинциальной галереи портретов» // Русская беседа. 1859. Т. 3. Смесь. С. 65–86.
11. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864−1865). М.: Наука, 1975. 302 с.
12. Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской // Русское обозрение. 1897. Т. 43, 44, 47.
13. Подмарькова М. В., Александров С. М. Павлов Николай Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 487–488.
14. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. 711 с.
15. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести // Время. 1861. № 9. Сентябрь. Критическое обозрение. С. 20–33.

Kunil'skiy D. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KOHANOVSKAYA'S NAME IN POLEMICS OF POCHVENNIKS AND SLAVOPHILS

The history of relationship between two close literary circles of Slavophils and Pochvennics is studied in the article. The similarity and differences between these ideological directions are exemplified through one important episode, which is associated with references to the works executed by N. S. Sohanskaya (Kohanovskaya). The main representative of Slavophils S. Aksakov criticized "*Vremya*", a periodical of brothers Dostoevsky, for its anonymous article "On the phenomenon of contemporary literature ignored by our critics. Mrs. Kohanovskaya and her novelettes". This article repeated many of the Slavophils' ideas but did not include any references to the reviews of Kohanovskaya's works, which were published earlier in the Slavophils' periodical "*Russkaya Beseda*". One publication written by an anonymous author is compared to the article of N. P. Gilyarov-Platonov, who was close to Slavophils. His work was titled "On the new narrative written by Mrs. Kohanovskaya ″From a provincial gallery of portraits″". Both articles pointed to the similarity of the works written by Kohanovskaya to the oeuvre of S. T. Aksakov and underlined their positive penchant. Besides, one of the journalists from the periodical "*Vremya*" criticized an article about S. T. Aksakov in the "Encyclopedic dictionary composed by the Russian scientists and literary men" (St. Petersburg, 1861). N. M. Pavlov's article about Kohanovskaya appeared in Aksakov's newspaper "Den". Pavlov, in his turn, did not respond to the publication in the periodical "*Vremya*", albite the similarity in positions of Slavophils and Pochvennic. This similarity becomes evident upon reading the article written by Saltykov-Shchedrin. Later, I. S. Aksakov in his obituary on the death of Kohanovskaya reminisced about "a remarkable article" written in her honor and published in Dostoevsky's periodical "*Vremya*".

Key words: Kohanovskaya, Pochvennics, Slavophils, polemics, criticism

REFERENCES

1. <Aksakov I. S.> N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya) [N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)]. *Rus'*. 1884. № 22. P. 12–13.
2. Aksakov I. S. The letter to N. P. Gilyarov-Platonov, March 16, 1885 [Pis'mo N. P. Gilyarovu-Platonovu ot 16 marta 1885 g.]. *RNB*. 847. Ed. khr. 581. L. 2–3ob.
3. Aksakov I. S. The letter to Yu. F. Samarin, March 6–8, 1861 [Pis'mo k Yu. F. Samarinu ot 6–8 marta 1861]. *IRLI*. F. 3. Op. 2. Ed. khr. 48. L. 19–22.
4. Viktorovich V. A. Kokhanovskaya Nadezhda Stepanovna [Kokhanovskaya Nadezhda Stepanovna]. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994. Vol. 3. P. 112–113.
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works in Thirty Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty* [Complete Works: Canonical texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004. Vol. 5. 926 p.
7. *Ivan Aksakov – Nikolay Strakhov. Perepiska* [Ivan Aksakov – Nikolay Strakhov. Correspondence] / Slavic Research Group at the University of Ottawa, Gorky Institute of World Literature (IMLI), Russian Academy of Sciences (Moscow). Moscow; Ottawa, 2007. 192 p.
8. Longinov M. N. Aksakov Sergey Timofeevich [Aksakov Sergey Timofeevich]. *Entsyklopedicheskiy slovar', sostavlennyy russkimi uchenymi i literatorami* [Encyclopedic dictionary composed by the Russian scientists and literary men]. St. Petersburg, I. I. Glazunov's and Company's Publ., 1861. Vol. II. P. 391–392.
9. N. B. <Pavlov N. M.> The letters to the editor of "*Den'*" about the last Mrs. Kohanovskaya's novelette [Pis'ma k redaktoru "Dnya" po povodu posledney povesti g-zhi Kokhanovskoy]. *Den'*. 1864. 6 iyunya. № 23. P. 15–18.
10. N. G-v <Gilyarov-Platonov N. P.> About new Mrs. Kohanovskaya's novelette "From a provincial gallery of portraits" [O novoy povesti g-zhi Kokhanovskoy "Iz provintsial'noy galerei portretov"]. *Russkaya Beseda*. 1859. Vol. 3. Smes'. P. 65–86.
11. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha" (1864–1865)* [The periodical "Epokha" of M. M. and F. M. Dostoevsky (1864–1865)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p.
12. The correspondence of Aksakov and N. S. Sokhanskaya [Perepiska Aksakovykh i N. S. Sokhanskoy]. *Russkoe obozrenie*. 1897. Vol. 43, 44, 47.
13. Podmar'kova M. V., Aleksandrov S. M. Pavlov Nikolay Mikhaylovich [Pavlov Nikolay Mikhaylovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999. Vol. 4. P. 487–488.
14. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: V 20 t.* [Works in Twenty Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. Vol. 5. 711 p.
15. On the phenomenon of contemporary literature ignored by our critics. Mrs. Kohanovskaya and her novelettes [Yavleniya sovremennoy literatury, propushchennye nashey kritikoy. G-zha Kokhanovskaya i ee povesti]. *Vremya*. 1861. № 9. September. Kriticheskoe obozrenie. P. 20–33.

Поступила в редакцию 07.09.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 74–77 **Филологические науки** **2016**

УДК 82-1/-9

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА САФРОН
кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
00inane@gmail.com

ПОВЕСТЬ «ЗАПИСКИ ДОМОВОГО» О. И. СЕНКОВСКОГО: В ПОИСКАХ ИСТОКОВ ГОРОДСКОЙ ФЭНТЕЗИ

В поисках истоков жанра городской фэнтези автор статьи обращается к русской литературе XIX века. Объектом анализа становится повесть О. И. Сенковского «Записки домового» (1835). Выделены такие признаки жанра, как концентрация действий в контексте городского пространства, выведение на передний план темы смерти и персонажей загробного мира, сосредоточение внимания на внутреннем мире главного героя и его душевных переживаниях, использование онирических мотивов. В тексте фигурируют фольклорные персонажи – черти, домовой, покойники. Поэтика данной повести, в силу ее жанровой обусловленности, изображает представителей мира сверхъестественного неизмеримо сильнее человека, и, даже если смертный одерживает над ними верх в конкретной ситуации, эта победа носит лишь временный характер. Сатирическая ориентированность произведения и обращение к традиционной народной смеховой культуре позволяют говорить о том, что повесть обладает также и чертами юмористической фэнтези.

Ключевые слова: городская фэнтези, онирический мотив, ужасное, смерть, кладбище, черт, смех

Сегодня большая часть населения Земли концентрируется в городах и мегаполисах. Урбанистическая ориентированность современного общества заставляет и литературу подстраиваться под его нужды, благодаря чему особую популярность набирает городская фэнтези.

Для произведений данного жанра характерно:

– наличие хронотопа, выраженного формулой «здесь и сейчас»: действие разворачивается в современных для писателя реалиях в пределах городского пространства;

– особое акцентирование внимания на теме смерти [10: 17];

– изображение ужасного (традиция, наследованная от европейской готической литературы), которое чаще всего имеет место в темное время суток (сумерки, вечер, ночь), из-за чего герой дезориентирован в пространстве;

– концентрация внимания на внутреннем мире главного героя, когда акцент делается преимущественно на его личных переживаниях;

– наличие онирических мотивов (снов, измененных состояний сознания, галлюцинаций и т. п.) [12: 15].

Однако, несмотря на то что такие российские представители этого жанра, как С. Лукьяненко, В. Панов и О. Дивов, начали свой творческий путь в конце XX века, истоки отечественной городской фэнтези необходимо искать в литературе, относящейся к рубежу XVIII–XIX веков, в которой «появляется новый персонаж – тот самый маленький человек, не стремящийся к подвигам и славе, озабоченный лишь личным благополучием, но по-своему жаждущий романтики чудесного и запредельного» [2: 275]. Такой персонаж фигурирует и в творчестве Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, В. Ф. Одоевского, А. Погорельского. Созданные ими фантастические повести можно отнести к первым самостоятельным произведениям городской фэнтези.

Однако в ряду этих авторов есть те, чьи имена сегодня почти полностью забыты. Среди них оказывается и Осип-Юлиан Иванович Сенковский (1800–1858). В данной статье мы бы хотели обратиться к его повести «Записки домового (рукопись без начала и конца, найденная под голландскою печью во время перестройки)», которая имеет ряд признаков, характерных фэнтезийному жанру.

О. И. Сенковский, выходец из старинного польского рода, в России прославился прежде всего как ученый-ориенталист, а уже потом как переводчик, публицист и писатель-сатирик. Повесть «Записки домового» была напечатана в 1835 году в журнале «Библиотека для чтения», редактором которого и был сам автор. Она была подписана псевдонимом Барон Брамбеус – литературной маской, ставшей для писателя «отправной точкой в моделировании особой игровой художественной реальности» [10]. В «Записках домового» О. И. Сенковский в сатирической форме высмеивает современные ему научные теории. Однако нас в первую очередь интересует не сатирический пласт произведения, а особенности его фэнтезийной природы.

«Записки домового» начинаются с события, которое логически должно бы было фигурировать в конце повествования, – со смерти главного героя, Ивана Ивановича, которую он сам сравнивает со сном: «Наконец, сон преодолел

© Сафрон Е. А., 2016

меня – меня, то есть мой мозг, все, что от меня осталось в живых, – и я уснул самым крепким и роскошным сном, какого никогда еще не испытывал в жизни. Это была смерть» (369)[1].

Использование специфического онирического мотива, где сон приравнивается к смерти, освобождает писателя от обязанности следовать реалистическому принципу повествования и позволяет описывать те приключения героя, которые в иной ситуации были бы невозможны, – приключения, происходящие в загробной жизни. Так О. И. Сенковскому удается стереть границы между реальностью и потусторонним миром и населить пространство повести фантастическими персонажами: «чертом журналистики» (372) Бубантесом, домовым Чуркой и покойниками. Имя героя говорящее: оно отсылает нас к фольклорному образу Ивана-дурака (особо подчеркнем, что Бубантес постоянно обвиняет героя в глупости и простоте: «Здешние мертвецы набитые невежды» (384), «этот мертвец ничего не понимает» (386)). Наивность Ивана Ивановича носит сказочный характер («“придуривание” героя способствует предельному обнажению порока в окружающем его микромире зла и облегчает конечную победу над ним» [7: 17]): по сюжету повести Иван Иванович обретает новую, соответствующую его статусу покойника любовь, а черт Фифи-коко, глава супружеского ведомства, бодает Бубантеса в бок и вынуждает его с позором бежать во Францию.

Город, в котором живут герои О. И. Сенковского, никак не обозначен. Можно предположить, что подчеркнутая «анонимность» топоса, где обитают мертвецы и домовой, позволяет автору в шуточной форме изобразить всю Россию как место концентрации сверхъестественных сил: описанный инцидент мог происходить в *любом* городе страны.

Изображаемые писателем события происходят в двух локусах: в доме Ивана Ивановича, где обитают живые, и на кладбище, то есть в доме мертвецов, граница между которыми становится прозрачной именно благодаря фигуре черта Бубантеса. Кладбище выписано автором с соблюдением традиций народной смеховой культуры – это мир «кромешный, изнаночный», в котором, по словам Д. С. Лихачева, «перевертываются все отношения, все предметы» [5: 360]. В качестве иллюстрации можно упомянуть разговор героев о двух влюбленных друг в друга покойниках: «Любопытно было бы знать ход этого кладбищенского романа.

– Что тут любопытного? <…> Лягут в могилу, да и будут целоваться» (397).

Основное действие повести происходит ночью, причина этого кроется в природе изображаемых О. И. Сенковским персонажей: сущность представителей «иного» мира противна Богу и созданному им миру людей, не выносит дневного света:

Черт Бубантес: «Поди ты так, дня через три, на кладбище да узнай, что там делается <…> я сам пошел бы! <…> Ты понимаешь, что это не по лености…

Домовой Чурка: – А потому, подхватил я, смеясь его уверткам, – что там много крестов» (397);

«Он потащил меня к столику и напомнил мертвецам, что скоро начнет светать. Они торопливо вскочили со стульев и простились с нами» (396).

Вместе с тем вышеперечисленные герои уверены в своем превосходстве: «У людей нет толку ни на копейку», «Люди – большие ослы» (400).

Данные цитаты демонстрируют принцип расстановки сил, традиционно изображаемый в городской фэнтези: представители мира сверхъестественного оказываются сильнее человека, и, даже если смертный одерживает над ними верх в конкретной ситуации, автор произведения подчеркивает, что эта победа носит лишь временный характер.

О. И. Сенковский создает атмосферу «ужасного» благодаря введению в текст фольклорных легенд и поверий о мертвых [6: 168–169]: упоминается «привычка» покойников «просиживать по целым ночам в спальнях, подле прежних своих возлюбленных, и потихоньку прикладывать свои холодные поцелуи к их горячим спящим устам» (379–380), а также свойство сохранять прижизненные пристрастия и после кончины: «Вы позволите мне сидеть здесь <…> это мое любимое место <…> Мертвец погрузился в красные вольтеровские кресла» (375) и далее: «Старуха при жизни страх любила бостон. Я думаю, что бостон тоже остается в костях!» (389).

Кроме того, еще один персонаж из мира усопших, Акулина Викентьевна, в одном из эпизодов признается, что «отправилась со скуки в город с намерением ущипнуть бывшую свою горничную, которая спала в доме недалеко отсюда» (389).

Иван Иванович и Акулина Викентьевна предстают перед читателями в виде не бесплотных духов, а скелетов. Гипертрофированная «телесность» персонажей вписывается в концепцию смехового мира, создаваемого писателем: согласно традиционным народным верованиям, душа покидает тело после смерти (только если речь не идет о заложном покойнике, то есть «умершем преждевременно неестественной смертью» [4: 19], а из текста повести известно, что, по крайней мере, один герой – Иван Иванович – умирает после продолжительной болезни), однако у О. И. Сенковского душа Ивана Ивановича продолжает жить в том, что остается после гниения плоти, – в костном остове.

Выскажем предположение, что в связи с этим образом автор предлагает и новый загробный канон красоты: «большой – кости толстые и белые, как снег – ни одного изломанного ребра – осанка благородная и приветливая» (393) – в противовес

облику возлюбленной покойного: «желтом, перегнившем, изувеченном, одноногом остове этой бабы» (393); «Когда она говорила или, точнее, ревела, ее челюсти раздвигались так широко, как у крокодила, и смыкались так быстро, как ножницы в руке портного, производя при каждом слове страшное хлопанье костями <…> Ужаснее и отвратительнее этого я [домовой Чурка] ничего не запомню по нашему сверхъестественному миру» (391).

Знакомство будущих влюбленных происходит на городском кладбище: когда гроб Ивана Ивановича разваливается от старости, его соседка Акулина Викентьевна начинает «толкать его, бранить, щипать, кусать и говорить, что он мешает ей лежать спокойно, что он стеснил ее обиталище» (378). С позиции славянских верований такая «ссора» вполне закономерна: наши предки были убеждены в том, что в первую же ночь после похорон ранее ушедшие на тот свет мертвецы начинают гнать новичка из его могилы, а он, в свою очередь, должен отстоять свои права на это место [6: 169].

Фэнтезийная поэтика повести определяется также и ее игровой природой: мертвецы и живые люди напоминают марионеток, действия которых подчиняются действию животного магнетизма, «поляризации» (387) и прихотям нечистой силы, а в первую очередь, черта Бубантеса, который напоминает Петрушку из кукольной комедии [11]. Для него остальные персонажи – «не личности, а вещи, которые следует изломать и заглянуть внутрь» [3]: «Тут нужно подбавить сильных ощущений, великих чувствований, больших несчастий: тогда только можно будет смеяться. Надобно, во-первых, чтобы какой-то благородный юноша влюбился в твою [домового Чурки] вдову. <…> А между тем не худо было бы возбудить ревность в жене Аграфова. Это необходимо для занимательности» (405). Корни подобного образа нужно искать в мифологической фигуре трикстера, антагониста и alter ego культурного героя-добытчика, чьи поступки часто интерпретируются как пародия на действия последнего.

Акцентирование внимания на семейных ценностях, традиционно свойственное по преимуществу всем жанровым разновидностям фэнтези [1], реализуется О. И. Сенковским благодаря Бубантесу, который восстанавливает мир между покойниками. В связи с этим считаем уместным вслед за Е. М. Нееловым говорить о том, что данная повесть как носитель фэнтезийной традиции реализует особую концепцию семейственности [9: 161–162], характерной для фольклорной волшебной сказки, в которой понятия «мир» и «семья» взаимообусловлены.

Подводя итоги, подчеркнем, что реализация принципов фэнтезийной поэтики позволяет признать за О. И. Сенковским право считаться одним из основателей этого жанра в России. Несмотря на то, что образ города как таковой в тексте анализируемой повести не фигурирует, «Записки домового» обладают всеми чертами, свойственными городской фэнтези. Сатирическое изображение современных писателю научных теорий, использование элементов народного площадного театра, комическое изображение покойников и традиционных обитателей ада позволяют говорить о том, что данная повесть обладает также и чертами юмористической фэнтези [8], когда «смешное» в тексте компенсирует уровень концентрации «ужасного».

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Сенковский О. И. Записки домового // Белое привидение: Русская готика. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 316–407. Здесь и далее цитируется по данному источнику с указанием страницы в скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Ю. Р. К вопросу о написании славянской фэнтези [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/b/belowa_j_r/slavjandoc.shtml (дата обращения 7.02.2011).
2. Гончаров В., Мазова Н. Мифология мегаполисов // Если. 2004. № 9. С. 275–286.
3. Греф А. Homo Primîtivus. Петрушка как феномен примитивного сознания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booth.ru/petrushka/articles/gref_homoprim.shtml (дата обращения 2.08.2015).
4. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М.: Индрик, 1999. 352 с.
5. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси // Избранные работы: В 3 т. Л.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 343–417.
6. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 52 с.
7. Лупанова И. П. Иванушка-дурачок в русской литературной сказке XIX века // Русская литература и фольклорная традиция: Сб. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983. С. 16–36.
8. Невский Б. Жанры. Юмористическая фантастика. Эта веселая планета. Комическая фантастика // Мир фантастики. 2006. Июль. № 35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.mirf.ru/Articles/print1383.htm (дата обращения 3.02.2016).
9. Неёлов Е. М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. трудов / Редкол.: В. Н. Захаров и [др.]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 149–162.
10. Тозыякова Е. А. Традиции народной городской зрелищной культуры в «Фантастических путешествиях барона Брамбеуса» О. И. Сенковского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-narodnoy-gorodskoy-zrelischnoy-kultury-v-fantasticheskih-puteshestviyah-barona-brambeusa-o-i-senkovskogo (дата обращения 23.07.2015).
11. Уваров М. С. Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 252 с.

12. Ш а р а п е н к о в а Н. Г. Роман «Москва» Андрея Белого: от Хаоса к Космосу: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 158 с.

Safron E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

O. I. SENKOVSKY'S NOVEL "BROWNIE'S NOTES": IN SEARCH OF THE URBAN FANTASY ROOTS

In search of the origin of urban fantasy the author refers to the Russian literature of the XIX century. The object of our analysis is the novel "Brownie's Notes" (1835) written by O. I. Senkovsky. The following features of the genre were highlighted: concentration of actions in the context of urban space, reflection on the theme of death and underworld characters, centralization on the inner world of the protagonist and his spiritual experience, employment of oneiric motives. Different folklore characters appear in the text – devils, brownies, the dead. Poetics of the novel, by virtue of its genre rules, shows that representatives of the supernatural world are immeasurably stronger than human beings. Even when human beings defeat them in a particular situation, this victory is temporary. Satirical orientation of the novel and its adherence to the culturally traditional folk humor show that by genre the story can be also characterized as humorous fantasy.

Key words: urban fantasy, oneiric motive, horrible, death, cemetery, hell, laugh

REFERENCES

1. B e l o v a Y u . R . *K voprosu o napisanii slavyanskoy fentezi* [To the Question about Writing Slavic Fantasy]. Available at: http://zhurnal.lib.ru/b/belowa_j_r/slavjandoc.shtml (accessed 7.02.2011).
2. G o n c h a r o v V., M a z o v a N. Megapolis mythology [Mifologiya megapolisov]. *Esli*. 2004. № 9. P. 275–286.
3. G r e f A. *Homo Primîtivus. Petrushka kak fenomen primitivnogo soznaniya* [Harlequin as a phenomenon of primitive consciousness]. Available at: http://www.booth.ru/petrushka/articles/gref_homoprim.shtml (accessed 2.08.2015).
4. Z e l e n i n D. K. *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture. 1917–1934* [Selected works. Articles on spiritual culture. 1917–1934]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 352 p.
5. L i k h a c h e v D. S. Laughter in the Ancient Russ [Smekh v Drevney Rusi]. *Izbrannye raboty: V 3 t.* Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Vol. 2. P. 343–417.
6. L e v k i e v s k a y a E. E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian Nation]. Moscow, OOO "Izdatel'stvo "Astrel'", OOO "Izdatel'stvo AST" Publ., 2002. 52 p.
7. L u p a n o v a I. P. Ivan the Fool in Russian Literary Fairy tale of the XIX century [Ivanushka-durachok v russkoy literaturnoy skazke XIX veka]. *Russkaya literatura i fol'klornaya traditsiya*. Volgograd, Serafimovich's VGPI Publ., 1983. P. 16–36.
8. N e v s k i y B. Genres. Humorous Fiction. This Cheerful Planet. Comic Fiction [Zhanry. Yumoristicheskaya fantastika. Eta veselaya planeta. Komicheskaya fantastika]. *Mir fantastiki*. 2006. July. № 35. Available at: http://old.mirf.ru/Articles/print1383.htm (accessed 3.02.2016).
9. N e e l o v E. M. About the genre's content of "The Tale of Tsar Saltan" by A. S. Pushkin [O zhanrovom soderzhanii "Skazki o tsare Saltane" A. S. Pushkina]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sb. nauch. trudov*. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2001. P. 149–162.
10. T o z y y a k o v a E. A. *Traditsii narodnoy gorodskoy zrelishchnoy kul'tury v "Fantasticheskikh puteshestviyakh barona Brambeusa" O. I. Senkovskogo* [The Tradition of Folk Culture in the Urban Entertainment in "The Fantastic Journey of Baron Brambeus" by O. I Senkovsky]. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-narodnoy-gorodskoy-azrelischnoy-kultury-v-fantasticheskih-puteshestviyah-barona-brambeusa-o-i-senkovskogo (accessed 23.07.2015).
11. U v a r o v M. S. *Poetika Peterburga: ocherki po filosofii kul'tury* [Poetics of Petersburg: Essays on the Philosophy of Culture]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2011. 252 p.
12. S h a r a p e n k o v a N. G. *Roman "Moskva" Andreya Belogo: ot Khaosa k Kosmosu: Monografiya* [The novel "Moscow" by Andrey Bely, from Chaos to Cosmos: The Monograph]. St. Petersburg, RSPU Publ., 2012. 158 p.

Поступила в редакцию 15.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 78–82 **Филологические науки** **2016**

УДК 821.161.1.09“19”-31

ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА АГАПИТОВА
старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ithaelin@mail.ru

ДВЕ РЕДАКЦИИ РОМАНА И. А. ЕФРЕМОВА «ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ»

У романа известного советского писателя И. А. Ефремова «Лезвие бритвы» было две редакции: 1963 и 1964 годов. Причем большинство последующих изданий, включая оба собрания сочинений (1988 и 1992 годов), ориентируются на издание 1964 года. Статья посвящена сравнению этих редакций, выявлению и систематизации разночтений. Всего было найдено 153 пункта. Самые незначительные изменения затрагивают только орфографию и пунктуацию. Самые интересные включают в себя цензурные купюры, связанные с отношениями полов, упоминанием сталинских репрессий, сведений о вооружении и химических препаратах. На основе анализа произведенных в тексте изменений выделено 12 групп, включая незамеченную опечатку, появившуюся во второй редакции. Приводятся эти группы, дается краткий анализ примеров авторской и редакторской правки, а также возможных мотивов, которые вызвали эти изменения.

Ключевые слова: Иван Ефремов, «Лезвие бритвы», цензура, две редакции романа, авторская правка текста

Иван Антонович Ефремов известен нам не только как автор фантастических произведений о далеком космосе и счастливом будущем человечества, но и как создатель философско-приключенческой эпопеи «Лезвие бритвы». Этот роман является центральным произведением писателя и любимым его детищем, аккумулировавшим в себе фактически все идеи, над которыми И. А. Ефремов раздумывал многие десятилетия. По крайней мере, в письме к И. И. Пузанову от 1 июля 1951 года Ефремов предлагает своему другу побеседовать на почти все темы, получившие развитие в последующие 20 лет творчества писателя [4: 120]. При этом надо учитывать, что к моменту написания этого письма не существовало не только «Лезвия бритвы», но и «Туманности Андромеды», а самого Ефремова знали пока как автора «Рассказов о необыкновенном». «Лезвие бритвы» важно для всех, обращающих внимание на творчество И. А. Ефремова, еще и тем, что в этом романе писатель воплотил свою мечту поднять интересующие его философские вопросы, пусть и в беллетризованной форме. Об этом его желании нам известно из черновиков «небольшой повести», которая в итоге выросла в самый объемный роман писателя, и из воспоминаний Б. Н. Стругацкого, где он приводит высказывание И. А. Ефремова о том, что написать ему больше всего хочется не очередной роман, а философский трактат в манере каких-нибудь древнегреческих «Диалогов» [5]. К сожалению, за полвека, прошедшие с момента выхода в свет «Лезвия бритвы», обстоятельного литературоведческого исследования так и не появилось [1: 443–444]. Мы попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел.

И. А. Ефремов всегда тщательно и скрупулезно работал над своими произведениями, старательно собирал фактический материал, редактировал его, если становились известны новые сведения. Поэтому очень интересно пронаблюдать такие изменения на прижизненных редакциях его романов. Нам известно, что роман «Лезвие бритвы» претерпел две авторские редакции: 1-е издание 1963 года во многих случаях принципиально отличается от 2-го издания 1964 года и последующих, которые, за редчайшими исключениями, воспроизводят издание 1964 года. К сожалению, издание 1963 года фактически недоступно, поэтому для сравнения редакций мы будем пользоваться изданием 1984 года Азербайджанского государственного издательства г. Баку, которое, одно из немногих, напечатано по изданию 1963, а не 1964 года [2], при этом в примерах правки страницы будут указаны по стандартному собранию сочинений [3], а курсивом для удобства восприятия выделены разночтения.

Всего нами были обнаружены 153 расхождения. При этом некоторые изменения носят откровенно цензурный характер, другие – стилистический или уточняюще-фактический, а третьи, наиболее для нас интересные, влияют на понимание текста, создают или убирают дополнительные оттенки смысла. К сожалению, далеко не всегда можно с уверенностью сказать, какие именно изменения были сделаны самим автором по своим внутренним соображениям, а какие поправки внесли редакторы в угоду внешней цензуре, а писатель с ними лишь согласился. Однако, зная точность и кропотливость работы И. А. Ефремова над своими произведениями, имея на руках многочисленные письменные свидетельства его споров с корректорами, можно с уверенностью сказать, что все исправления во второй редакции были согласованы с автором.

© Агапитова Е. К., 2016

Наша задача – понять причину, вызвавшую конкретные изменения текста.

Все найденные изменения можно разделить на несколько групп:

1. Орфографические и пунктуационные изменения, не влияющие на смысл высказывания: характерный пример – С. 54, где название племени «орочёны» изменено на «орочоны».

2. Орфографические и пунктуационные изменения, не влияющие на идею, но могущие уточнять фактический смысл высказывания или незначительно улучшать его стиль: характерный пример – С. 10, где название «гипсоселенит» изменено на «гипс-селенит», что является более правильным, так как минерал селенит есть, в сущности, разновидность гипса, но при других условиях залегания, или С. 556, где «многоталанны» заменено на «многоталантливы».

3. Авторские (вероятнее всего) лексические замены или использование синонимически близких форм и конструкций, несколько усиливающих или ослабляющих первоначальное значение: яркий пример – С. 294, где словосочетание «красивый старый дом» изменено на «интересный старый дом», поскольку прилагательное «интересный» несет более объективное значение, чем субъективно-оценочное «красивый».

4. Авторские лексические замены, исправляющие и уточняющие первоначальное высказывание, но не влияющие на идею: характерный пример – С. 308, где «индийские земли» исправлены на «аравийские», что соответствует исторической действительности, или С. 361, где храм «Кали» исправлен на храм «Деви Ягадамба», или С. 468, где «Громовая птица» (дословный перевод английского «сандерберд» – одной из моделей Форда) исправлен на «Буревестник» (исторически сложившееся в русской традиции название этой модели).

5. Авторские лексические замены, исправляющие и уточняющие в том числе и идейный смысл первоначального высказывания: на С. 451 изменены параметры фигуры Симы (с 39–22–43 дюйма на 40–24–46), что делает ее более мощной и объемной, а на С. 546 автор меняет имя бывшего мужа Симы с Петра на Георгий – можно предположить, что для характеристики малодушного поступка этого персонажа потребовалось более «мягкое» имя, и «камень» превратился в «земледельца».

6. Незначительные авторские дополнения или сокращения, улучшающие стилистику высказывания или добавляющие детали и оттенки смысла: яркий пример – С. 11, где к фразе «послышалось шуршание шелка» добавлено «повеяло духами “Грезы”», что создает более емкий образ прошедшей женщины и согласуется с утверждением, высказанным далее в тексте романа, что «запах духов неизменно сообщает о приближении европейской женщины», или комментарий к упоминанию острова Тера на С. 98, «который сейчас ученые считают центром Атлантиды».

7. Цензурное уничтожение всех упоминаний о культе личности, политике и судьбе людей в период репрессий, статистических данных, сведений о вооружении и химических препаратах, возможной негативной экспрессивной оценки современности: характерные примеры – С. 47 с купированием фразы «Теперь не те времена. Не тридцать седьмой и не сорок седьмой, а шестьдесят первый год» до «теперь не те времена»; С. 153, где фраза «в период культа личности все это было под запретом» заменена на «довольно длительное время»; С. 562, где четкое указание «шесть 120-миллиметровых пушек» заменено на неопределенное «малокалиберные пушки»; С. 82, где после фразы «этих зонтиков, широко защищающих мозг от всяких потрясений» убрано четкое название препаратов: «ниамида или, если можно достать, мелларила – этот куда как могуч».

8. Цензурное вырезание вопросов отношения полов, фраз с эротическим подтекстом, вопросов пограничных психологических состояний: характерный пример – С. 60, где убран вопрос обнаженности натурщиц в художественных мастерских (см. табл. 1).

9. Достаточно объемные авторские уточняющие включения во второе издание, более подробно описывающие первоначальную идею и содержащие дополнительный фактический материал по рассматриваемому вопросу: характерный пример – С. 70, где первоначальная фраза «Тяжел, староват, долговяз» значительно расширена: «…Ну какой из меня танцор! *Даже смолоду. От предков и родителей костяк мне достался тяжелый. Было на что опираться могучей силе русского землепашца. А у меня пропадает зря, и не могу порхать в танце*». Или уточнение на С. 69, где простое «берет, придавший ей вид *юноши*» был заменен на пространное: «Сима надела пальто и берет, придавший ей *мальчишески независимый вид. Гирин сразу оценил преимущества лица Симы. К такой головке средиземноморского типа, с мелкими, твердыми чертами, большеглазой из-за правильности профиля, гордой шеи и высоко поставленных ушей, с большим расстоянием от них до глаз, пойдет решительно все – любая прическа, любая шляпка, чем и пользуются, например, итальянки...*» Эта группа исправлений – вторая по численности (29 из 153).

10. Объемные авторские добавления, содержащие дополнительные философские идеи или фактические и мифологические сведения, глубже раскрывающие характер героя, его мысль или проводящие связи с другими произведениями писателя: характерный пример – С. 631, где введение дополнительной мифологической составляющей не только проясняет мысль, но и дает «зацепку» на роман «Таис Афинская», где этот миф рассказан подробнее: «Мне кажется, что

Таблица 1

Вопросы отношения полов

Стр.	1-я редакция	2-я редакция	Стр.
53	…И глаз нужен, как у орла*! И еще труд найти модель. Вам невдомёк, а я сразу понял – редкая модель, позировала без трико,* чтобы художник мог увидеть все эти мельчайшие подкожные мускулишки и западинки, которые вам и кажутся живым телом. А для этого надо натуру высшего класса, с таким вот живым телом и кожей. *– А разве обычно позируют в трико? Я совсем не так это себе представлял.* *– Вы, разумеется, судите по картинам, где мастерская скульптора написана как фон для того, чтобы изобразить нагое тело. Был придуман такой приём художниками в защиту от ханжей. А на деле натурщица затянута в трико, как балерина. Скульптору даже легче: поверхность, как говорят, обобщается; впрочем, и скульптура-то современная построена на обобщениях, зачем ей поверхность?* Создать, проявить, собрать красоту человека...	– Тому причин немало! И, конечно, главная в том, что выполнение скульптуры в таком античном стиле – это нещадный, долгий труд. И глаз нужен, как у орла, чтобы художник мог увидеть все эти мельчайшие подкожные мускулишки и западинки, которые вам и кажутся живым телом. А для этого надо натуру высшего класса, с таким вот живым телом и кожей. Создать, проявить, собрать красоту человека...	60
79	Никакие мольбы не тронули ревнивца, он так и не появился больше. *А Надя впала в тяжкое оцепенение. Бедная девушка сидит целыми днями в углу: подруги взяли её в свою старую комнату. Если там никого нет, то она не зажигает света, ничего не ест. Что-то надо сделать, вывести её из этого состояния.* *– Я пробовала и девушки тоже, не удаётся.* Может быть, ты придешь поговорить с ней?	Никакие мольбы не тронули ревнивца, он так и не появился больше. – Может быть, ты придешь поговорить с ней?	92
147	Ничего не понимающий Андреев оглядел смутившуюся Евдокию, которая погрозила брату кулаком и выскочила за дверь. *Заметив на груди Евдокии две аккуратные заплаты, Андреев уразумел смысл слов Селезнева. Твердые как дерево груди быстро протирали материю и у тридцатилетней вдовы и у обеих девчонок, одинаково полных здоровья.*	Ничего не понимающий Андреев оглядел смутившуюся Евдокию, которая погрозила брату кулаком и выскочила за дверь.	176
178	Вы, мужчины, стали так усиленно торговать сексуальной красотой, что практически сделались асексуальными. Тогда вы стали бояться нас, женщин, *из опасения импотентности, особенно эмоциональной. Она, кстати, встречается гораздо чаще, чем мы думаем.*	Вы, мужчины, стали так усиленно торговать сексуальной красотой, что практически сделались асексуальными. Тогда вы стали бояться нас, женщин.	210

в цвете воронова крыла слишком много мрака, а у тебя сквозь черноту проглядывает огонь. *Оттенок огня выдает тебя, и я давно раскрыл твою тайну. – О чем ты говоришь? – воскликнула Сима, почему-то краснея. – По мусульманским легендам, аллах сотворил человека из глины, а пери – из огня. Ты – пери, а я, как черепок, стал тверже и звонче...*» Это же мы можем сказать и о вставленной во 2-ю редакцию легенде о Брахме и Мохини (С. 407–409). Эта группа исправлений – самая многочисленная (34 из 153).

11. Наиболее интересная, но с трудом поддающаяся анализу группа, изменения в которой вызваны в основном чисто литературными причинами и «авторским произволом», причем некоторые пункты мы можем определить достаточно точно, как изменение на С. 170, где «почтенного вида дама – известный археолог» была преобразована в «пожилую стройную даму – известную балерину в прошлом», чтобы чуть дальше по тексту (С. 171–173) она могла с бóльшим знанием дела рассуждать о танцах народов мира; причины же других изменений вызывают определенные сомнения, но об этом поговорим дальше.

12. С. 418, где, к сожалению, явно имеет место незамеченная опечатка во 2-м издании, в результате вполне информативный «тихий» перебор струн превратился в «такой» без последующих уточнений.

Естественно, предложенная классификация разночтений не является безусловной и однозначной: иногда очень сложно провести грань между группами 9 и 10 (что является уточнением первоначальной идеи, а что вносит в текст новый взгляд), действительно ли так важны изменения в группе 5 или их можно объединить с группой 4, надо ли отдельно выделять группу 1 или ее можно объединить с группой 2, стоит ли выделить в группе 8 отдельный пункт для пограничных психических состояний… Есть доводы «за» и «против» такого деления, но чем дольше мы будем задумываться над такими спорными случаями, тем лучше в итоге поймем текст и авторский замысел, что, собственно, и требуется.

Группа 11 недаром названа самой интересной – что может быть важнее для исследователя, чем неожиданно возникшее у автора изменение замысла? Некоторые побудительные причины вполне очевидны, другие совершенно непонятны. Например, мы достаточно уверенно можем говорить о изменениях на С. 127, где «фантастический красочный пейзаж далекой планеты Андрея Соколова» превратился в «Звенигород Рериха». Замена репродукции связана с тем, что за прошедшее между редакциями время И. А. Ефремов успел написать отдельный рассказ «Пять картин», целиком посвященный популяризации творчества А. Соколова.

В то же время рассуждения Гирина о полезности гормона гипофиза (см. табл. 2) и добыче его у китов были убраны автором, так как по зрелому размышлению он счел, что приведенные аргументы можно использовать в качестве оправданий бесконтрольной варварской добычи китообразных. Это изменение, кстати, единственное, на которое обращали внимание исследователи творчества И. А. Ефремова. С другой же стороны, совершенно необъяснимы изменения на С. 294 и 555, где тщательно убраны сравнения Таты и Симы с девушками на акварелях Борисова-Мусатова, хотя репродукция одной такой акварели висит на стене в комнате Симы в обеих редакциях. Так же неясны причины, по которым из текста убрано описание репродукции Бакста «Труханова в роли Пери»:

С. 97 *Он долго всматривался в висевший над диваном большой портрет балерины работы Серебряковой. Девушка в пышном костюме романтических*

Таблица 2

Авторские изменения (гр. 11).

Стр.	1-я редакция	2-я редакция	Стр.
51	*– Довольно, – шутливо поднял руки вверх Андреев. – Кстати, это ваша статья здесь? – Геолог поднял со стола научно-популярный журнал.* *– Моя, – подтвердил Гирин.* *– М-да! Как прав был Ленин, говоря, что фантазия – качество величайшей ценности! Я бы присуждал степени магистра фантазии, – геолог потряс книжкой журнала.* *– Фантазии тут мало, – пожал плечами Гирин. – Прочитал статью о динозаврах нашего известного палеонтолога в журнале «Природа». Там убедительно объяснялось, что эти колоссальные ящеры, величайшие на Земле животные, были большими не потому, что у них, оказывается, был развит большой гипофиз – железа внутренней секреции, стимулирующая, между прочим, и рост. Наоборот, гипофиз был большим, чтобы стимулировать быстрый рост и приспособление к окружающей среде. Это мне понравилось. Действительно, если животное велико, то оно должно и расти быстро, иначе погибнет, живя в условиях, в которых нужна величина. И тут я сразу подумал о китах. Китёнок растёт «не по дням, а по часам», прибавляя в весе по сто килограммов за сутки. А если так, то гипофиз кита должен быть сравнительно большим, и при добыче китов его надо использовать для получения гормона гипофиза, важнейшей из всех желез внутренней секреции.* *– Неужели для добычи килограмма гормона...* *– Нужно четыреста тысяч свиней? Да, это так. Конечно, это добывается попутно при забое на мясокомбинатах, но всё же найти новый источник, да ещё богатый, было бы хорошо. Вот я и написал статью, что нужно из китов, и особенно из молодых, добывать гипофиз.* *– И тем самым получился мост от палеонтологии, от давно вымерших динозавров к современной медицинской промышленности!* *– Так и должно быть в каждой науке. Эти мосты есть везде, жаль, что мы их не всегда видим.* Однако уже поздно.	Но создать институт, посвященный психофизиологии, еще не догадались, а надо бы несколько таких научных центров. *– А все же я дам пинка вашей самомнительной науке, – усмехнулся Андреев. – По части зависимости от среды, связи с ней и значения всего этого для психологии и морали она все забыла!* *– Верно! Лучше сказать – не дошла, – помрачнел Гирин.* – Однако уже поздно.	59
111	– Я понимаю, – сказала Сима. – Раз по телевизору я смотрел у знакомых чемпионат мира по фигурному катанию. Выступали две пары, та и другая канадцы, и обе – самого высшего класса. Они заняли, не помню, какие, но близкие к первому месту. *– Видели! Знаем их! – воскликнули Сима и Рита.* *– Очень симпатичные! – продолжала Рита. – Обе партнёрши похожи друг на друга, маленькие, чёрные, настоящие француженки. А фигурки, о, почти как у Симы.* *– Ладно, не мешай Ивану Родионовичу.* *– Так если помните, мне нечего объяснять. Одна пара исполняла свой номер под какой-то классический отрывок, и все их отточенные движения плавно, изящно, с виртуозной лёгкостью переливались и струились соответственно музыке. Они были великолепны! Но выступила вторая пара под чёткий ритм танца, с движениями резкими, отрывистыми и быстрыми. Я не знаток и не могу сказать, чьё спортивное мастерство было выше. Но я почувствовал, что мне больше нравится чёткий и резкий ритм.* – Это хорошо, – заявила Рита. – Значит, вам понравиться и Сима. Мы с ней две противоположности. И она как раз такая вот резкая, быстрая, вся ритмическая насквозь. Поэтому и выбрала *такое* адажио. *– Я хотела было симфонические танцы Рахманинова, – сказала Сима, – в них есть одна часть, нравящаяся мне просто отчаянно. Но помешали длинные паузы, не набрать нужной суммы движений.* Простите, Иван Родионович, мы говорим, *говорим*, а вам пора. *– Сами виноваты, разговор интересный, – сказала Рита.* – Очень хотел бы остаться, но ждёт больной...	– Я понимаю, – сказала Сима. – Это хорошо, – заявила Рита. – Значит, вам понравится и Сима. Мы с ней две противоположности. И она как раз такая вот резкая, быстрая, вся ритмическая насквозь. Поэтому и выбрала *это* адажио. *А что вы любите в книгах? Не ваших ученых, а в романах, рассказах?* *– Тут я полностью старомоден и не выношу гнильцы, привлекающей любителей дичи с тухлятинкой, заплесневелого сыра, порченых людей и некрасивых поступков. Для меня любое произведение искусства, будь то книга, фильм или живопись не существует, если в нем нет глубоко прочувствованной природы, красивых женщин и доблестных мужчин…* *– И зло обязательно наказано, – радостно захлопала в ладоши Сима, – и добро торжествует!* Простите, Иван Родионович, – *спохватилась девушка*, – мы *все* говорим, а вам – пора. – Очень хотел бы остаться, но ждёт больной...	131

сказок прошлого века, слегка склонив своё обрамлённое чёрными локонами лицо, смотрела с пристальной и грустной задумчивостью. Гирин хмурился, что-то соображая, потом шагнул к столу и, слабо улыбаясь, извлёк из папки рисунок, который прикрепил на место снятой Пьеретты. Исполненный в сочных, чистых красках, он изображал танцовщицу, стоявшую на носке левой ноги, высоко поджав согнутую в колене правую. Обнажённые руки поддерживали длинный терракотовый шарф. Лицо, совсем круглое и длинноглазое, склонялось к правому плечу. Сходство лица и фигуры с Симой удивило и обрадовало Гирина. На танцовщице были тёмно-фиолетовые рейтузы, широкая полуюбочка, ярко-синяя снаружи и жёлтая изнутри, тугой зелёный корсаж и прозрачные крылышки за спиной. «Бакст. Труханова в роли Пери», – гласила надпись.

Последующее удаление обсуждения этой репродукции (С. 556) логически вытекает из первого, которое, таким образом, становится явным, но необъясненным. Вырезание подробного описания силы Кундалини (С. 407) и упоминания Раджа-йоги (С. 409: «Бороться с этим можешь только ты сам. *Или долгими усилиями переплавить все древнее в твоей душе в железную дисциплину Раджа-йоги...*»), возможно, вызвано цензурой (тогда они могли бы войти в группу 8, хотя это предположение очень сомнительно, поскольку такие упоминания в тексте не единичны, но иначе эти правки остаются без объяснения. Точно так же на С. 654–655 точные ссылки на зарубежные издания (*…Я беру эти слова из двух только что опубликованных американских книг – «Молчащая весна» и «Наше синтетическое окружение», авторы которых пытаются дать себе отчет в дальнейшей судьбе человека в условиях западной цивилизации. Судьба эта представляется им печальной...*) могли быть убраны по цензурным соображениям, тогда этот пункт надо рассматривать в группе 7 и одновременно в группе 10 из-за вставленных рассуждений о многообразии мира. Наиболее необъяснимыми остаются изменения С. 131 (см. табл. 2), где непонятно по каким причинам убраны описания выступлений французских фигуристок (которые даже не названы по именам, хотя, может быть, это можно объявить «преклонением перед Западом») и упоминание симфонических танцев Рахманинова, вместо чего вставлено прочувствованное заявление Гирина о его пристрастиях в литературе (полностью автобиографическое, заметим).

Несмотря на все сложности интерпретации некоторых изменений, проанализировав разночтения, найденные в двух доступных редакциях романа «Лезвие бритвы», мы еще раз убедились в сложности и многоплановости авторского замысла, во внимании автора к деталям. Все это лишний раз доказывает тщательность работы И. А. Ефремова над своими произведениями, в том числе и с целью достижения наибольшей «наглядности картинки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерёмина О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 682 с.
2. Ефремов И. А. Лезвие бритвы. Роман. Баку: Азернешр, 1984. 564 с.
3. Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Лезвие бритвы. М.: Молодая гвардия, 1988. 670 с.
4. Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Рос. Акад. наук, Архив; Сост., авт. коммент. Н. В. Бойко; Отв. ред., авт. вступ. ст. П. К. Чудинов. М.: Наука, 1994. 286 с. (Научное наследство. Т. 22).
5. OFF-LINE интервью с Борисом Стругацким. Август 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusf.ru/abs/int0023.htm (дата обращения 20.10.2015).

Agapitova E. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TWO EDITIONS OF IVAN EFREMOV'S NOVEL "A RAZOR'S EDGE"

The novel "A razor's edge" written by the famous Soviet writer I. A. Efremov had two editions issued in 1963 and in 1964. The majority of subsequent editions, including both of the complete works (1988 and 1992), are guided by the edition of 1964. This article is focused on the comparison of these editions, identification, and systematization of their different interpretations. The research revealed 153 alterations of the author's original text. The identified changes in spelling and punctuation are viewed as insignificant. The most interesting changes are associated with censorship editing, which addressed such issues as genders' relations, references to Stalin's repressions, and data on the weaponry and chemical substances' proliferation. All changes were classified into 12 groups, including one unnoticed typographical error, which appeared in the second edition. The above mentioned classified groups were studied; all provided examples of the author's and editorial editing were analyzed; the possible motives for these changes were also investigated.

Key words: Ivan Efremov, "A razor's edge", censorship, two editions of the novel, author's editing of the text

REFERENCES

1. Eremina O. A., Smirnov N. N. *Ivan Efremov* [Ivan Efremov]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2013. 682 p.
2. Efremov I. A. *Lezvie britvy* [A razor's edge]. Baku, Azerneshr Publ., 1984. 564 p.
3. Efremov I. A. *Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 4. Lezvie britvy* [Collected works in 5 vol. Vol. 4. A razor's edge]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1988. 670 p.
4. *Ivan Antonovich Efremov. Perepiska s uchenymi. Neizdannye raboty* [Ivan Antonovich Efremov. Correspondence with scientists. Unpublished works]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 286 p.
5. *OFF-LINE interv'yu s Borisom Strugatskim. Avgust 2000* [OFF-LINE interview of Boris Strugatsky. August 2000]. Available at: http://rusf.ru/abs/int0023.htm (accessed 20.10.2015).

Поступила в редакцию 11.01.2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 83–87 **Филологические науки** **2016**

УДК 821.133.1

АЛИНА ИВАНОВНА БАЛАБАН
аспирант кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
alinabal87@mail.ru

ЧЕХОВ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ: РОЛЬ ЭМИГРАНТОВ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ*

Исследуется степень вовлеченности эмигрантов из России в процесс знакомства французского читателя с творчеством А. П. Чехова. Рассматривается период с 1893 года, когда была предпринята первая попытка перевода нескольких произведений писателя, по 1950-е годы, когда популярность классика во Франции достигла своего пика. Акцентируется внимание на 1920–1930-х годах, в это время эмигранты первой волны, для которых фигура Чехова имела особое значение, активно знакомили французов с русским автором. Анализируется доклад «Влияние французской литературы на русских писателей с 1900» (1929 год) эмигрантского критика Ю. Сазоновой, представленный на второй встрече Франко-русской студии, в котором огромное внимание уделяется творчеству Чехова. В статье раскрываются особенности биографии писателя «Жизнь Чехова» (1939 год), созданной для французского читателя эмигранткой И. Немировски. Анализ «Жизни Чехова» Немировски отечественными учеными ранее не проводился.

Ключевые слова: творчество А. П. Чехова, Ю. Сазонова, Франко-русская студия, беллетризированная биография, И. Немировски

Несмотря на то что сегодня имя Чехова знакомо французскому читателю, оно все же не возникает в ряду самых известных русских авторов и остается на слуху лишь в профессиональных литературоведческих и театроведческих кругах. Ж. Абенсур пишет: «Надо признать очевидное: за исключением великих классиков, какими являются Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, у французов было лишь частичное и довольно смутное представление о русской литературе…» [1: 176]. Исследователь считает, что причина такого положения кроется не в отсутствии интереса французского читателя к русским авторам, а скорее, заключается «в том, что переводились произведения, которые, к сожалению, охватывали далеко не все стороны русской литературы и философии» [1: 176]. Однако, в случае Чехова, переводчиков нельзя упрекнуть в сложившейся ситуации. Отметим, что 19 января 1895 года в письме А. С. Суворину Чехов упомянул, что его произведения переводят во Франции чаще, чем прозу Толстого. В этом заявлении нет и доли бахвальства, тем более, что оно сопровождается следующим высказыванием юмористического характера: «Мелкие рассказы, потому что они мелкие, переводятся, забываются и опять переводятся…» [5: 153]. Конечно, обилие переводов на французский язык не гарантирует писателю признания публики этой страны, однако есть подтверждения тому, что Чехов в определенное время действительно пользовался огромной популярностью у французского читателя. Исследователь Ж. де Пруайяр пишет: «…постепенно он завоевал благосклонность широкой французской публики. Его слава достигла в конце 1950 годов и провинции – благодаря активизации театральной жизни в многочисленных городах, кинофильмам, изданию его произведений в “карманной библиотечке” и т. д.» [4].

Чтобы понять причины того, почему именно на середину XX века пришелся пик популярности Чехова, необходимо обратиться к истории открытия творчества писателя во Франции. В 1893 году эмигрант И. Твердянский опубликовал первый перевод на французский язык двух чеховских рассказов[1]. Спустя два года последовала публикация рассказа «Враги», перевод был осуществлен Ю. Загуляевой[2]. Множество переводчиков проявили интерес к творчеству Чехова, большинство из них – эмигранты из России. Но и во французской среде также находились ценители творчества русского автора, в их числе нельзя не упомянуть Д. Роша. Он переводил Чехова с середины 1890 годов, широко известна его переписка с писателем, из которой видно, что русскому классику импонировало внимание Роша к его творчеству, об этом пишет исследовательница Е. Сахарова [5]. Примечательно, что между французскими и переводчиками эмигрантского происхождения возникали творческие союзы. Один из таких тандемов, Л. Гольшманн и Э. Жобер, познакомил французскую публику со многими чеховскими рассказами и повестями, к примеру «Черный монах», «Попрыгунья», «Палата № 6»[3].

Всплеск интереса к творчеству Чехова произошел в 1920–1930-х годах, он связан с деятельностью театра Жоржа и Людмилы Питоевых. Как отмечает Т. Шах-Азизова: «Они не только привили французам вкус к драматургии Чехова,

© Балабан А. И., 2016

но дали такую интерпретацию ее, которая, восходя к коренной русской традиции, оказалась органичной и для французской сцены» [8: 184]. Благодаря деятельности Питоевых Чехов стал настолько плотно ассоциироваться с русским театром, что отсутствие постановок его произведений в гастрольном репертуаре МХАТа в Париже в августе 1937 года вызвало недоумение публики и целый ряд вопросов критиков. Дело в том, что еще до гастролей было объявлено о том, что МХАТ становится «театром горьковского мировоззрения и мироощущения, которое как бы вобрало в себя Чехова» [6: 195]. Таким образом, Чехов как бы «отходил» на второй план. Исследователь А. Смелянский отмечает: «Для русского Парижа это был знак нового направления и нового содержания театра, бесповоротная смена вех» [6: 195]. Русские во Франции, в особенности представители первой волны эмиграции, отрицательно восприняли этот поворот в театральной жизни на родине, они крайне неоднозначно относились к фигуре Горького, писателя, сначала отправившегося в эмиграцию, а затем вернувшегося в СССР и принявшего советскую власть, и, что немаловажно, принятого самой советской властью. Чехов же был для них особо значимой фигурой. В его произведениях эмигранты первой волны находили покинутую родину, не Советскую Россию, а уже несуществующую имперскую Россию, с ее особым укладом жизни, обычаями и человеческими судьбами. У большинства выходцев из России была психологическая потребность в утраченной родине, и те, кто имел отношение к литературной деятельности, стремились заполнить эту брешь, изображая покинутую ими страну в художественных произведениях. Тексты писателей-эмигрантов часто содержали реминисценции и прямые цитаты классиков родной литературы, также из-под их пера нередко выходили переводы русских авторов ушедших эпох. Так как целевой аудиторией были французы, их деятельность способствовала открытию новой публике достижений русской культуры и в целом – сближению двух культур.

Неслучайно на встречах Франко-русской студии (проекта по сближению культур) не раз звучало имя Чехова, ведь его творчество эмигранты считали одним из достояний великой русской литературы. Эти встречи должны были способствовать культурному обмену между русскими эмигрантскими писателями, философами, историками и журналистами и их французскими коллегами. Всего в рамках проекта в период с 1929 по 1931 год состоялось 14 заседаний. Вторая встреча Франко-русской студии, состоявшаяся в ноябре 1929 года, была посвящена вопросу о взаимовлиянии двух культур. С докладом «Влияние французской литературы на русских писателей с 1900» выступила писательница, руководитель театра марионеток, а также театральный и литературный критик Ю. Сазонова. Критик с самого начала своего выступления ставит вопрос о том, что можно считать литературным влиянием. Современные исследователи признают несостоятельность таких понятий, как «культурный обмен» или «литературное влияние», заявляя, что при их употреблении «приходится либо конкретизировать объем этих определений, либо… довольствоваться размытостью формулировок» [3]. Примечательно, что Сазонова сразу определяет, что понимает под заявленным понятием некую «встречу двух сознаний: одно не понимает до конца свои собственные стремления, другое уже обнаружило точный способ их выразить. Первое берет у второго только то, в чем нуждается» [10: 63]. В качестве наглядного примера, подтверждающего верность этой позиции, докладчик начинает разговор о творчестве Чехова. Она утверждает, что литератор воспринял некоторые идеи, присущие французскому натурализму, через призму произведений Э. Золя [10: 65]. Тем не менее творчество писателя «настолько наполнено его собственной личностью», что все эти идеи можно «квалифицировать как чеховские» [10: 65]. Речь идет о том, что Чехов не просто следовал эталонам натурализма, но, можно сказать, был вдохновлен ими и пересоздал их на русской почве. Сазонова говорит о том, что часто отмечается некоторая схожесть между произведениями Мопассана и Чехова, однако общие черты, по ее мнению, можно найти только в структуре текстов и выборе сюжетов. Чтобы доказать это, критик сравнивает рассказ Мопассана, который она не называет, но, судя по всему, это рассказ «Парижское приключение», и рассказ Чехова «Дама с собачкой». Сюжетное сходство произведений очевидно: речь идет о путешествующей даме, которая встречает мужчину вдали от дома и влюбляется в него. Исследовательница утверждает, что в отличие от мопассановской героини, героиня Чехова вовсе не «разочарована и не испытывает отвращения», потому что в первом случае речь идет о «грехе», воспоминания о котором не дают ей покоя, а в «Даме с собачкой» – о настоящем чувстве, которое переворачивает всю жизнь женщины [10: 65]. В «Парижском приключении» конфликт состоит в том, что главные герои не понимают друг друга в силу различия ментальностей (он парижанин, а она провинциалка), они расшатывают устои общества, пытаясь изменить свои социальные роли, но, в конце концов, система возвращает их на законные места. В произведениях Чехова Сазонова не находит той стабильности «форм жизни», социального мироустройства, которая присуща миру Мопассана [10: 66]. Исследовательница не ограничивается анализом одного произведения Чехова, она говорит и о дяде Ване, который решается на самоубийство, поскольку отказывается играть определенную социальную роль, и об Иванове, который убивает себя из-за того, что он всю жизнь положил на выполнение

своей роли вместо того, чтобы следовать своим желаниям. Критик считает, что в произведениях Чехова «ничто не находится на своем месте, ни один социальный порядок не имеет права на существование и каждый персонаж находится в поиске своего места… без возможности обрести его» [10: 66]. Это проистекает из особенностей российской реальности, в которой не было места для «идеи о справедливо установленной социальной иерархии» [10: 66], существовавшей во Франции. В обличении невозможности обретения социальной стабильности, а также приверженности миссии писателя «глаголом жечь сердца людей», унаследованной от А. С. Пушкина, Сазонова видит острое несоответствие идей Чехова и идеалов натурализма. Таким образом, исследовательница доказывает уникальность, первичность творчества русского писателя.

Обратим внимание на то, что Сазоновой не требовалось объяснять присутствующей публике, кем был Чехов, и рассказывать о его творчестве, она сразу перешла к анализу и сопоставлению. Хотя встречи студии собирали довольно большое количество слушателей, все же эта публика была весьма однородна и подготовлена. Один из участников студии, литератор Б. Зайцев, отметил следующее: «”Франко-русские собеседования” устраивались сначала в крошечном помещении книжной лавки… перешли затем в большой зал Musée Social, почти всегда переполненный. Значит, дело идет не об отдельных писателях, а уже о публике (просвещенной)…» [2: 581]. Помимо российских эмигрантов, на заседаниях присутствовало большое количество французов, уже имевших представление о русской культуре. Во-первых, речь идет о публике, имеющей отношение к профессиональной литературной, театральной и журналистской деятельности. Во-вторых, присутствовавшие на встречах так или иначе были причастны к жизни русских в Париже: это могли быть как уже крепкие давние связи с сообществом, так и недавно образовавшиеся контакты. В процессе общения с российскими эмигрантами, очень высоко ценившими творчество Чехова, французы не могли не почерпнуть сведения о столь значимой фигуре русской литературы. Отметим, что организаторы студии всеми силами пытались привлечь известных переводчиков-французов, среди них был уже упомянутый нами в связи с переводами Чехова Д. Рош, в 1920–1930-е годы он стал активно переводить не только русских классиков, но и эмигрантских авторов (Д. Мережковского, В. Набокова, И. Шмелева и других).

Также следует обратить внимание на то, что в заседаниях принимал участие А. Моруа. Не исключено, что интерес к определенным русским литераторам и деятелям в нем пробудили именно эмигранты, старавшиеся на встречах студии как можно полнее и интереснее представить явления русской культуры. К примеру, в 1959 году Моруа напишет статью «Искусство и мудрость Чехова»[4].

Итак, фигура Чехова была крайне значима для эмигрантов из России. Поэтому неслучайно именно в Париже в 1930-х годах писательницей-эмигранткой И. Немировски была предпринята попытка масштабного исследования его жизни. Несмотря на то что писательница происходила из еврейской семьи, она родилась и все детство провела в Российской империи, став носительницей русской культуры. Выехав из России еще молодой девушкой, она принадлежала к той части первой волны эмиграции, которую принято называть «молодым поколением». В. Ф. Ходасевич говорил об этом поколении, к которому относился и сам, следующее: «…молодежь не нашла учителей в эмиграции и стала искать образцов отчасти в прошлом, отчасти у иностранцев» (см.: [7: 209]). Немировски училась как у европейских писателей, так и у русских классиков: Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова. Создав биографию «Жизнь Чехова», эмигрантка отдала дань уважения одному из своих учителей. Предназначив же свое произведение французскому читателю, она взяла на себя миссию посредника между Чеховым, его творческим наследием, представляющим собой важную веху в становлении русской культуры, и французским обществом.

Немировски сотрудничала с французским журналом «Эвр либр», где в мае 1940 года была напечатана «Молодость Чехова», первая часть будущей биографии[5]. Еще при жизни автора во время оккупации Франции в октябре 1940 года шли переговоры о публикации «Жизни Чехова» в издательстве «Albin Michel», это стало возможным благодаря тому, что фамилия Немировски не попала в список запрещенных авторов[6]. Однако в 1942 году Немировски погибла в Освенциме, а ее книга «Жизнь Чехова» вышла в этом издательстве только после войны, в 1946 году[7].

«Жизнь Чехова» можно отнести к жанру беллетризированной биографии. Однако это вовсе не исключает тот факт, что Немировски стремилась быть точной в изображении исторического времени. Она привлекала к работе над произведением различные исторические источники, в их числе можно назвать «Записные книжки» Чехова и воспоминания Бунина. Много внимания писательница уделяет демонстрации социально-политического положения в России. Например, она говорит о напряженной атмосфере, царившей в учебных заведениях в эпоху Чехова: «В каждом подрастающем школьнике, каждом будущем студенте, государство, казалось, уже видит опасного революционера… Революция становилась захватывающей игрой, и было принято решение снять напряжение абсурдными, жестокими методами, сложной системой шпионажа и интриг...» [9: 734]. Далее она рассказывает о злоупотреблениях по

части дисциплинарных наказаний, подозрительности учителей по отношению к своим подопечным и коллегам.

Немировски предлагает своему читателю широкую картину культурной и социальной жизни России 1860–1900-х годов. Об этом свидетельствует, например, следующее рассуждение писательницы: «Россия 1860 годов хотела упразднения крепостного права, желала социальных реформ, надеялась на лучшее будущее. Все зло, казалось, происходило от закрепощения мужика» [9: 762]. Далее Немировски говорит о том, что российская интеллигенция идеализировала русского мужика, искала в нем пророка, дворянское же сословие того времени она считает «полуразрушенным» [9: 762]. Также автор биографии выражает свое видение эпохи Николая II: «Тупая цензура, жестокие нравы, революционеры и государство, соревнующиеся в жестокости… примерно такой была картина русского общества 1880–1890 годов» [9: 762]. Таким образом, мы видим, что в канву рассказа о жизни Чехова оказывается вплетен историко-философский очерк о жизни российского общества.

Ориентируясь на французского читателя, незнакомого с русской культурой, писательница принимала на себя просветительскую и популяризаторскую функции, что скорее характерно для публициста, нежели для беллетриста. Она объясняла своей аудитории бытовые, социальные, религиозные особенности жизни русского человека. Так, например, описание православной церкви, которую каждую субботу посещали Чеховы в Таганроге, она сопровождает культурно-бытовыми сведениями о том, что в отличие от католических в православных храмах нет скамей и что прихожане должны стоять или молиться на коленях [9: 731].

В «Жизни Чехова» много места уделено рассказу о театральной жизни России, особый интерес представляют замечания Немировски о нравах и предпочтениях публики. Она пишет: «Мания морализаторства и поучений в России не обошла и театр. Зритель желал рукоплескать положительным персонажам, преданным, энергичным, честным. Российская буржуазия считала высшим наслаждением слушать высокие рассуждения о свободе, человеческом достоинстве, благе народа» [9: 781].

Примеряя на себя роль литературного критика, автор «Жизни Чехова» находит аналогии в жизненных перипетиях Диккенса и Чехова [9: 743]. Немировски говорит о некоторых общих чертах, свойственных как Чехову, так и Мопассану и Мериме [9: 801–803]. К тому же писательница сопоставляет идеи и манеры письма Чехова и Толстого, даже сравнивает «Жизнь Ивана Ильича» Толстого и «Обыкновенную историю» Чехова [9: 791–792]. Она представляет читателю краткое содержание многих произведений Чехова («Чайка» [9: 817–820]; «Степь» [9: 779]; «Палата № 6» [9: 809–810]; «Ванька» [9: 802]; «Тоска» [9: 802] и другие). Некоторые из произведений Немировски объединяет в группы: так, она анализирует параллельно две новеллы «В овраге» и «Мужики»[8], поскольку они содержат воспоминания писателя об определенном жизненном этапе, когда он находился в Мелихове [9: 814–816].

Итак, при создании биографии «Жизнь Чехова» Немировски проявляет себя не только в качестве писательницы, но и как публицист, литературный критик, историк. В итоге перед нами оказывается огромный труд, не только способный познакомить читателя с судьбой и творчеством Чехова, но и дающий возможность проследить истоки его идей, представлений о мире. Писательница рассказывает о ситуации в стране и говорит об особенностях культуры в чеховское время, тщательно объясняя каждый момент, который может вызвать вопросы у незнакомого с русской культурой читателя. Биография создана с целью донести до французской аудитории целостную картину жизни России, а это значит, что эмигрантка принимает на себя миссию «посланника», готового знакомить французскую публику с русской культурой.

Мы установили, что многие из тех, кто популяризировал Чехова среди французов, были эмигрантами из России. Речь идет о представителях первой волны эмиграции, а также о тех, кто выехал из России еще до революций. Последние, в свою очередь, также считали своей родиной императорскую Россию, ее особенности и менталитет жителей были им знакомы и важны. То, что пик популярности чеховских произведений во Франции пришелся на 1950-е годы, во многом заслуга эмигрантов первой волны и их предшественников, они не одно десятилетие пропагандировали творчество русского автора среди французской публики, а также сумели заинтересовать французских переводчиков, критиков и театральных деятелей.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект «Кросскультурная коммуникация между Россией и Францией 1920–1930-х годов: литература, публицистика, периодика» (РГНФ а(м) № 15–24–08001).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Твердянский перевел рассказы «Гусев» (La mort du matelot. Trad. par J. Tverdianski. Revue des deux Mondes, 1893. Tome 118. 1-e juillet. P. 197–205) и «Беглец» (Le Fuyard. Trad. par J. Tverdianski. Revue des deux Mondes, 1893. Tome 118. 1-e juillet. P. 206–212).

[2] Ennemis. Trad. de J. Zagouliaieff. Les conteurs russes mondernes. Recueil de nouvelles. Paris, Ollendorf, 1895.

[3] «Черный монах» (Le moine noir. Trad. par L. Golschmann et E. Jaubert. La Revue de Paris. 1897. Août. P. 449–486), «Попрыгунья» (Tête à l'évent. Trad. par L. Golschmann et E. Jaubert. La Revue de Paris. 1898. Févr. P. 449–478), «Палата

№ 6» (La salle № 6. Trad. par L. Golschmann et E. Jaubert. La Revue de Paris.1898. Août. P. 449–511). Отметим, что это далеко не полный список их совместных переводов.

[4] Французское название статьи А. Моруа «L'art et la sagesse de Tchekhov», позднее она была переведена на русский язык и вышла под заголовком «Искусство Чехова». Ее можно найти в сборнике произведений: Моруа А. Искусство Чехова // Моруа А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Пресса, 1992. 320 с.

[5] Némirovsky I. La Jeunesse de Tchekhov // Les Œuvres libres). № 226. Fayard, mai 1940.

[6] Речь идет о списке, которому затем было присвоено имя посла фашистской Германии во Франции Отто Абеца – «Список Отто» (28 сентября 1940 года).

[7] Némirovsky I. La Vie de Tchekhov. P.: Éditions Albin Michel, 1946.

[8] Рассказ «Мужики» Немировски переводит «Les paysans» (франц. «крестьяне»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абенсур Ж. Культурный трансфер между Францией и эмигрантской Россией: притяжение, братство и отречение // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. № 1. С. 174–181.
2. Зайцев Б. Дневник писателя: русские и французы // Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. С. 579–583.
3. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-transfer-opredelenie-struktura-rol-v-sistemeliteraturnyh-vzaimodeystviy (дата обращения 15.11.2015).
4. Пруайяр Ж. де. Чехов во французской критике (1960–1983) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/chekhov/critics/ml1/ml1-0272.htm (дата обращения 16.11.2015).
5. Сахарова Е. Дени Рош – переводчик Чехова // Чеховиана: Чехов и Франция. М.: Наука, 1992. С. 153–166.
6. Смелянский А. В августе 1937 (Париж, Художественный театр, Чехов) // Чеховиана: Чехов и Франция. М.: Наука, 1992. С. 193–204.
7. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж: YMCA-PRESS, 1984. 420 с.
8. Шах-Азизова Т. Питоевы, или Русско-французский Чехов // Чеховиана: Чехов и Франция. М.: Наука, 1992. С. 184–193.
9. Némirovsky I. La Vie de Tchekhov // Némirovsky I. Œuvres complètes (2 tomes) tome II: La Pochothèque LE LIVRE DE POCHE. P. 701–855.
10. Sazonova I. L'Influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 63–72.

Balaban A. I., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

A. P. CHEKHOV AND FRENCH READERS: THE ROLE OF EMIGRANTS IN POPULARIZATION OF A. P. CHEKOV'S WORKS

The process of acquainting French readers with the works written by Anton Chekhov is described in the article. The goal of this research was to determine the extent to which Russian immigrants were involved into the process. An extended period from 1893, when a few works of the writer were translated for the first time, to the 1950s, when the writer's popularity in France reached its peak, is examined. This article focuses on the 1920–1930s, the time period when Chekhov's works were actively popularized by the representatives of the so-called first wave emigrants (for them Chekhov's figure had a special significance). The article analyzes the work *The influence of French literature on Russian writers since 1900* (1929) written by an emigrant literary and a theater critic Y. Sazonova. The report was presented at the second meeting of the Franco-Russian Studio where special attention was paid to the works of A. P. Chekhov. Some specific aspects of the author's biography *A Life of Chekhov* (1939), which was written by the emigrant writer Irene Nemirovsky, are also studied in the article. Initially this biography was addressed to the French reader. It has not been previously studied by Russian researchers.

Key words: Chekhov's works, Yulia Sazonova, Franco-Russian Studio, fictionalized biography, Irene Nemirovsky

REFERENCES

1. Abensur Zh. Cultural transfer between France and the Russian emigre: attraction, brotherhood and renunciation [Kul'turnyy transfer mezhdu Frantsiey i emigrantskoy Rossiey: prityazhenie, bratstvo i otrechenie]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. 2015. № 1. P. 174–181.
2. Zaytsev B. The Russians and the French [Dnevnik pisatelya: russkie i frantsuzy]. *Le Studio Franco-Russe 1929–1931* / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 579–583.
3. Lobacheva D. V. *Kul'turnyy transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnykh vzaimodeystviy* [Cultural transfer: definition, structure and function in literary interactions]. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-transfer-opredelenie-struktura-rol-v-sistemeliteraturnyh-vzaimodeystviy (accessed 15.11.2015).
4. Pruayyar Zh. de. *Chekhov vo frantsuzskoy kritike (1960–1983)* [Chekhov in French criticism]. Available at: http://feb-web.ru/feb/chekhov/critics/ml1/ml1-0272.htm (accessed 16.11.2015).
5. Sakharova E. Denis Roche – Chekhov's translator [Deni Rosh – perevodchik Chekhova]. *Chekhoviana: Chekhov i Frantsiya*. Moscow, Nauka Publ., 1992. P. 153–166.
6. Smelyanskiy A. In August 1937 (Paris, Art Theatre, Chekhov) [V avguste 1937 (Parizh, Khudozhestvennyy teatr, Chekhov)]. *Chekhoviana: Chekhov i Frantsiya*. Moscow, Nauka Publ., 1992. P. 193–204.
7. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii. Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoy literatury* [Russian literature in exile Experience of the historical review of foreign literature]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1984. 420 p.
8. Shakh-Azizova T. Pitoëffs or Russian-French Chekhov [Pitoevy, ili Russko-frantsuzskiy Chekhov]. *Chekhoviana: Chekhov i Frantsiya*. Moscow , Nauka Publ., 1992. P. 184–193.
9. Némirovsky I. La Vie de Tchekhov [A Life of Chekhov] // Némirovsky I. Œuvres complètes (2 tomes) tome II: La Pochothèque LE LIVRE DE POCHE. P. 701–855.
10. Sazonova I. L'Influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 [The influence of French literature on Russian writers since 1900] // Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. P. 63–72.

Поступила в редакцию 01.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 88–92 **Филологические науки** **2016**

УДК 821.161.1.09«18»

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КУЙКИНА
преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
egene@list.ru

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ ИЗ «МИФОЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ» АПОЛЛОДОРА В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ В. А. ЖУКОВСКОГО

«Мифологическая библиотека» Аполлодора во французском переводе Клавье знакомила В. А. Жуковского с античной мифологией в 1805–1811 годах. При чтении этого произведения Жуковский оставил в книге ряд помет и комментариев к интересующим его сюжетам, в числе которых мифы об Эдипе, Кретее и Тиро, Амитаоне и Идомене, Бианте и Перо, Талае и Лисимахе. Статья посвящена описанию этих мифологических сюжетов, неожиданных по своему содержанию и близких к биографии Жуковского. Показательно, что чтение «Мифологической библиотеки» Аполлодора хронологически соотносится со становлением и утверждением в творчестве Жуковского балладного жанра. Высказывается предположение, что эти сюжеты, открывающие многослойную и противоречивую картину мира, были близки балладному жанру и рассматривались Жуковским в этой перспективе.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, баллада, рецепция, Аполлодор, пометы, записи на полях, античные мифологические сюжеты

«Мифологическая библиотека» Аполлодора во французском переводе Клавье была пособием и руководством по античной мифологии для В. А. Жуковского. Ученые определяют временные рамки чтения Жуковским «Мифологической библиотеки» – 1805–1811 годы [8: 464–469]. Это было время самообразования молодого поэта, когда он систематически знакомился с античной мифологией, античной литературой и ее критическим осмыслением.

Издание «Мифологической библиотеки» 1805 года сохранилось в библиотеке Жуковского (Apollodor. Bibliothèque d'Apollodore l'Athénien. Traduction nouvelle, avec le texte grec revu et corrigé, des notes et une table analytique, par E. Clavier. T. 1–2, Paris, chez Delance, an. XIII (1805)) [2: 88]. Ряд помет, оставленных поэтом в этой книге, свидетельствует об углубленном и вдумчивом изучении античной мифологии читателем.

Аполлодор – древнегреческий мифограф, афинский грамматик, живший во II веке до н. э. Исследователь античной литературы В. Г. Борухович в статье «Античная мифография и "Библиотека" Аполлодора» определяет место «Библиотеки» в кругу античных мифографических сочинений: «"Библиотека" представляет собой единственное из всех дошедших до нас античных сочинений по мифологии, где мифы Древней Греции излагаются в наиболее полном и систематизированном виде» [3: 106]. В. Г. Борухович относит «Библиотеку» Аполлодора к «числу мифографических сочинений, излагавших в прозаическом пересказе основные сюжеты "эпического кикла"» [3: 105].

Термин «эпический кикл» возник уже в классическую эпоху (5 век до н. э.) и встречается у Аристотеля («Аналитики»). Слово «кикл» происходит от древнегреческого κύκλος «круг». Таким образом, эпический кикл – это круг сказаний. Сохранилось замечание древнего схолиаста Клемента Александрийского об этом термине: «Киклическими поэтами называют тех, которые описали все, что вокруг (κύκλῳ) "Илиады", все, что происходило до или после описанных ею событий» (Schol. Clem. Alex. Protr. II, 30)[1].

Автор «Библиотеки» излагает мифы кратко, без подробностей, без философского и художественного их осмысления. «Очень просто, сжато, иногда скороговоркой (в ущерб содержанию)»: так В. Г. Борухович комментирует эту особенность воспроизведения мифов у греческого мифографа [3: 106]. Миф в рассказе Аполлодора «выступает в качестве сюжетной схемы» [3: 108]. Аполлодор концентрирует внимание читателя на генеалогии мифологических героев. В основу повествования положен «генеалогический принцип» [3: 106]. При чтении «Мифологической библиотеки» Жуковский делает три генеалогические схемы интересующих его мифологических циклов на станицах 71, 73 первого тома и 385 второго тома, соответствующих § 11, § 13 девятой главы первой книги и § 8, § 9 третьей главы третьей книги.

Жуковского интересуют родственные связи героев следующих мифологических циклов: Иолкский, Аргосский и Фиванский циклы. Генеалогическая таблица Иолкского цикла воспроизводит родословие Ясона, предводителя похода аргонавтов за золотым руном. Вторая генеалогическая таблица воспроизводит род Амифаонидов, участников похода Семерых против Фив и похода Эпигонов. Третья генеалогическая таблица посвящена родословию царя Эдипа.

© Куйкина Е. С., 2016

Исследовательница библиотеки Жуковского в Томске О. Б. Лебедева размышляет о причинах внимания Жуковского к генеалогии героев названных мифологических циклов: «Представляется, что целью генеалогических изысканий Жуковского в процессе чтения Аполлодора было именно это выявление генетических связей между отдельными мифологическими циклами через участников их событий» [8: 468]. О. Б. Лебедева, обращая внимание на вдумчивое изучение текста «Библиотеки» русским поэтом, говорит о том, что активный «читательский интерес» «очень часто переходил у Жуковского в творческий эксперимент» [8: 465]. Таким образом, чтение «Мифологической библиотеки» Аполлодора можно рассматривать как приготовление Жуковского к реализации творческого потенциала.

При составлении родословий героев мифологических циклов Жуковский оставляет комментарии к ним на страницах указанного издания. На записи Жуковского на страницах 71, 73 и 77 указывает О. Б. Лебедева: «Так, на с. 71 первого тома рассказ о браках Кретея и Тиро, Амитаона и Идомены он сопровождает двукратной записью: “племянница”» [8: 469]. Названные герои – Кретей и Тиро, Амитаон и Идомена – участники Иолкского цикла мифов, их имена входят в родословное древо Ясона. Рассказ о браке Кретея и Тиро у Аполлодора звучит так: «Тиро, дочь Салмонея и Алкидики, воспитывалась у Кретея, который приходился Салмонею родным братом. Она влюбилась в речного бога Энипея и в сокрушении постоянно ходила на реку. Посейдон, приняв образ Энипея, сошелся с ней, и она, родив тайно двух близнецов, подкинула их. Вблизи подкинутых близнецов проходили пастухи, гнавшие табун лошадей, и кобылица задела копытом лицо одного из близнецов, на котором от этого осталось темное пятно. Пастух поднял и вырастил обоих мальчиков и того, который был с пятном, назвал Пелием, другого же Нелеем. Когда близнецы выросли и узнали, кто их родная мать, они убили свою мачеху, которую звали Сидеро. Они напали на нее после того, как узнали, что та оскорбила их мать. Мачеха пыталась найти убежище в храме Геры, но Пелий заколол ее у самых алтарей. И вообще он всячески оскорблял Геру. <…> Кретей же, основав город Иолк, женился на Тиро, дочери Салмонея, от которой у него родились сыновья Эсон, Амитаон и Ферет» (§ 8, § 11, 9-я глава, 1-я книга)[2].

Рассказ о втором привлекшем внимание Жуковского близкородственном браке Амитаона и Идомены тесно связан с предыдущей историей, так как в нем принимают участие сыновья Кретея и Тиро – Амитаон и Ферет. У Аполлодора эти события передаются очень кратко: «Амитаон, живший в Пилосе, женился на Идомене, дочери Ферета, и у него родились сыновья Биант и Мелампод» (§ 11, 9-я глава, 1-я книга)[3].

О. Б. Лебедева обращает также внимание на запись Жуковского, сделанную на странице 73 «Мифологической библиотеки» Аполлодора относительно брака Бианта и Перо: «Почти родная сестра» [8: 469]. История этого брака относится уже ко второй родословной таблице Жуковского, где показано родословие Амифаонидов (Аргосский цикл), но герои его генетически связаны с предыдущим, Иолкским, циклом. Согласно генеалогическим описаниям Аполлодора, Биант – внук Тиро от брака с Кретеем, Перо – внучка Тиро от брака с Посейдоном. В «Мифологической библиотеке» рассказывается романтическая история сватовства Бианта: «Биант же, сын Амитаона, посватался к Перо, дочери Нелея. Так как многие добивались ее руки, Нелей обещал отдать свою дочь за того, кто пригонит ему принадлежащее Филаку стадо коров. Стадо это находилось в области Филаке, и его охраняла собака, к которой ни человек, ни зверь не смел близко подойти. Биант не смел украсть этих коров и попросил брата помочь. Мелампод пообещал, но предсказал, что он будет пойман при совершении кражи и после того, как пробудет в заключении целый год, получит стадо»[4]. Через год Мелампод, обладающий даром прорицания, вышел из заключения и получил заветное стадо коров Филака. «Коров же Мелампод пригнал в Пилос, и, взяв дочь Нелея, отдал ее брату» (§ 12, 9-я глава, 1-я книга)[5].

Четвертый сюжет, отмеченный записью Жуковского на странице 77 – «племянница» [8: 469], описывает брак Талая и Лисимахи. У Аполлодора в § 13 читаем: «Сыном Бианта и Перо был Талай, женившийся на Лисимахе, дочери Абанта, сына Мелампода. От этого брака родились Адраст, Партенопей, Пронакс, Мекистей, Аристомах и Эрифила, на которой женился Амфиарай»[6].

Скупо, без подробностей передает афинский грамматик интересующие Жуковского мифологические сюжеты. Повествование Аполлодора наполнено именами мифологических героев, словно он боится кого-то пропустить, оставить незамеченным, вне истории.

Родословия, привлекшие внимание Жуковского в «Библиотеке» Аполлодора, согласно античным мифам о происхождении мира, принадлежат к четвертому поколению, населявшему землю, поколению полубогов и героев (Гесиод. Работы и дни. 157–173).

Профессор А. Ф. Лосев, отмечая достоинство «Библиотеки» в подробности изложения мифических родословных, говорит о преемственности труда афинского мифографа: «Аполлодор излагает мифы по Гомеру и Гесиоду и особенно трагикам» [9: 10].

Так, первый миф о браке Кретея и Тиро восходит к «Одиссее» Гомера, XI песнь, строки 235–259. В XI песне Одиссей призывает тени умерших, они подходят по очереди:

Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала… (XI, 235–237)[7].

Также этот миф излагает Гесиод в «Каталоге женщин» (фрагменты 30, 31).

Миф о браке Кретея и Тиро, а также о браке Амитаона и Идомены (или Аглаи) встречается в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (IV, 68, 3): «С Тиро, которая в то время была еще девой, сочетался Посейдон, и она родила сыновей – Пелия и Нелея. Выйдя замуж за Крефея, Тиро родила Амифаона, Ферета и Эсона. После смерти Крефея Пелий и Нелей подняли бунт, желая получить царскую власть, и Пелий стал царем Иолка и прилегающих земель, а Нелей, взяв с собой Мелампода и Бианта, сыновей Амифаона и Аглаи, во главе ахейцев, фтиян и эолийцев, отправился в поход на Пелопоннес»[8].

Миф о браке Бианта и Перо восходит к «Одиссее» Гомера (XV, 225–240) и «Каталогу женщин» Гесиода (фрагмент 37):

На оное только провидец дерзнул безупречный.
Труд таковой он свершил, хоть год оставалось в неволе
Узы позора влачить, Нелеевой дщери взыскуя:
Брак он готовил Бианту-воителю, брату родному.
Свадьбы желанной добился, сумев привести круторогих
Телок, наградой приняв за труд безупречную деву.
Был могучий Талай пышнокудрой Перо во чертогах
Сыном Бианту рожден, покоренной объятьем супружьим[9].

Брак Талая и Лисимахи в «Мифологической библиотеке» Аполлодора является версией мифа, есть другая версия, которая встречается в «Описании Эллады» Павсания, согласно которой женой Талая была Лисианасса, дочь Полиба, царя Сикиона (II, 6, 6): «Полиб выдал свою дочь Лисианассу за Талая, сына Бианта, царствовавшего над агривянами»[10].

Третья генеалогическая таблица Жуковского, воспроизводящая родословие Эдипа, восходит в первую очередь к трагедиям Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Также об участи Эдипа рассказывается в «Одиссее» Гомера (XI, 271–280). Тени умерших предстают перед Одиссеем:

Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнанье она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшися браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.
Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевса Эдип, безотрадный страдалец,
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эринний[11].

Мифы из «Библиотеки» Аполлодора, восходящие к «Одиссее» Гомера и трагедиям Софокла, найдут воплощение в творчестве Жуковского при создании оригинального плана трагедии «Царь Эдип» в 1811 году, при переводе фрагмента трагедии Софокла «Царь Эдип» в 1842 году и в 1842–1849 годы при переводе «Одиссеи».

О. Б. Лебедева интерпретирует интерес Жуковского к проблематике этих мифологических сюжетов биографическими данными, что позволяет датировать чтение Аполлодора и особенно комментарии поэта на страницах 71, 73 и 77 1810 и 1811 годами: «Если предположить связь этих записей с биографией Жуковского, его намерением жениться на М. А. Протасовой, которая приходилась ему именно племянницей по отцовской линии, чтение Аполлодора можно датировать несколько более поздним периодом: 1810–1811 годом, когда впервые возникли мысли о браке» [8: 469]. Таким образом, Жуковский осмысливал собственную жизнь через приобщение к античности. Возможно, поэт обратил внимание на то, что браки внутри одного рода считались допустимыми в древности. Браки между дядей и племянницей, между двоюродными братом и сестрой были естественным и частым явлением жизни. Среди мифов, исследуемых Жуковским, только история Эдипа считалась страшным преступлением. Причем Эдип был неволен в своем грехе. К гибели Эдипа, его родителей и его детей привело родовое проклятие, Рок. Согласно мифу, «Фиванский царь Лай украл ребенка и был проклят отцом этого ребенка. Проклятие лежало на всем роде Лая: сам он погиб от руки собственного сына Эдипа. Покончила с собой Иокаста – жена сначала Лая, а потом Эдипа, узнав, что Эдип – ее сын. Вступив в единоборство, погибли оба сына Эдипа – Этеокл и Полиник, потом погибли и их сыновья» [9: 27–28].

Возможно, что интерес к темам кровосмешения, преступления, гибельного Рока и наказания был обусловлен у Жуковского появлением в русской и европейской литературе в конце XVIII – начале XIX века произведений, которые «отличает особая атмосфера загадочности, таинственности» [7: 46], в которых присутствует мотив инцеста, «для русской литературы не вполне обычный» [4: 204] (например, «Мипамонд» Ф. Эмина, «Замок Отранто», «Таинственная мать» Уолпола, «Монах» Льюиса, «Дикарь» Мерсье, «Манфред» Байрона и др.). Среди произведений, поднимающих проблему кровосме-

шения, в русской литературе выделяется повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793).

По мнению Л. В. Крестовой, «впервые в русской художественной литературе Карамзин ставит в повести “Остров Борнгольм” сложную философскую проблему о противоречии между законами природы и законами общественной жизни» [6: 211]. Современная исследовательница А. Н. Кудреватых говорит о новаторстве Карамзина в «Острове Борнгольм», которое заключается в присутствии в повести элементов балладной поэтики: «Яркий и потрясающий образ замка, открывающийся в минуту высшего душевного напряжения внутреннему взору путешественника, вывел нас на уровень оппозиции “Человек и Рок”, трагедийной по своей сущности. Жизнь несчастных героев, в том числе и хозяина замка, трагически разрушается в результате вторжения в нее непостижимых и неуправляемых стихийных сил, и путешественник потрясен не столько перипетиями конкретной житейской истории, сколько той картиной мира, которая открылась ему во время пребывания в таинственном замке. Вот почему не важными оказываются детали истории. Важен сам образ мира, многослойный, мятежный, поражающий воображение и вызывающий в душе путешественника, по его собственному признанию, не только ужас, но и наслаждение, своеобразное очищение, которое в чем-то сродни трагедийному катарсису» [7: 51]. А. Н. Кудреватых приходит к выводу, что поэтика повести Карамзина близка к поэтике балладного жанра. Ведь не случайно Карамзин – «автор одной из первых русских литературных баллад: его “Раиса” стоит у самых истоков балладной традиции в отечественной поэзии» [7: 51].

Можно также предположить, что внимание Жуковского к мифологическим родословиям из «Библиотеки» Аполлодора и комментарии к ним были обусловлены интересом русского поэта к жанру баллады. Заметим также, что чтение «Библиотеки» Аполлодора (1805–1811 годы) хронологически соответствует появлению и утверждению в творчестве Жуковского балладного жанра. В 1808–1814 годах он пишет следующие баллады: «Людмила», «Кассандра», «Пустынник», «Адельстан», «Светлана», «Ивиковы журавли», «Варвик», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл», «Эолова арфа», «Двенадцать спящих дев».

В балладах Жуковского показаны предопределенность человеческой судьбы, психологический конфликт, стойкость и свобода личности перед лицом испытаний. Согласно исследованиям Н. Ж. Ветшевой и Э. М. Жиляковой, «баллада родилась у Жуковского как жанр, позволивший ему выразить свое философское понимание нравственной природы человека и его судьбы в контексте бытия и мирового развития человечества» [5: 230].

С точки зрения истории жанр баллады предполагал драматические сюжеты. Как «сюжетная песня драматического содержания» [10: 422], баллада бытовала в эпоху Средневековья. Древний мотив кровосмешения, связанный с мифологическим сознанием, находил отражение в балладе, которая на примере индивидуальных судеб освещала «события общенародного значения, этические, социальные и философские проблемы» [1: 10]. Так, мотив кровосмешения встречается в старинной русской балладе, соответствующей балладам Англии и Шотландии, возникшим в XIII–XIV веках. Д. М. Балашов указывает на эти баллады и говорит о христианском осмыслении в них вышеназванного мотива: «“Братья-разбойники и сестра”, сюжет отразивший развитые социальные контрасты и бытовые отношения средневековья; “Царь Давыд и Олена”, сюжет, созданный целиком на христианско-религигиозной основе; “Охотник и сестра” – редкая баллада позднего сочинения; “Брат женился на сестре”, также поздняя средневековая баллада по характеру сюжета и бытовым реалиям. Анализ этих сюжетов, а также ряда европейских баллад на ту же тему показывает, что все подобные конфликты, имеющие обычно трагический конец (неизбежные позор и смерть согрешивших), подаются в очень ясном средневековом оформлении» [1: 17].

Таким образом, античные мифы о Кретее и Тиро, Амитаоне и Идомене, Бианте и Перо, Талае и Лисимахе, близкие к проблематике средневековых баллад и повести Карамзина «Остров Борнгольм», могли стать таинственными и драматичными сюжетами баллад Жуковского, но не стали, возможно, потому что мотив кровосмешения, центральный в этих мифах, показался русскому поэту рискованным. Также история царя Эдипа, переданная Аполлодором, не стала у Жуковского сюжетом баллады, но изучение мифического родословия Фиванского цикла было приготовлением поэта к работе с греческой драматургией [8: 469].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека / Издание подготовил В. Г. Борухович. Репринтное воспроизведение текста издания 1959 г. М.: Ладомир: Наука, 1993. С. 104.

[2] Аполлодор. Мифологическая библиотека… С. 16.

[3] Аполлодор. Мифологическая библиотека… С. 16.

[4] Аполлодор. Мифологическая библиотека… С. 16–17.

[5] Аполлодор. Мифологическая библиотека… С. 17.

[6] Аполлодор. Мифологическая библиотека… С. 17.

[7] Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. М.: Худож. лит., 1986. С. 113.
[8] Диодор Сицилийский. Греческая мифология: Историческая библиотека / Пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. С. 68.
[9] Гесиод. Каталог женщин, или Эои / Пер. О. Цыбенко // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. М.: Ладомир, 1999. С. 87–88.
[10] Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. / Пер. и вступит. статья С. П. Кондратьева. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 141.
[11] Гомер. Одиссея… С. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1966. 72 с.
2. Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 414, [2] с.
3. Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека / Издание подготовил В. Г. Борухович. Репринтное воспроизведение текста издания 1959 г. М.: Ладомир: Наука, 1993. С. 99–120.
4. Вацуро В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век / Под ред. П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Л.: Наука, 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. С. 190–210.
5. Ветшева Н. Ж., Жилякова Э. М. Баллады Жуковского // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Баллады. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 229–240.
6. Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: АН СССР, 1961. С. 193–226.
7. Кудреватых А. Н. Новаторство Н. М. Карамзина-психолога в повести «Остров Борнгольм» // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 46–52.
8. Лебедева О. Б. Немецкая и французская традиции восприятия античности в эстетических штудиях В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. III. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. С. 466–499.
9. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Боги и герои Древней Греции. М.: Слово, 2002. 278, [1] с.
10. Никонов В. А. Баллада // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1962. С. 422–423.

Kuykina E. S., Petrosavodsk State University (Petrosavodsk, Russian Federation)

ANCIENT PLOTS FROM APOLLODORUS'S WORK "MYTHOLOGICAL LIBRARY" IN V. A. ZHUKOVSKY'S CREATIVE PERCEPTION

The work "Mythological library", written by Apollodorus and later translated from French by Clavier, acquainted V. A. Zhukovsky with ancient mythology in 1805–1811. While reading the book, V. A. Zhukovsky made a series of notes and wrote a few comments to the plots he found interesting. There were the myths about Oedipus, Kretheus and Tyro, Amythaon and Idomena, Bias and Pero, Talaos and Lisimache. These mythological plots, unconventional by nature and similar to Zhukovsky's biography, are described in the article. V. A. Zhukovsky's emersion into the texts of "Mythological library" chronologically corresponds with the development of the ballad genre in his works. It is considered that by genre the written plots of that period were close to ballads. This approach was also shared by V. A. Zhukovsky. The myths introduced both diverse and contradictory understanding of the world.

Key words: V. A. Zhukovsky, ballad, reception, Apollodorus, notes on the margins, ancient mythological plots

REFERENCES

1. Balashov D. M. *Istoriya razvitiya zhanra russkoy ballady* [The history of the Russian ballad genre]. Petrozavodsk, Karel'skoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966. 72 p.
2. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske: Opisanie* [Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk: Description]. Compiler V. V. Lobanov. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 414, [2] p.
3. Borukhovich V. G. The ancient mythography and "The library" of Apollodorus [Antichnaya mifografiya i "Biblioteka" Apollodora]. *Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka* [Apollodorus. The Mythological library]. V. G. Borukhovich prepared the edition. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 1993. P. 99–120.
4. Vatsuro V. E. Literary and philosophical issues of Karamzin's short novel "The Bornholm Island" [Literaturno-filosofskaya problematika povesti Karamzina "Ostrov Borngol'm"]. *XVIII vek* [The XVIIIth century]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Collection 8: Derzhavin and Karamzin in literary movement of the XVIIIth – early XIXth century. P. 190–210.
5. Vetsheva N. Zh., Zhilyakova E. M. Zhukovsky's ballads [Ballady Zhukovskogo]. *Zhukovskiy V. A. Poln. sobr. soch.: V 20 t.* [Omnibus edition. 20 v.]. Vol. 3. Ballads. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 229–240.
6. Krestova L. V. An old Russian novel as a source of Karamzin's short novels "The Bird of Paradise", "The Bornholm Island", "The Martha Posadnitsa" [Drevnerusskaya povest' kak odin iz istochnikov povestey N. M. Karamzina "Rayskaya ptichka", "Ostrov Borngol'm", "Marfa Posadnitsa"]. *Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature* [Research and materials on old Russian literature]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. P. 193–226.
7. Kudrevatykh A. N. Innovation of Karamzin-psychologist in the short novel "The Bornholm Island" [Novatorstvo N. M. Karamzina-psikhologa v povesti "Ostrov Borngol'm"]. *Filologicheskiy class* [Philology class]. 2013. № 4 (34). P. 46–52.
8. Lebedeva O. B. German and French traditions in aesthetic studies of V. A. Zhukovsky [Nemetskaya i frantsuzskaya traditsii vospriyatiya antichnosti v esteticheskikh shtudiyakh V. A. Zhukovskogo]. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo v Tomske* [Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk]. Part III. Tomsk, Tomsk University Publ., 1988. P. 466–499.
9. Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Bogi i geroi Drevney Gretsii* [Gods and heroes of Ancient Greece]. Moscow, Slovo Publ., 2002. 278, [1] p.
10. Nikonov V. A. Ballad [Ballada]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Shot literary encyclopedia]. Vol. 1. Moscow, Sov. entsyklopediya Publ., 1962. P. 422–423.

Поступила в редакцию 28.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 93–100 **Дискуссии** **2016**

УДК 94(470)

ЛИДИЯ ПАВЛОВНА ГРОТ
кандидат исторических наук, директор, консалтингово-образовательное предприятие «НОРРКОН АБ» (Лулео, Швеция)
lpgroth@gmail.com

КАК ЛЕТОПИСНАЯ ЧУДЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В «ЭСТОНСКИЕ ПЛЕМЕНА»

Характеристика летописной чуди, принятая в современной науке, приводится в комментарии к Повести временных лет: «*чудь* – эстонские племена» [11: 383–384]. Но вплоть до конца XVII–XVIII века в русской исторической мысли было известно о народе чудь как носителе индоевропейских языков (ИЕ) и одном из предков современных русских. Например, иеродиакон Холопьего монастыря на реке Мологе Тимофей Каменевич-Рвовский в работе «История о начале Русской Земли и о создании Новгорода» (1699) писал о чуди как о потомках скифских жителей, вернувшихся с Дуная в Приильменье, в прежние места обитания. Эта же традиция была представлена русским летописанием XVII века (например, Мазуринский летописец последней четверти XVII века, Летописец Новгородский или Новгородская третья летопись и др.). Со второй половины XIX века вопрос о чуди как носителе ИЕ поднимали многие российские ученые. Чудь как носителя ИЕ определял крупнейший российский лингвист, палеограф, историк литературы, славист А. И. Соболевский (1856–1929) [3].

От внимания современных ученых ускользнул тот факт, что источником идеи о чуди как «эстонских племенах» была не наука, а политика, вернее, политический миф, рожденный в ходе развития политики Швеции XVII–XVIII веков. Прологом к истории превращения чуди в «эстонские племена» послужила политика шведских властей в окуппированных в ходе событий Смутного времени Ижорской и Водской землях, которые на шведских картах получили название Ингерманландии. Чтобы понять, как это произошло, надо дать краткое описание данной политики, в шведской историографии получившей название политики сегрегации и лютеранизации в Ингерманландии 1617–1704 годов, согласно шведскому историку А. Исбергу [18: 7].

Именно для идеологического обоснования политики сегрегации и был создан политический миф, приведший со временем к тому, что в науку было введено понятие «финно-угорский субстрат Восточной Европы», а летописная чудь получила трактовку «эстонские племена».

Следует принять во внимание, что политическая жизнь Швеции начала XVII века была окрашена угрозой обострения религиозной розни внутри страны, исходившей от низложенного в 1599 году короля Сигизмунда, убежденного католика, и его сторонников [18: 15–20].

Общая политическая обстановка в Швеции влияла и на политику шведской администрации в завоеванных землях, где также старались, так сказать, следовать веяниям из центра. Как отмечает шведский историк Юнас Нордин, исследовавший шведскую политику в XVII веке, основная проблема для шведской короны после Столбовского договора в оккупированных русских землях заключалась в инкорпорировании (выражение из шведских документов) православного населения в шведскую систему, то есть в обращении православного населения Ингерманландии в лютеранство [21: 73–80]. Это диктовалось тем, что шведской короне надо было получить в завоеванных землях верноподданическое население, пусть не по рождению, но хотя бы по лютеранской вере, которое признавало бы «право» облагать завоеванные области данью, что после Столбовского мира (1617) означало на деле идеологизацию получения выгод от контроля за русской торговлей хлебом, а после поражения в Северной войне – оправдание попыток реванша с целью возврата земель в устье Невы, где рос молодой Санкт-Петербург.

Для обслуживания политики лютеранизации в Стокгольме было создано центральное переводческое бюро со штатом переводчиков-русистов, имевшее местные отделения в Выборге, Нарве, Ревеле, Дерпте и др. [9: 150–152].

В 1628 году силами данного переводческого бюро было осуществлено издание малого катехизиса М. Лютера на русском и церковнославянском языках. Одним из переводчиков был Ханс Флёрих (Hans Flörich) из семьи немецких выходцев, обосновавшихся в Москве. Ханс Флёрих служил русско-немецким переводчиком Посольского приказа в Москве в правление Бориса Годунова и Василия Шуйского. После низложения Василия Шуйского Флёрих перешел на шведскую службу. В октябре 1612 года имел официальное зачисление как письменный переводчик в канцелярии Густава Адольфа [20: 47–66]. Среди других переводчиков можно назвать приглашенного в Стокгольм Исаака Торчакова, дьячка в Спасском приходе Ямгорода [11: 93–129].

© Грот Л. П., 2016

Однако, как отмечают шведские исследователи, православное население Ижорской и Водской земель, как финноязычное, так и русскоязычное, не обнаруживало никакой радости при виде открывшейся перспективы перейти в лютеранскую веру. Отмечая сопротивление, которое православное население оказывало обучению лютеранству посредством чтения катехизиса, шведский славист Пересветов-Мурат ссылается на данные шведских отчетов, в которых сообщалось, что православные хотят, чтобы «правильно читать и молиться» их бы учили священники по «их собственным русским книгам» [11: 122].

Это идейное противостояние со стороны населения Ижорской и Водской земель навязыванию чужеродной системы духовных ценностей – феномен, обращающий на себя внимание. Он указывает на то, что православное население, как финноязычное, так и русскоязычное, осознавало себя единой исторической общностью, право принадлежать к которой стремились отстаивать и защищать. Поэтому политика лютеранизации Ингерманландии постепенно стала принимать более жесткие формы. В 1640 году шведскими властями было принято решение о том, что православные священники будут контролироваться суперинтендантом Нарвы – новое звание, соответствовавшее званию епископа и утверждавшееся королевской властью. Первому суперинтенданту Ингерманландии Хенрику Стахелю было указано, что его главная задача – вынудить русских перейти в лютеранство (att draga den ryska nationen till vår religion). Но Стахель не справился с поставленной задачей, невзирая на грубые меры, включая и прямые военные нападения на православные святыни [18: 42–71].

В правление Карла XI (1660–1697) в завоеванных русских землях в качестве следующего шага вытеснения православия была пущена в ход вышеназванная политика сегрегации, то есть политика противопоставления православных води и ижоры «истинным» русским. В 1672–1678 годах суперинтендант Эрик Альбогиус стал проповедовать мысль о том, что финноязычные крестьяне вообще не должны рассматриваться как законные православные, а только как природные лютеране. Однако и он заметными успехами на поприще лютеранизации православного населения себя не прославил, ибо в отчетных документах сохранилась язвительная запись о том, что усилиями Альбогиуса «никто не был обращен в лютеранство, да и в будущем не будет» [18: 85–87].

Но начатый политический курс продолжил следующий суперинтендант Иоганн Гецелиус, назначенный в Ингерманландию в сентябре 1681 года. Под его руководством насильственному обращению в лютеранство ижоры и води была придана видимость восстановления исторической справедливости, для чего стали привлекаться аргументы «исторического» характера, согласно которым ижора и водь якобы когда-то переселились на эти земли из Финляндии (ingrer och voter invandrat från Finland). Их обращение в православие произошло только в период войны 1656–1657 годов, когда они бежали в пределы Русского государства, привлекаемые пышностью русских религиозных праздников. А раз они переселились из Финляндии, то должны исходно считаться подданными шведской короны и, следовательно, лютеранами. По своему происхождению, уверял Гецелиус, ижора и водь ближе к западногерманским традициям, чем к русским. Такие вот западногерманские финны!

Однако и данный курс политики лютеранизации не привел к успеху: Гецелиус отмечал, что сопротивление введению лютеранства в некоторых деревнях было настолько сильным, что когда лютеранские священники приезжали в деревню для проповеди, то почти все население пряталось в лесу. В некоторых деревнях только с помощью полицейских мер удавалось принуждать жителей присутствовать на лютеранских службах [18: 88–99].

Вот тогда-то для пропаганды «законности» оккупации стали усиливать обоснования «исторического права» Швеции на завоеванные в Смутное время новгородские земли.

Занимаясь исследованиями в области западноевропейских исторических утопий, я обратила внимание на то, что в западноевропейской истории еще с эпохи Возрождения получил развитие феномен информационных войн, где первейшим оружием являлся исторический материал, использовавшийся для переформатирования как исторического прошлого другого народа (например, для очернения или обирания в свою пользу истории другого народа), так и своей собственной истории (для возвеличивания собственного прошлого, где большую роль играл феномен выдуманной древности для обоснования собственного исторического права на те или иные ценности, например на какие-то территории) [2: 89–119].

В шведской историографии этот феномен известен со второй половины XVI века. Он получил развитие в лоне готицизма – специфического течения североевропейской общественной мысли, основу которого составило прославление древнего народа готов. В Швеции готицизм получил бурное развитие со времени правления короля Густава Вазы (1496–1560), который поддерживал всей мощью королевской власти миф о том, что прямыми предками шведов были древние готы.

С именем короля Карла IX (1550–1611) можно связать начало создания следующего шведского политического мифа, где использовалось манипулирование историей. В правление этого короля и явно при его поддержке стала создаваться новейшая версия «истории» Восточной Европы в древности. Для развития этой версии привлекли ни много ни мало древнегреческие мифы о гиперборeях, которых так же, как и готов, объ-

явили прямыми предками шведских королей, имя Гипербореи – имевшим скандинавское происхождение, а имена древнегреческих богов и героев – испорченными шведскими именами и пр.

На фоне нараставшей военной агрессии Швеции в Новгородской земле новый политический миф был призван доказать первенствующую роль предков шведов в истории Восточной Европы, которые, по созданной мифологической историософии, якобы уже в гиперборейские времена обживали Восточную Европу задолго до других народов, ходили и до Черного моря, и далее – до греческих островов. «Гиперборейские открытия» (выражение шведского историка Ю. Нордстрёма) были сделаны Юханом Буре, влиятельным сановником Карла IX и учителем будущего короля Густава II Адольфа (1594–1632), а потом продолжали набирать обороты в трудах учеников и последователей Буре.

Завершение военных действий в Русском государстве на весьма выгодных для Швеции условиях рассматривалось королем Густавом Адольфом как безусловное доказательство того, что он достойный продолжатель готских деяний в Восточной Европе и что теперь все завоеванные земли должны стать полностью шведскими (ошведиться – försvenskas) [24: 30–37]. А последовавшие затем неудачи политики лютеранизации русских земель только подтолкнули развитие политического мифотворчества с использованием истории, вернее с использованием исторических фальсификатов, в обоснование прав на территорию Русского государства.

В 1675 году в Лундском университете Эрик Рунштеен защитил диссертацию «О происхождении свео-готских народов», в которой, развивая фантазию о переселении свея-готского народа из Швеции в Скифию, утверждал, что этнонимы Восточной Европы – скандинавского происхождения: аланы получили свое имя от провинции Олодингер (Ålåndingar et Olåndingar), а роксоланы – имя выходцев из Росландии (Roslandia) или Рослагена (Roslagia) [9: 269].

В 1670 году шведский писатель и профессор медицины Олоф Рудбек (1630–1702) начал работать над «Атлантидой», пространной фантазией на темы древнешведской истории, где, доказывая основоположничество Швеции в древнегерманской, древнегреческой и древнерусской культурах, объединил в своем увесистом труде величественные миражи готицизма и шведскую гипербореаду. Но к прежним историческим «находкам» шведского политического мифа Рудбек добавил и новые идеи, которые имеют конкретный интерес для данной статьи.

Во втором томе «Атлантиды», вышедшем в 1689 году, Рудбек «упорядочил» этническую картину в Восточной Европе в древности. Как было показано выше, шведские власти в Ингерманландии несколько подзапутались в том, откуда выводить «западногерманских» финнов и как обосновать законность их подчинения шведской короне. Но Рудбек решил эту проблему. Он провозгласил, что в послегиперборейские времена древнейшим населением Восточной Европы, начиная с севера и вплоть до Дона, сделались финны, а славяне или русские жили много южнее. Финны были подчинены предкам шведских королей – гиперборейским скифам (Yfwerborne Skythar), покорившим постепенно Азиатскую Сарматию до Каспийского моря и другие страны. Кроме того, шведские короли подчинили также эстов, живших на берегу Балтийского моря. И так продолжалось, согласно Рудбеку, до тех пор, пока татары не подчинили себе Азиатскую Сарматию [22: 174–199].

Все аргументы Рудбека были взяты из воздуха, однако такова была обычная манера того времени. Со временем большинство фантазий Рудбека на исторические темы стали считаться курьезами, но его этнической картине Восточной Европы в древности была суждена другая судьба.

Дело в том, что в Шведском королевстве Рудбека зубрили во всех учебных заведениях еще в XVIII веке, включая и учебные заведения Финляндии, которая была частью Шведского королевства. Известный шведский историк XX века Хенрик Шюк отмечал, что фантазии рудбековской «Атлантиды» в Швеции конца XVII–XVIII века заучивались как святыня, сравнимая только с Аугсбургским символом веры (официальный вероисповедальный документ – богословская норма лютеран) [25: 30].

Шведские историки, избиравшие своей темой показ древних корней шведского владычества в Восточной Европе, в качестве основного источника для своих диссертаций использовали «Атлантиду» Рудбека и весь ее миражный гигантизм, который мыслился как реальная история древней Швеции [26: 138].

Исследователь готицизма и рудбекианизма Ю. Свеннунг охарактеризовал «Атлантиду» как произведение, где шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда [27: 91]. Эта характеристика прекрасно подтверждается использованием «Атлантиды» в Ингерманландии. Современный шведский историк Юнас Нордин подчеркивал, что «Атлантида» Рудбека играла важную роль в утверждении идеи о западногерманском происхождении Ингерманландии и, соответственно, «законности» окупации русских земель [21: 77].

Так, вышеупомянутый суперинтендант И. Гецелиус со ссылкой на Рудбека стал в официальных документах утверждать, что предки шведов и финнов были самыми древними поселенцами на севере Восточной Европы, поэтому Ингерманланд – это исконно древнешведская территория, и русские цари не могут считаться ее законными властителями [18: 100–109].

Для данной статьи принципиально важно выделить два момента в утверждениях Рудбека.

Во-первых, это его слова о том, что еще во времена «гиперборейских скифов» Восточная Европа вплоть до Дона была населена финнами, которые находились в подчинении шведо-гипербореев, а русские в то время жили южнее, хотя постепенно тоже были покорены древнешведскими королями. Во-вторых, это упоминание Рудбека об эстах, живших на берегу Балтийского моря, которые также были подчинены предками шведских королей.

Оба названия *эсты* и *финны*, заимствованные от античных авторов, переносились на карты восточной Балтики, на колонизованные земли в ходе датских и шведских крестовых походов, организуемых с конца XII–XIII века. Поэтому в период после Столбовского мира шведская политика в Ингерманландии и других «инкорпорированных» землях была заинтересована в закреплении в обиходе названий *финны* и *эсты*. Потому-то для Рудбека было политически корректным постулировать, что на северо-западе Восточной Европы древнейшим населением были финны и эсты, управляемые шведскими королями, а русских здесь и близко не было.

Этот постулат Рудбека и вымостил в будущем путь для оформления идеи о финно-угорстве летописной чуди в тот момент, когда развитие шведского политического мифа потребовало знакомства с русскими источниками. В них обнаружили древний народ чудь, сведения о котором без каких-либо обоснований стали соединять с Рудбековскими финнами, якобы населявшими Восточную Европу «вплоть до Дона», и с эстами.

Дополнительное внимание рудбековскому мифу о финнах, с древности заселявших Восточную Европу, было обеспечено финским соответствием шведскому рудбекианизму – финским мифом о вымышленном величии финской истории в древности.

Епископ и профессор в университете Або (современный Турку) Даниель Юслениус (1676–1752) в 1700 году начал полемику с Рудбеком. Возражая Рудбеку, который уверял, что шведы принесли науку и письменность в Древний Рим, Юлениус заявил, что все эти знания шведы получили от финнов, но завистливые шведы, завоевав Финляндию, уничтожили все следы древней финской культуры для того, чтобы сломить финский патриотизм [17: 113–123].

После окончания Северной войны по Ништадтскому миру Швеция потеряла завоеванные ранее русские земли: и Ингерманландию, и Лифляндию, и Эстляндию, то есть Ижорскую и Водскую земли, Ивангород, Корелу, земли вокруг Ревеля (Колывани), Дерпта (Юрьева) и др. Потеря этих земель воспринималась и шведскими властями, и шведским обществом как вопиющая историческая несправедливость, настолько картины выдуманной Рудбеком древнешведской истории глубоко въелись в шведское сознание. Понятное дело, что при таком менталитете ни шведское общество, ни шведские политики не могли смириться с условиями Ништадтского мира.

В течение второй половины XVIII века Швеция дважды нападала на Россию: в 1741 и 1788 годах. Этим нападениям был положен конец только с окончанием русско-шведской войны 1807–1809 годов и включением Финляндии в состав Российской империи.

Готовясь к военным действиям против России, шведские власти, естественно, учитывали и возможности информационной войны, развернутой на фронте исторических фантазий, «обосновывавших» права Швеции на восточноевропейские земли. Не надо думать, что обработка международного общественного мнения перед началом военных действий – современное изобретение. Вполне естественным было то, что как раз в период после Ништадтского мира и перед военными нападениями на Россию в 1741 и в 1789 годах в среде шведских историков заметно активизировалась тематика, связанная с великой миссией шведов и красочно расписанная в «Атлантиде» Рудбека.

В 1734 году в диссертации шведского историка из Або Альгота Скарина в первый раз рудбековские финны (finnarna) и эсты (estarna) были соединены с именем летописной чуди. Кроме того, Скарин ввел хорошо известный в современной науке хронологический ограничитель для начала русской истории, то есть стал делить историю России (или Восточной Европы) на два периода: «до расселения славян» и «после расселения славян», законсервировав тем самым все еще достаточно расплывчатые образы Рудбека о славянах или русских, живших где-то в южных землях и расселившихся в Восточной Европе позднее финнов и «татар».

По утверждениям Скарина (нет необходимости говорить о том, что утверждения были исключительно голословны), Россия, в древности являвшаяся одной из областей империи Одина, до расселения славян была населена гуннами. Здесь на великих просторах якобы возник свеяготский рейх, куда с юга вторгались славяне или венды, которых тоже удалось подчинить и сделать данниками. Но в V веке гунны, сообщает Скарин, покинули эти места, и в опустевших областях стали распространяться славяне и венды, ищя нового места жительства [19: 355–362], [24: 263–276].

В западноевропейской науке высказывалось мнение, что Скарина следует считать первым шведским или даже первым западным исследователем, обратившимся к русским источникам, а именно к ПВЛ и Степенной книге. Так пишет о Скарине немецкая исследовательница Биргит Шольц. Правда, до сих пор остается неизвест-

ным, подчеркивает Шольц, какими переводами пользовался Скарин, ведь русского языка он не знал и читать русские источники в оригинале не мог [26: 275].

Финский историк Арто Латвакангас также полагал, что Скарин мог получить фрагментарный перевод летописей, однако он не уточнял, кто и как делал ему этот перевод. Альгот Скарин отметил только в своей диссертации, что швед Линдхейм привез из России ценные славянские хроники, которые Скарин назвал Poviest vremianich и Kniga stepennaja [19: 287–288].

Вопрос о том, кто переводил Скарину ПВЛ, важен, поскольку отрывок из ПВЛ, где рассказывается о призвании варягов, содержит в диссертации Скарина фальсификацию сведений о летописной чуди, проникшую постепенно в русскую историческую литературу и глубоко в ней укоренившуюся. Передавая начало Сказания о призвании варягов, Скарин написал, в частности, о том, что русские хроники сообщают, что около 863 года после P. X. Ziudi, под которыми имелись в виду Fenni, Estones (!), а также Slavoni, Krivitzii и Meriani платили варягам дань («...N.C. 863. circiter, dicantur Ziudi h. e. Fenni, Esthones, Slavonii, Krivitzii & Meriani annuum tributum Varegis exsolvisse..») (цит. по: [23: 76], [24: 275]).

Известно, что никаких пояснений относительно чуди русские летописи не содержали. Это рудбековских финнов и эстов мы видим в диссертации Скарина, вставленных им в качестве политически корректного комментария к тексту летописи. Науки за этим комментарием – ни грана. Но «Fenni» и «Estones» в качестве дославянского населения Ингерманландии и Ливонии в первой трети XVIII века входили в образовательные программы на шведских университетских кафедрах. В период же после Ништадтского мира, когда тоска по реваншу томила политическую мысль Швеции, и в условиях подготовки военных кампаний против России требовались новые «находки» в поддержку шведского политического мифа о финнах как древнейших подданных предков шведских королей.

Но, очевидно, появилась мысль представить такие «находки» как бы извлеченными из русских источников, а кроме того, представить дело так, что эти «открытия» были сделаны сначала в России. Такое впечатление создается после рассмотрения совокупности всех фактов, связанных с появлением заявлений о тождестве «Fenni» и «Estones» с летописной чудью.

На первый взгляд представляется, что точкой отсчета по «вбрасыванию» в западную историческую литературу образа чуди как «Fenni» и «Estones» можно считать диссертацию А. Скарина, защищенную в 1734 году в Або. Поскольку через год после защиты диссертации Скарином, в 1735 году, как известно, публикуется статья Байера «De Varagis», и, пожалуйста, там уже вовсю тиражируется шведская выдумка о чуди: «Когда же писатели русские свидетельствуют, что в 859-м году по рождестве Христовом чуды или чудь (либо естландцы и финландцы), славяне и кривичи варягам платили дань...» [1: 358], [16: 304]. Получается, что Байер шел по следам Скарина. Однако все не так просто. Есть основания полагать, что именно Байеру первому досталось озвучить тождество чуди и «естляндцев и финландцев», хотя произошло это незаметно для научной общественности.

Известно, что Байер, прибыв в Петербург в феврале 1726 года в возрасте 32 лет на кафедру древности и восточных языков Петербургской академии наук, так и не овладел русским языком, поэтому к 1735 году, то есть к моменту публикации его статьи «De Varagis», не мог читать русские летописи. За годы жизни в Петербурге он занимался «греческими и римскими древностями», посвящал время исследованиям «по части литератур манжурской и монгольской», «все свободное время употреблял на изучение браминского языка (санскрита)» [10: 188–189]. Сейчас можно со всей определенностью сказать, что и интерес Байера к древнерусской истории, и само написание статьи «De Varagis» очень активно стимулировались его шведскими коллегами. Подробно я рассказываю об этом в ряде моих работ (см., например: [4: 35–46]).

Как уже отмечалось, шведские общественные и политические деятели для привлечения симпатий к своей внешней политике были заинтересованы в обработке общественного мнения в европейских странах с помощью политического мифа, содержавшего фальсификаты русской истории. Европейские академические и университетские круги были подходящим контингентом для тиражирования мифа, отсюда и настойчивое внимание шведских деятелей к Байеру после его переезда в Петербург. Известно, что выхода статьи Байера «De Varagis» ожидали в Швеции с большим нетерпением. Скарин упоминал, что ее выхода ожидали в Або еще в 1734 году, вероятно, расчитывая, что статья будет опубликована как раз к защите Скариновой диссертации. И полагаю, что в рамках этих тесных контактов шведских деятелей с Байером шведами была подброшена мысль о летописной чуди как «Fenni» и «Estones» со ссылкой на Рудбека, горячим поклонником которого был Байер.

Следует вспомнить, что Байером был написан целый ряд других работ, помимо пресловутых «De Varagis». В частности, для нас интересна статья «Geographia Russiae ex scriptoribus septentrionalibus», которая была опубликована в «Комментариях Петербургской академии наук», в X томе 1747 года (русский перевод – в 1767 году). В. Н. Татищев включил русский перевод статьи в свою «Историю Российскую»

под названием «Из книг северных писателей, сочиненное Сигфрид Беером», глава 17. Тема статьи определяется Байером в первых строках: «Когда я в географии народов, с Руссиею соседственных… полуденные пределы и границы в прежнем разглагольствовании описал, так ныне северные намерен описывать. Я имею говорить о чуди, эстлянцах, ливонцах, мериантах, ярменцах, инграх, корельцах и финланцах… ибо о варягах в особливом разглагольствовании я говорить буду» [13: 208].

Хотя эта статья была опубликована позднее статьи «De Varagis», но из ее контекста явствует, что написана она была ранее. Задача «географической» статьи обозначена четко: «…имею говорить о чуди, эстлянцах, ливонцах, мериантах, ярменцах, инграх, корельцах и финланцах», и несколькими фразами ниже эта задача с легкостью решается Байером: «...в древностех российских некоторые дела так описанные, по которым довольно известно, что чудь была финляндцы» [13: 208]. Байер не указывает, в каких именно «древностях российских», то есть в каких русских источниках сообщается о чуди как о «финландцах». Но статья Байера на латыни была расчитана в большей степени на западноевропейскую публику, которая уверения Байера о том, что русские источники говорили именно так, как пишет он, Байер, приняла бы за вполне достоверные.

Тот факт, что данная статья была опубликована только в 1747 году, явно не помешал шведским коллегам Байера ознакомиться с ней до опубликования. Ибо то же самое было и со статьей «De Varagis». Так, Скарин в диссертации называет Байера своим вдохновителем и сообщает, что исследование Байера о варягах служило ему импульсом еще в 1729 году [19: 355–356]. Иначе говоря, уже за несколько лет до публикации байеровской статьи «De Varagis» в шведском окружении Байера ее активно обсуждали.

Статья Байера, где рассуждалось о чуди как о «финланцах», была принципиально важна для шведов. Во-первых, Байер тиражировал Рудбека, населившего финнами древнюю Восточную Европу до Дона, и Скарина, повторяя в своей статье положения шведского мифа: «...я верю, что весь оный корпус финский в прежние времена так соединен был, что от самого Балтиского моря почти до Волги простирался... Славяне же, победивши финландцов, потом в середине поселились промеж эстландцами и финландцами при Балтиском море» [13: 209]. Во-вторых, Байер очень ловко вставлял фразы о том, что приводимые им сведения исходят и от «россиян», то есть создавал иллюзию использования им русских источников. Но сам он русские источники исследовать не мог, поэтому вполне вероятно, что и на мысль «говорить о чуди» его натолкнули шведские коллеги, оказав помощь и с переводом фрагментов русских источников.

Например, в качестве доказательства финно-угорской принадлежности летописной чуди Байер отождествлял чудь с названием «чухно» и приводил такой аргумент: «Також Корелия и великая часть Финляндии и по се число от россиян Чухонскою землею, обыватели же оные чухнами называются..» [13: 208]. Татищев замечает на это: «Корелия и Финляндия никогда чудь не именованы», но Байер подобными глубокими знаниями не обладал. Однако для того, чтобы натолкнуться на слово «чухно» в летописных текстах, надо было внимательно проштудировать такие летописи, как Псковские и Софийские. Для такой кропотливой работы с летописями требовались не просто толмачи, а знатоки, хорошо ориентировавшиеся в летописном материале. Явно уже для написания данной статьи Байер пользовался помощью со стороны. Возможно, дальнейшее изучение переписки Байера со шведскими деятелями прояснит этот вопрос.

Полагаю, что статья о чуди была написана Байером в 1730–1731 годах. Потому что в 1732 году Миллером был опубликован немецкий перевод одного из списков Радзивиловской летописи, в котором непонятным образом вдруг появился комментарий, по содержанию слово в слово совпадавший с комментарием из диссертации Скарина, готовившейся к защите в 1734 году.

Перевод Радзивиловской летописи был заказан И. В. Паусу (1670–1735), выходцу из Тюрингии, бывшему одно время переводчиком при Академии наук, и опубликован в первом томе немецкоязычного журнала по русской истории «Sammlung russischer Geschichte» (1732), с инициативой издания которого выступил сам Миллер [7], [14: 16], [18: 199]. Перевод был снабжен комментариями Миллера, и эти комментарии, как было отмечено выше, совершенно идентичны сфальсифицированным сведениям о чуди в диссертации Скарина. Текст перевода летописи на стр. 4, где перечисляются «русь, чудь и все языци...», сопровождался таким миллеровским комментарием к имени чудь: «под этим именем мы видим русов, финнов...». На стр. 10 аналогичное заботливое пояснение: «Tchudi – в русской истории финны или финские эстляндцы». Тон комментариев совершенно безапелляционный. Логично предположить, что подобную самоуверенность Миллеру могла придавать осведомленность о неопубликованных «изысканиях» Байера относительно чуди и обсуждение этого вопроса со шведскими коллегами Байера.

Так начинался триумфальный путь чуди, превращенной в «финнов или финских эстляндцев» шведским политическим мифом при содействии Байера и Миллера. В 1734 году, через пару лет после выхода первого номера «Sammlung russischer Geschichte» с миллеровскими комментариями

о чуди, публикуется вышеприведенная диссертация Скарина, где он также безапелляционно дополняет ПВЛ: «Ziudi, под которыми имелись в виду Fenni, Estones…», не давая каких-либо ссылок или пояснений и тем как бы придавая своему комментарию вид давно доказанного и общеизвестного. А в 1735 году Байер в «De Varagis» с аналогичным апломбом заявляет, что чуды или чудь – это «финландцы либо естландцы».

Никаких доказательств ни у Миллера, ни у Скарина, ни у Байера по поводу названных комментариев к ПВЛ не приводилось, тем не менее скариновская версия истории Восточной Европы, из которой русские изгонялись вплоть до V века, сделалась основополагающей и для последующих работ Миллера, например, тиражировалась им в пресловутой диссертации/речи «О происхождении имени и народа российского», произнесенной в сентябре 1749 года [8: 372, 396].

Совершенно справедливой представляется отповедь Ломоносова Миллеру, который в возражениях на его диссертацию заявил, что у Миллера сведения русских источников «дерзновенно опровергаются» [6: 412].

После Миллера активным пропагандистом шведского мифа становится Шлецер. Вот что можно прочитать у него о чуди там, где он разбирает перечень народов, названный летописцем в «Афетовѣ же части»: «...очень видно, что Нестор исчисляет здесь древнейшие народы, начальных жителей России; а нельзя оспорить того, что **Руссы пришли в нее гораздо позже** (выделено мною. – *Л. Г.*) ...Исчисляет здесь одни только Финские и Летские племена, а Русов не причисляет ни к которому из оных… Здесь под Чудью разумеются нынешние Эсты (Естландцы)... Они составляли особенный самобытный народ, хотя и были в тесной связи с соседними Славянами, с коими вместе призвали трех братьев...» [15: 62–65].

Известно, что безапелляционное тиражирование Байером, Миллером и Шлецером идей шведского политического мифа, в конце концов, оказало свое влияние на российскую историческую мысль. С конца XVIII века, то есть параллельно с распространением Миллером и Шлецером шведских конструктивов в российской исторической мысли, в столичных кругах российского общества стала распространяться галломания, сторонники которой постепенно прониклись верой в то, что свет идей может идти только с Запада, поэтому и фантазии шведского политического мифа, оформившиеся как норманизм, считались отражением передовых западных взглядов в исторической науке. Уже в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина мы видим концентрат этого мифа, вполне освоенный сознанием просвещенных российских кругов, включая и чудь как финские народы. В главе II, раскрывая тему «Финские или Чудские народы в России», Карамзин передал Скариновскую трактовку мифа о чуди как «финнских племенах», не забыв, вслед за Миллером, презрительно отозваться о русских источниках [5: 18–24, прим. 70].

Следующим этапом в развитии данных представлений, порожденных в лоне мифологизированной шведской историографии, стала деятельность крупных финских филологов и фольклористов, таких как А. М. Шёгрен (1794–1855), М. А. Кастрен (1813–1853), Д. Европеус (1820–1884) и др. Эти финские деятели культуры принадлежали поколению финской интеллигенции, сложившемуся на волне пробуждения национального самосознания в Финляндии в первой четверти XIX века. Тогда образованные круги финского общества с энтузиазмом обратили свои усилия на изучение финского языка, финского фольклора для того, чтобы исследовать корни народной культуры и показать место «финского племени» во всемирной истории.

Заслуги названных ученых перед мировой наукой в области языкознания и литературы бесспорны, но историю они учили под безусловным влиянием стереотипов шведского рудбекианизма, откуда и почерпнули свои представления о финнах как первых насельниках в Восточной Европе. С этими взглядами они начали свой путь в российской науке, уже априорно имея перед своим взором картину сплошного финно-угорского мира, якобы существовавшего в древности от Саян до Балтики и давшего, в частности, на севере Восточной Европы первое, в языковом отношении определяемое население – носителей финно-угорских языков.

Произошло так, что шведский политический миф, созданный для идеологизации военных нападений на Россию, пережил заданную для него политическую цель: политика потерпела сокрушительное поражение, а миф получил прописку в российской (и не только в российской!) исторической науке, в силу чего полноценное изучение начального периода русской истории в Восточной Европе было заблокировано на длительное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байер Г. З. О варягах // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
2. Грот Л. П. Политический миф норманизма // Русское поле. Научно-публицистический альманах. № 4/2013 – № 5/2014.
3. Грот Л. П. Русь и чудь в древнерусской истории // Вопросы сохранения исторического наследия: к 250-летию со дня рождения выдающегося русского историка Н. М. Карамзина и 200-летию начала выхода его «Истории государства Российского»: Сб. материалов науч. конф. по проблемам гуманитарных наук, Липецк, 9–10 октября 2015 г. Липецк, 2015. С. 85–102.

4. Грот Л. П. Шведские ученые как наставники Г. З. Байера в изучении древнерусской истории // Вестник Липецкого университета. Научный журнал. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 1 (6). С. 35–46.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. I. М., 1988. 155 с.; Примечания к I тому (70). 150 с.
6. Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
7. Меркулов В. И. Герард Миллер: от увлечения к исследованию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pereformat.ru/2012/02/mueller/ (дата обращения 16.08.2015).
8. Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа Российского // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.
9. Мыльников А. С. Славяне в представлениях шведских ученых XVI–XVII вв. // Первые Скандинавские чтения. СПб., 1997.
10. Пекарский П. История Императорской академии наук в Петербурге. Том первый. СПб., 1870.
11. Пересветов-Мурат А. Исаак Торчаков – ингерманландский diak // Novgorodiana Stockholmiensia. Stockholms universitet, Slaviska institutionen. 2012.
12. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перец. 3-е изд. СПб., 2007.
13. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М., 1994. 500 с.
14. Фомин В. В. Варяги и варяжский вопрос. М., 2055. 488 с.
15. Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Ч. I. СПб., 1809.
16. Bayeri Th. S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus IV. Petropoli, 1735.
17. Elmgren Ainur. Kalevala. Finlands epos – myt och historia som nationens stöttepelare. Scantia, 2008.
18. Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617–1704. Studia historico-ecclesiastica Upsalensia 23. Uppsala, 1973. 189 s.
19. Latvakangas A. Riksgrundarna.Turku, 1995.
20. Maier Ingrid, Droste Heiko. Från Boris Godunov till Gustav II Adolf: översättaren Hans Flörich i tsarens och svenska kronans tjänst // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. Uppsala, 2010. № 50.
21. Nordin J. Ett fattig men fritt folk. Stokholm; Stehag, 2000. 527 s.
22. Rudbeck O. Atlands eller Manheims. Tredje delen. Uppsala och Stockholm, 1947.
23. Scarin Algot. De originibus priscae gentis varegorum: Diss. Aboae, 1734.
24. Scholz Birgit. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswessenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographi. Wiesbaden, 2000.
25. Schűck H. KGL. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. Stockholm, 1932.
26. Schück H. Den äldre Peringskiölds tid // KGL.Vitterhets historie och Antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. I–VIII. Stockholm, 1932–1944. B. IV.
27. Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. 118 s.

Поступила в редакцию 16.12.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 101–102 **Рецензии** **2016**

УДК 811.161.1

ИННА ПАВЛОВНА ИВАНОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
innapavlov42@mail.ru

Рец. на кн.: **Патроева Н. В. Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX–XX веков. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. – 102 с.**

Культурное значение настоящих литературных памятников заключается, во-первых, в том, что с течением времени они не устаревают, а открывают новые возможности для их исследования, а во-вторых, именно благодаря этому качеству как литературоведы, так и лингвисты находят ответы на интересующие их вопросы. Именно таким памятником и является «Слово о полку Игореве», обращение к изучению грамматического строя и архитектоники которого является предметом исследования данной монографии. Д. С. Лихачев писал о «Слове…»: «Только в детальном, кропотливом и высококвалифицированном изучении раскрывается вся его художественная мудрость, вся его неповторимая, единственная и вместе с тем традиционная и “почвенная красота”» [1: 4].

Монография Н. В. Патроевой представляет детальное изучение грамматической эволюции синтаксического строя русского языка в его связи с архитектоникой текста «Слова…»; также в книге подробно описаны синтаксические особенности в поэтических переложениях «Слова…» трех поэтов: В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. А. Заболоцкого, отразивших в этих переводах как общие тенденции синтаксического строя русского литературного языка, так и стилистические особенности древнерусского шедевра и черты собственного индивидуально-авторского слога.

Представленная четырьмя главами, в которых рассматриваются синтаксические особенности оригинала «Слова…» и трех его поэтических переложений, данная работа, с одной стороны, дополняет ранние обращения ученых к синтаксису памятника, на которые ссылается Н. В. Патроева, а с другой стороны, в ней тщательно и подробно характеризуется синтаксический строй в поэтических текстах указанных авторов, передающий индивидуальные особенности поэтов.

Анализ синтаксической организации «Слова…» автор монографии не случайно начинает с частотных в тексте бессоюзных конструкций, так как их полифункциональность является специфической и очевидна и в близости к фольклорным источникам, и в несходстве со строем других древнерусских памятников, и в разнообразии смысловых отношений между частями предложений, и в обилии всякого рода усложнителей.

Все это определяет свойственную древнерусскому источнику неповторимую художественную атмосферу и, по справедливому замечанию Н. В. Патроевой, требует от читателя или слушателя «внимания как к композиционному движению стиха, так и к ассоциативно-образному ходу мысли». Автором отмечается и растущая тенденция к выражению разного рода подчинительных отношений, что подтверждает мнение исследователей о сочетании в «Слове…» разных стилей – от фольклорного до книжного.

Существенным дополнением к характеристике предложений в «Слове…» является раздел об односоставных предложениях, в котором на материале синтаксически неоднозначных конструкций объясняется такое свойственное «Слову…» явление, как амфиболия.

Несомненным сходством с фольклорными текстами и определяющим близость «Слова…» к ним является отмечаемая автором монографии грамматическая организация осложненных предложений. Обилие обращений, именных синтагм способствует созданию синтаксических изоколон, что, по наблюдению В. П. Москвина, является яркой приметой былинного и песенного стихосложения и способствует, уже по утверждению Н. В. Патроевой, ритмизации текста.

Интересно, на наш взгляд, представлены в работе 5–6-й разделы I главы, где рассматривается вопрос о характере текста древнерусского памятника как прозаического или поэтического. Эта тема волновала ученых давно и нашла отражение во многих исследованиях, посвященных «Слову…» (см., например, одну из последних работ, посвященных переводам «Слова…»: [2]). На наш взгляд, справедливо замечание Н. В. Патроевой, во-первых, о неслучайных поэтических переложениях «Слова…», во-вторых, о ритмической упорядоченности текста, создающейся разными средствами, в том числе и рассматриваемыми в работе разными видами повторов, ритмо-мелодическими отсылками к разным частям песни, что подтверждает мысли о поэтическом характере «Слова…».

© Иванова И. П., 2016

Это же ритмическое построение тесно связано и с композиционной организацией «Слова…». Шестая часть I главы как раз и описывает связь композиции текста и его синтаксического строя, и в этом сопоставлении проясняется поэтическая архитектоника стиха. Автором отмечается закрепленность синтаксической конструкции за определенным типом композиционного фрагмента. Это то, что Б. М. Гаспаров назвал «зеркально-симметричным кольцевым построением». Но на общность синтаксических конструкций и фрагментов текста в рассматриваемой монографии указывается впервые.

Несомненной удачей можно считать последующие главы, в которых рассматривается синтаксис поэтических переложений разных временных эпох В. А. Жуковского, А. Н. Майкова и Н. А. Заболоцкого.

Характеризуя перевод В. А. Жуковского, автор указывает на близость перевода к оригиналу, так как «текст переложения по количеству предложений совпадает с оригиналом». Но вместе с тем в поэтическом изложении В. А. Жуковским «Слова…» отмечается частотность осложняющих предложение синтагм: обилие деепричастных оборотов, обособленных предложений, сравнительных оборотов. В то же время В. А. Жуковский (и это подчеркивается автором) стремился сохранить и передать особенности ритмико-интонационного «грамматического строя оригинала».

Что касается сопоставления «Слова…» и перевода А. Н. Майкова, то, по наблюдениям Н. В. Патроевой, здесь больше синтаксических изменений: именно этим объясняется замена сложных конструкций простыми или появление другой связи в сложных предложениях, чего требовала ритмо-метрическая схема стиха. Этому способствует и трансформация односоставных предложений в двусоставные, и замена видов односоставных предложений, что, безусловно, важно для поэта с точки зрения необходимости передачи модально-оценочных смыслов.

Несколько иное предстает в поэтическом переводе Н. А. Заболоцкого (и это тонко подмечено автором работы). Во-первых, увеличивается число сложных предложений, особенно сложноподчиненных. Во-вторых, разнообразнее становятся смысловые связи как в сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложениях. Появление разных отношений в сложных предложениях в переводе Н. А. Заболоцкого и обилие разного рода значений в тексте А. Н. Майкова не только сближает эти переводы в передаче богатых смысловых оттенков, но и характеризует направленность русского синтаксиса, выражающуюся в стремлении языка к аналитизму, к частоте сегментированных конструкций, в том числе и парцеллированных, что является уже свойством современного синтаксиса.

Анализ синтаксической организации «Слова…» и его поэтических переложений, предпринятый Н. В. Патроевой, представляет собой значительный вклад в изучение развития синтаксиса русского языка в целом и синтаксиса «Слова…» как замечательного памятника русской литературы в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худ. лит., 1985. 352 с.
2. Орлицкий Ю. Б. Два вельтмановых перевода «Слова о полку Игореве»: от «искусственного изящества» к «естественной красоте» // Мир романтизма. 2000. № 3 (27). С. 136–141.

Поступила в редакцию 01.02.2016

№ 1 (154). С. 103–105 **Рецензии** **2016**

УДК 069.4(4/9)

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КАЩЕНКО
доктор исторических наук, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
s.kaschenko@spbu.ru

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА КАЩЕНКО
кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e.kaschenko@spbu.ru

Рец. на кн.: **История Выборга в документах и материалах. Т. 1, ч. 1. Памятники Российского законодательства XVIII – начала XIX вв. Т. 1, ч. 2. Отчеты губернаторов 1804–1811 гг. / Сост. С. Г. Кащенко, Т. В. Богданова, К. Б. Назаренко, Н. Г. Рогулин, В. А. Иваненко, Е. С. Кащенко, Е. В. Костригина / Под ред. проф. С. Г. Кащенко. СПб.; Выборг: «Издательство “Лема”», 2015. 328 с.**
История Выборга в документах и материалах. Т. 2. Вторая половина XVIII – начало XIX вв. / Сост. Т. В. Богданова, Э. В. Летенков, М. А. Маркова, Н. Г. Рогулин / Под ред. проф. С. Г. Кащенко. СПб.; Выборг: «Издательство “Лема”», 2015. 348 с.*

В 2013 году Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и Академией Финляндии был объявлен конкурс научных проектов в области гуманитарных наук[1], направленный на изучение «социогуманитарных проблем человеческого разума». Исследования должны были проводиться в 2014–2016 годах. Один из проектов, получивших одобрение, «Пространство Города: смысл и восприятие в прошлом и настоящем. Кросскультурное исследование истории Выборга XVI–XXI веков / Meanings of the Town Space in Past and Present. Cross-cultural Studies on Vyborg Town from the 16th to the 21th Century» (Грант РГНФ № 14-21-18001 а/м), был подготовлен учеными Института истории Санкт-Петербургского государственного университета и Департамента географических и исторических исследований Университета Восточной Финляндии[2]. Новое междисциплинарное исследование направлено на изучение городского пространства Выборга, сформировавшегося в результате исторических процессов, нашедших отражение в образах, воспроизводимых человеческим сознанием и отложившихся в исторической памяти. В ходе реализации проекта предполагается изучение наиболее значимых событий в жизни города, которые повлияли на восприятие элементов городского пространства разными поколениями его жителей.

Выборг, занимающий важное стратегическое положение в Прибалтийском регионе, в свое время входил в состав Швеции, Российской империи, Великого княжества Финляндского, Финляндии, СССР и Российской Федерации. Его многонациональное население, включавшее представителей разных религиозных конфессий и социальных слоев, создавало реально существующий и «ментальный» город, изучение которого представляет интерес для историков, географов, психологов и социологов. В поле зрения исследователей попадет не только исторически сложившийся «физический» облик города. Значительный интерес представляет смысловая нагрузка, которую несут значимые в экономическом, политическом и культурном плане городские объекты. Документальные материалы, сохранившиеся в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, Выборга, Хельсинки и Стокгольма, дают хорошую возможность для осмысления сложившихся городских образов, объяснения механизма работы человеческого сознания в процессе их интерпретации. Важными в этой связи стали результаты совместных социологических обследований (в частности, среди студентов и преподавателей Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, а также жителей Финляндии). Эти исследования помогут определить, какое значение имеет современный Выборг для проживающих и проживавших здесь ранее различных социальных слоев населения. Предполагается выяснить, в чем заключаются основные различия и сходство в восприятии Выборга современными русскими и финнами, где, в каких сферах культурной, экономической, политической жизни эти различия и сходство выражены наиболее четко, определить перспективы развития в сторону усиления или ослабления «европейской» или «русской» составляющих в их взглядах на будущее города.

Промежуточные результаты исследования были опубликованы в ряде научных статей и материалов. Среди изданных в 2015 году работ заметное место занимает двухтомное издание

© Кащенко С. Г., Кащенко Е. С., 2016

документов и материалов по истории Выборга: История Выборга в документах и материалах. Т. 1. Ч. 1. Памятники Российского законодательства XVIII – начала XIX вв. Т. 1. Ч. 2. Отчеты губернаторов 1804–1811 гг. Т. 2. Вторая половина XVIII – начала XIX вв. Первый том этого издания состоит из двух частей, включающих памятники российского законодательства XVIII – начала XIX века и отчеты губернаторов за 1804–1811 годы, которые ранее не были введены в научный оборот. Это основной массив российских правительственных документов, в той или иной степени имеющих отношение к Выборгу, снабженных необходимыми комментариями. Документы отражают самые разные стороны жизни города в XVIII веке, затрагивающие, прежде всего, финансовые, судебные и военные вопросы. Так, решению финансовых проблем посвящены документы, связанные с проведением переписей, вносящие изменения в налоговую систему и таможенные тарифы, вводившие новые налоги или отменявшие старые. Примером в этом отношении может быть ситуация, сложившаяся после пожара 1738 года, нанесшего городу огромный ущерб.

Важной проблемой, которую не раз пытались решить в Петербурге, было особое положение Выборгской губернии и ряда других территорий, перешедших к России от Швеции после военных конфликтов. Здесь сохранялось особое законодательство, существовала своя налоговая система, своеобразные элементы административного устройства. Попытки унифицировать ситуацию, приблизить ее к положению других российских территорий были предприняты правительством Екатерины II в процессе проведения губернской реформы. С 1784 года на Выборгское наместничество было распространено действие «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», а в соответствии со старыми шведскими законами было предписано «поступать... в таких токмо случаях и обстоятельствах, на что нет в Высочайших Учреждениях точного предписания». Однако эти мероприятия не были осуществлены до конца. Так, например, российское уголовное и гражданское законодательство не было введено в Выборгском наместничестве, в разных его частях продолжали действовать старые шведские законы в нескольких редакциях. Позднее Александр I создал особую комиссию для «устроения Выборгской губернии», но после присоединения к Российской империи всей территории Финляндии эти мероприятия потеряли свою актуальность.

Публикация правительственных документов имела целью очертить те своеобразные законодательные рамки, в которых находились жители Выборга, без чего невозможно в полной мере получить представление о менталитете горожан.

Отчеты губернаторов Финляндской (Выборгской) губернии, опубликованные в первом томе, являются уникальным по своему информационному потенциалу источником начала XIX века. Ежегодные отчеты, адресованные императору, поступали также и в Министерство внутренних дел. Они давали представление о наиболее значимых сторонах жизни губернии и содержали предложения местной администрации о мерах, которые могли бы улучшить положение подведомственной территории. Начало XIX века – время появления первых губернаторских отчетов, многие из которых в полной мере сегодня еще не введены в научный оборот.

Второй том сборника открывают материалы, связанные с деятельностью «Уложенной комиссии» Екатерины II. С целью «сочинения» проекта нового «Уложения» было создано сословно-представительное учреждение – специальная комиссия, деятельность которой приходится на 1767–1768 годы. Ее выборными членами (депутатами) стали представители различных социальных слоев, представляющие разные территории империи. Депутаты получили возможность защищать свои интересы в процессе подготовки нового собрания законов. Правительство предполагало, что деятельность комиссии на практике покажет уровень политического развития российского общества, потенциальную возможность его сотрудничества с екатерининской государственной системой. Депутаты, получавшие наказы от своих избирателей, представляли их в Москве, во время работы комиссии, начавшейся летом 1767 года. Работа комиссии стала первым со времени прекращения созыва Земских соборов в XVII веке опытом широкого привлечения государственной элитой представителей разных социальных слоев для обсуждения узловых политических и экономических вопросов. Самое активное участие в работе комиссии принимали представители от дворянства и городского населения. В сборнике опубликован текст «Наказа, данного выбранному от общего дворянства Выборгской губернии депутату, его сиятельству господину порутчику, Ея Императорского Величества действительному камергеру, государственной адмиралтейской коллегии члену и разных орденов кавалеру, графу Ивану Григорьевичу Чернышеву»[3]. В этом документе затронут целый ряд важных для местного дворянства вопросов, связанных с сохранением и упрочением сословных привилегий, применением отдельных статей старого шведского законодательства, упорядочением системы землевладения, решением финансовых и экономических проблем. Наказ отражает существование межсословных и внутрисословных противоречий на территории губернии.

В сборнике документов и материалов нашли отражение сюжеты, связанные с военной историей Выборга. Составители представили ра-

нее не публиковавшийся рукописный журнал «Выборгский гарнизонный батальон. Приказы по батальону 1778 г.», сохранившийся в фонде «Российские военные документы» (Venäläisiä sotilasasiakirjoja) Национального архива Финляндии[4].

Важность подобных документов для истории Выборга не вызывает сомнения, так как здесь в 1770-е годы дислоцировались четыре гарнизонных батальона, укомплектованные из полков Финляндской дивизии. Интересен процесс формирования батальонов, игравших существенную роль в жизни города, особенности повседневной жизни русских солдат и офицеров, находившихся в Выборге в эти годы. Поскольку служба гарнизонного батальона включала и поддержание порядка, поимку преступников и розыск краденого, в журнале приказов нашли отражение чрезвычайные происшествия, случившиеся в течение года в Выборге и в гарнизоне.

Во втором томе продолжена публикация отчетов местных губернаторов. Если в первом томе были опубликованы отчеты по Финляндской (Выборгской) губернии за 1804–1811 годы, то во втором – табличные приложения к этим отчетам, содержащие большой статистический материал, касающийся ряда экономических вопросов, связанных прежде всего с обеспеченностью губернии продовольствием. Особое место во втором томе занимают материалы, имеющие отношение к переписям городского населения Выборга 1870–1910-х годов, проводившимся под руководством Статистического бюро Финляндии. Их результаты ранее не публиковались в виде специальных статистических сборников, а были представлены как отдельные выпуски продолжающегося издания «Suomen virallinen tilasto»[5].

Таким образом, собранные в этой книге материалы могут быть полезны для изучения политической, военной и демографической истории Выборга и окружающих его территорий.

Презентация первого тома книги состоялась 22 октября 2015 года на конференции в Йоэнсуу (The 3rd Finnish National Historical Research Days Conference). 16 ноября 2015 года оба тома были представлены общественности Выборга. Следует отметить, что некоторые промежуточные итоги проекта также подводились в 2014–2015 годах на российско-финляндских семинарах и конференциях в Выборге и Йоэнсуу.

В августе 2016 года в Хельсинки в рамках международной конференции по истории городов (The 13th International Conference on Urban History “Reinterpreting Cities”), проводимой European Association for Urban History, будут работать две секции: «Towns of Two-fold Memories and Mentalities Around the Baltic Sea» (руководители С. Г. Кащенко и Kimmo Juhani Katajala) и «Adapting City in the World of Changing Boundaries (16–20 Centuries)» (руководители К. Б. Назаренко (СПбГУ) и Kirsti Kyllikki Ekonen (University of Turku)), на которых будут доложены некоторые новые результаты работ по проекту.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-21-18001 а/м «Пространство Города: смысл и восприятие в прошлом и настоящем. Кросскультурное исследование истории Выборга XVI–XXI веков»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В Финляндии аналогичная программа национальной Академии получила название «Человеческий разум» (HUMANMIND, 2013–2016).

[2] Руководителями проекта стали профессор Сергей Кащенко (Sergey Kashchenko) и профессор Киммо Катаяла (Kimmo Katajala).

[3] Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 68. СПб., 1889. С. 83–94.

[4] Национальный архив Финляндии. Ф. «Российские военные документы» (Kansallisarkisto. Venäläisiä sotilasasiakirjoja). Оп. 342. Д. 2734.

[5] Suomenmaan Wirallinen Tilasto. Sarjaa VI. Wäkiluvun-Tilastoa. K. 3. Wäenlasku Maaliskuussa 1870 Helsingin, Turuun, Wiipurin ja Oulun kaupungeissa. Helsingissa, 1874 [Официальная статистика Суоменмаа. Цикл 6. Статистика по численности населения. Численность населения в Хельсинки, Турку, Выборге и Оулу на март 1870 года. Хельсинки, 1874]; Suomen virallinen tilasto. Sarjaa VI. Väkiluvun-Tilastoa. 20. Väenlasku Helsingin, Turun, Tampereen, Wiipurin, Oulun ja Porin kaupungeissa 1 p. Joulukuuta 1890. Ensimänen vihko. Helsingissä, 1893 [Официальная статистика Финляндии. Цикл 6. Статистика по численности населения. 20. Численность населения в Хельсинки, Турку, Тампере, Выборге, Оулу и Пори на 1 декабря 1890 года. Вып. 1. Хельсинки, 1893]; Suomen virallinen tilasto. Sarjaa VI. Väestö-Tilastoa. K. 35. Väenlasku Helsingissä, Turussa, Tampereella ja Viipurissa joulukuun 5 Päivänä 1900. Helsinki, 1904 [Официальная статистика Финляндии. Цикл 6. Статистика по населению. К. 35. Численность населения в Хельсинки, Турку, Тампере и Выборге на 5 декабря 1900 года. Хельсинки, 1904]; Suomen virallinen tilasto. Sarjaa VI. Väestö-Tilastoa. K. 44 (3). Väenlasku Viipurissa joulukuun 7 p. 1910. Taululiittet. Helsinki, 1914 [Официальная статистика Финляндии. Цикл 6. Статистика по населению. К. 44 (3). Численность населения в Выборге на 7 декабря 1910 года. Таблицы в приложении. Хельсинки, 1914].

Поступила в редакцию 12.01.2016

№ 1 (154). С. 106–108 **Рецензии** **2016**

УДК 821.511.111

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛОБСКИЙ
Lic. Phil., преподаватель кафедры русского языка и культуры, Университет Ювяскюля (Ювяскюля, Финляндия)
alexei.a.lobski@jyu.fi

Рец. на кн.: **Pelo R. Jokapäiväinen elämämme. Teos, 2013. 526 s.**

В начале 20-х годов прошлого века М. Цветаева задумывала книгу, которая должна была стать совместным произведением матери и дочери. Книга должна была, по мысли Цветаевой, называться «Земные приметы» и состоять из двух частей. Так она писала об этом Р. Гулю: *«"Земные приметы" 1 т. то, что я сейчас переписываю – это мои записи, "Земные приметы" 2 т. – это Алины записи, вначале записанные мной, потом уже от ее руки: вроде дневника. Такой книги еще нет в мире. Это ее письма ко мне, описание советского быта (улицы, рынка, детского сада, очередей, деревни и т. д. и т. д.), сны, отзывы о книгах, о людях – точная и полная жизнь души шестилетнего ребенка*» [2: 446].

Роман финской писательницы Риикки Пело «Jokapäiväinen elämämme» *(Наша каждодневная жизнь)*, повествующий о Марине Цветаевой и ее дочери Ариадне Эфрон, вышедший в 2013 году и удостоенный главной литературной премии «Финляндия», в какой-то степени воплощает задуманное Цветаевой. Роман написан в форме дневниковых записей, о чем говорят и не отличающиеся разнообразием названия глав: «Август 1923», «Август 1939». Одинаково называющиеся главы чередуются между собой, передавая «дневниковую» особенность жизни и творчества Марины Цветаевой. Из ежедневных страничек складывается жизнь, и в то же время жизнь эта, в высшем своем проявлении, абсолютно не эквивалентна дневнику. Сюжетная линия затрагивает в основном два периода жизни Цветаевой: 1923 год – начало эмиграции, когда Марина и ее дочь Ариадна живут в маленькой чешской деревне под Прагой, и 1939 год – возвращение М. Цветаевой на родину. Заключительные главы романа называются «Август 1941» и повествуют о последних днях Марины Цветаевой в Елабуге и буднях Ариадны Эфрон в воркутинском лагере.

Основной темой произведения становятся отношения матери и дочери: Марины Цветаевой и Ариадны Эфрон. И через эту вечную тему *«отцов и детей»* раскрываются такие мотивы, как творчество, одиночество, любовь во всех ее проявлениях: любовь к матери, дочери, любовь между мужчиной и женщиной, однополая любовь, любовь к родине, любовь к слову. Любовь безмерная, как и все у Цветаевой, проявленная в высшей степени, запредельная, с верхнего «до». В статье *«Поэт и проза»* Иосиф Бродский писал: *«Марина часто начинает стихотворение с верхнего "до", – говорила Анна Ахматова. То же самое, частично, можно сказать и об интонации Цветаевой в прозе»* [1: 63]. В так называемых «чешских» главах романа Р. Пело рассказывает о мечте Цветаевой создать книгу, которая будет называться *«Приметы буден / Будничные приметы»*. Вероятнее всего, здесь речь идет именно о вышеназванных «Земных приметах». Романная Цветаева также планирует, что это будет ее совместный труд с дочерью Ариадной. *«За время всей их поездки, и за весь год, что они жили в этой деревне, которая на самом деле была красивее, чем ее название, Аля писала вместе с ней. Земные приметы или Знаки повседневности, она (Марина) еще не была уверена относительно названия. Но это должен был быть их совместный труд. Голоса их обеих, сплетенные воедино, единое дыхание, единая душа. Их Москва, одна на двоих, окутанная общими воспоминаниями, как елка серпантином. Их изгнание, их любовь, их язык. В одной-единственной книге целая жизнь, все советские будни, весь этот вещественный повседневный (будничный) мир, который никогда не успевал сформироваться и который пытался загнать в угол их обеих. Все, что они могли бы вспомнить здесь, через год после своего отъезда, об улицах, площадях, сиделках, должно было собраться воедино» (Перевод мой. – А. Л.)* [5: 23–24]. Но в романе так же, как и в реальной жизни, эта совместная книга не состоялась.

Название романа, думается, доставит будущему переводчику немало хлопот. *«Наша каждодневная жизнь»* (прямой перевод с финского) звучит для русского уха не совсем благозвучно, поэтому скорее всего русское издание романа потребует иного названия. «Каждодневная жизнь» ассоциируется в первую очередь с жизнью будничной, однако судьба Марины Цветаевой отрицает эту будничность, и подтверждение тому мы находим у нее самой: *«Я не стою ни за одну свою земную примету, то есть: в слове "земные приметы" я "земные" (вещественность) уступаю, примету (смысл) – нет. Я не стою ни за одну свою земную примету в отдельности, как ни за один свой отдельный стих и час, – важна совокупность. Я не стою даже за совокупность своих земных примет, я стою только за право их на существование и за правду – своего»* [2: 117]. Однако тема «каждодневности» здесь неслучай-

© Лобский А. С., 2016

на. Об особой роли *«обыденности и повседневности»* для творчества Цветаевой рассказывает Ариадна Эфрон в воспоминаниях о своей матери: *«Всегда поражавшее меня свойство Марининых лирических тетрадей (в их числе и этой, первой чешской, переплетенной в полосатый коленкор, с Сережиной дарственной надписью): сквозь их страницы просвечивают творчески преображенные календарные листки давно прошедших лет с их ничем не примечательными повседневностями, та растворившаяся в небытии реальность, обыденность, которая столь часто служила причиной возникновения столь отвлеченных от обыденности произведений. Листкам календаря уцелевших повседневностей могут уподобиться некоторые записи моих детских дневников; по ним легко прослеживаются непосредственные первопричины иных цветаевских стихотворений, вернее то, как случайность первопричин выводила на поверхность листа Маринину мысль, непрестанно подспудно работавшую в ней»* [3: 47].

Слово «каждодневность», вынесенное в заглавие романа и довольно часто встречающееся на протяжении всего текста произведения, указывает и на такую характерную цветаевскую тему, как человек и время (поэт и время). Практически в самом начале романа упоминается строка из шекспировского «Гамлета», известная русскому читателю как *«Распалась (пала) связь времен»*. В прямом переводе с финского языка она звучит как: *«Время сдвинулось (сошло) со своего места»* (а в переводе Пастернака: *«Порвалась дней связующая нить»*). Обещанная названием романа связность дней (жизнь, состоящая из дней, цепляющихся друг за друга) на самом деле оказывается разорванной, что подтверждается уже на уровне структуры повествования: действие романа происходит в двух временных пластах, постоянно «перескакивая» из года 1923-го в год 1939-й. И потому духовные искания главных героев романа, Марины и Али, это своеобразная попытка преодолеть («сшить») эту разорванность между двумя близкими людьми. Неслучайным видится и эпиграф к роману, который Р. Пело взяла из «Поэмы конца» в переводе Кайсы Ийяс:

Paljaimmillaan rakkaus on rivi neulanpistoja,
Sauma, ei side eikä kilpi, vaan sauma
Älä siis pyydä suojaa.
Sillä neulanpistot, joilla kuolleet on
ommeltu maahan
ovat lujat kuin tikut, joilla minut on
saumattu sinuun.
(Ибо – без лишних слов
Пышных – любовь есть шов.
Шов, а не перевязь, шов – не щит.
– О, не проси защиты! –
Шов, коим мертвый к земле пришит,
коим к тебе пришита.)

Имя дочери Цветаевой является символичным – Ариадна, то есть та, в чьих руках находится путеводная нить. Невозможность оторваться друг от друга («*порвать швы*») есть оборотная сторона привязанности к близкому человеку.

Название книги таит в себе еще один смысл. Оно отсылает нас к тексту молитвы *«Отче наш»*. Строка из молитвы, которая на русском языке известна как *«хлеб насущный даждь нам днесь»*, в прямом переводе с финского звучит как «хлеб наш каждодневный дай нам». Каждодневная жизнь, таким образом, соотносится с *насущным хлебом*. Поэтому, помимо «дневниковости», роман также может быть прочитан как молитвенное слово, обращенное напрямую к Богу. *«Отче наш»* является самой «знакомой» и интимной молитвой в христианском молитвослове. В своем творчестве, а также в своих письмах Цветаева не раз обращалась к библейской символике, и существует большой соблазн рекомендовать будущему переводчику в качестве варианта названия строку из цветаевского «Реквиема» – *«и будет жизнь с ее насущным хлебом»*. Однако оставим переводчику решать самому эту задачу.

Еще одна трудность, с которой столкнется переводчик романа, это передача ритмики финского текста на русский язык. Как на одну из удач Р. Пело финские критики указали на то, что в своих лучших местах роман «звучит», автору удается фонетическая организация повествования. И это особенно важно для произведения, которое рассказывает о крупнейшем поэте XX века. В своем интервью С. Волкову Бродский настаивает на фонетической особенности цветаевских текстов: *«У Цветаевой звук – всегда самое главное, независимо от того, о чем идет речь»* [1: 31]. Об этом говорит и сама Цветаева*: «Есть нечто в стихах, что важнее их смысла – их звучание»* [2: 371]. Без этого попадания, без попытки приблизиться к звукописи цветаевских текстов роман был бы обречен на провал. Дневниковые главы, чередующиеся между собой, в свою очередь, перемежаются небольшими фрагментами без названия. Эти фрагменты представляют из себя поэтические мысли вслух, своеобразный поток сознания, лирические отрывки из дневника Али или Марины, являясь по сути «дневником в дневнике» и тем самым усложняя сюжетно-композиционную организацию романа. Именно в этих коротких текстах-вставках Р. Пело пытается приблизиться к поэтической форме, к духу цветаевского текста, к той самой «истине души» поэта. В этих местах романное повествование приобретает удивительную легкость и трогательность. Именно такими лирическими строками Пело заканчивает свой роман:

...а стихи как твои глазоньки,
как сияющие звездочки,
словно синь озер глубокая,
темной радостью наполнены
(Перевод мой. – А. Л.).

В рецензии на роман в финском журнале «*Ajan kohina*» *(Шум времени)* [4] высказано опасение, что перевод романа на русский язык «разворошит осиное гнездо», так как роман написан о таком неординарном явлении русской (по мнению И. Бродского, и мировой) поэзии XX века, как Марина Цветаева. В журнале «*Kirjailija*» *(Писатель)* Р. Пело так объясняет свой писательский метод: *«Я приближалась к Цветаевой через пробелы в ее жизнеописаниях, заполняемые вымыслом. Моя книга стремится к тому, чтобы быть "правдой души" в отношении жизни Марины и Али, а не одномерным историческим повествованием»* [6: 15]. Несмотря на то что автор романа декларирует доминирование многомерного вымысла над биографической одномерностью, с трудностью отделить реально существовавших людей от литературных персонажей столкнутся, вероятно, многие, кто захочет прочитать роман. Придирчивое отношение русского читателя, весьма возможно, будет связано и со смелостью нерусскоговорящего, инокультурного автора. Придирчивость эта понятна, хотя русская литература знает немало случаев обращения к историческим лицам другой культуры (Моцарт у Пушкина, Леонардо да Винчи у Мережковского, Шекспир у Домбровского). Может быть, предвидя эти гипотетические претензии, Р. Пело указала в конце произведения (совсем не обязательные для художественного текста) источники, которыми она пользовалась при написании книги.

В последней главе романа говорится о встрече Ариадны и Марины (предыдущая глава рассказала о самоубийстве М. Цветаевой): Марина «приходит» к Ариадне, и между матерью и дочерью происходит разговор, который подводит определенный итог трудных отношений главных героинь: «*Моя история, Марина, началась с твоей любви. И она закончится там, где закончится любовь, твоя любовь ко мне. И там мне надо искать себя, искать снова и снова»* [5: 519]. Ариадна находит желание писать, теперь уже не под давлением матери, а как свое собственное осознанное желание.

В своих неосуществленных «Земных приметах» М. Цветаева сказала: *«Нужно писать только те книги, от отсутствия которых страдаешь. Короче: свои настольные»* [2: 120]. Хочется верить, что Риикка Пело написала именно такую – настольную – книгу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский И. О Цветаевой. М.: Независимая газета, 1997. 208 с.
2. Цветаева М. Избранная проза. 1917–1937: В 2 т. Т. 1: Предисловие. Из дневников и записей, 1917–1920 гг. Литературные эссе. Воспоминания. Из рассказов. Приложение / Сост., подгот. текста и примеч. А. Сумеркина; Вступ. ст. И. Бродского. New York: Russica Publishers, Inc., 1979. 459 с.
3. Эфрон А. История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Р. Б. Вальбе. Т. 3. М.: Возвращение, 2008. 392 с.
4. Ajan kohina [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blogs.helsinki.fi/venalainen-kirjallisuus/files/2013/08/Pelo.pdf (дата обращения 12.10.2015)
5. Pelo P. Jokapäiväinen elämämme. Teos, 2013. 526 s.
6. Saxell Jani. Eurooppalainen Tsvetajeva // Kirjailija. 2014. № 4. С. 4–15.

Поступила в редакцию 02.09.2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (154). С. 109–110 **Рецензии** **2016**

УДК 821.161.1

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nvpatr@list.tu

Рец. на кн.: **Шестакова, Л. Л. Поэзия в словарном измерении. – Москва: Вест-Консалтинг, 2014. – 68 с.***

Новая книга Ларисы Леонидовны Шестаковой, ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доктора филологических наук, члена секции лексикографии Союза литераторов России, руководителя постоянного научного семинара по писательской лексикографии, ответственного редактора и одного из составителей «Словаря языка русской поэзии XX века» [2], получившего широкое признание филологической общественности [1], посвящена некоторым вопросам теории, истории и современного состояния писательской лексикографии, а также включает филологические разборы некоторых стихотворных текстов с опорой на данные авторских словарей.

Создание словарей языка русских поэтов (индивидуальных или связанных с каким-либо периодом в развитии литературы), в том числе компьютерная лингвография, с такими подразделами, как лексикография, фразеография, морфемография, паремиография, – активно и плодотворно развивающееся в современной лингвистике и стилистике направление: к началу XXI века завершена или продолжается работа над целым рядом словарей авторского языка и конкордансов, самым известным среди которых стал «Словарь языка Пушкина» (1956–1961)[1] – юбилею именно этого классического лексикографического издания посвящена глава «Хоть и заглядывал я встарь в Академический Словарь…», заглавием которой стали строки из «Евгения Онегина». «Первым опубликованным в России словарем языка отдельного поэта» [3: 9] явился «Словарь к стихотворениям Державина», составленный академиком Я. К. Гротом (1883).

Апробированные уже методики создания словарей и конкордансов позволяют выявить общеязыковые и индивидуально-авторские словоупотребления, зафиксировать лексическую многозначность и омонимию, представить толкования значений, выяснить морфологические особенности используемых поэтами слов и словоформ разных частей речи, проанализировать грамматические и смысловые особенности ключевых слов, слов в позиции рифмы, частотность лексем и словоформ и т. п. Авторская лексикография переживает сегодня процесс активного развития; ее методология, терминологический аппарат, теоретические основы – все это требует многостороннего осмысления и систематизации, а также разработки принципиально новых подходов к представлению словарных материалов и внедрения новых типов писательских словарей, заключает Л. Л. Шестакова в разделе книги «Русская поэзия в словарном измерении».

Следующие главы книги посвящены лингвопоэтическому анализу стихотворений О. Мандельштама «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы…», «Я иду дорогой скорбной…» М. Волошина, «Звонитьлететь» Д. Хармса и «Смятенье облаков» Е. Шварц.

В разборе первого текста, построенного на характерном для мандельштамовской поэзии «сближении удаленных по смыслу, но сходных по звучанию слов» [3; 18] – парономасов, Л. Л. Шестакова сосредоточивается на многозначном и трудном для семантической трактовки соположении ключевых слов «тяжесть» и «нежность», за которыми при медленном чтении только угадывается оппозиция жизни и смерти, духовного и телесного, подчеркиваемая в стихотворении также и звукописью. Семиотический анализ текста дополняется разбором его архитектоники, лексического состава, фонетического и грамматического устройства. Так, лексемы «земля» (вместе с образами «песка» и знакового для всего мандельштамовского творчества и мироощущения «камня»), «вода», «воздух» создают богатый аллюзийный ореол, отсылающий читателя к натурфилософским «первоначалам» бытия. «Сети», «плуг», «черные носилки» вводят известный уже фольклору и античной поэзии (вспомним «Труды и дни» Гесиода) символический план, связанный с мотивом смерти. Широкий интертекстуальный ореол образов «имени» (= Логоса), «солнца», «розы» и «медленного водоворота» времени также является предметом пристального внимания Л. Л. Шестаковой. Таким образом, «тяжесть» и «нежность» в мандельштамовской картине мира становятся взаимопроникающими, тесно переплетающимися, однородными в своей первооснове сущностями, о чем говорит не только повтор звукообразов [с], [т], [н], но и композиционный (начально-конечный) повтор ключевых слов стихотворения.

© Патроева Н. В., 2016

После разбора одного из опытов мандельштамовского сборника «Tristia» Л. Л. Шестакова погружает своего читателя в не менее таинственную атмосферу цикла «Киммерийские сумерки» М. Волошина. Пейзажная лирика, естественно, насыщена лексикой, связанной с темой природы, однако Волошин вплетает в структуру своего произведения и мотивы странничества, пути/дороги. Волошинский словарь, например, всего двух четверостиший «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель…» вбирает 51 слово, в целом нося именной (по преимуществу атрибутивно-адъективный) характер, по наблюдениям Л. Л. Шестаковой, что, однако, не мешает тексту быть насыщенным динамикой, передавать идею изменения, развития мира и трансформации отношений человека с природой, поскольку в системе стихотворения важную роль играют также глаголы и причастия: «иду», «припаду», «причащусь», «розовеет» (*миндаль*), «лежит» (*земля*), «размытых» (*гор*), «задыхающейся» (*волны*), «распятый» (*Коктебель*). Интересен вывод автора книги о библейских аллюзиях, связанных с повторяющимися в волошинском тексте звукосочетаниями *стр*, *рст,* напоминающими читателю об имени бога *Христос*.

Глава «Принцип серийности в стихотворении Даниила Хармса ”Звонитьлететь”» открывается определением характерного для поэзии обэриута понятия «серийности» как «однородности, однотипности, реализуемой в рядах предметов, признаков, действий и т. п.», причем, по мнению Л. Л. Шестаковой, «в случае, если речь идет о серийности, замкнутой рамками художественного, поэтического текста, то здесь важно выявление начал и концов серий. Важно понятие воспроизводимости, а также неполной однородности (неполной гомогенности) образующих серию единиц (отклонений и нарушений от начала серии)» [3: 36]. Далее автор монографии рассматривает вертикальные (создаваемые дериватами с корневыми морфемами -лет- и -звон-) и горизонтальные (формируемые субъектно-предикатными конструкциями) «серии» 48-строчного стихотворения с окказиональным отглагольным заглавием, отмечая, что чередование личных и вербоидных глагольных форм подчеркивает «сменяемость» видо-временных, более конкретных, и обобщенных инфинитивных членов парадигмы, а следовательно, демонстрирует ту самую неполную гомогенность похожих единиц ряда, отклонение и нарушение «от начала серии», некий грамматический хаос, а вместе с тем и алогичность, свободу предметных связей в хармсовской версии мира.

Чем-то сродни «Звенетьлететь» оказывается картина мировых трансформаций, преображений, перевоплощений, явленных в стихотворении Елены Шварц «Поэтика живого», и динамика, контраст метаморфоз подчеркивается, как доказывает в ходе предложенного в заключительной главе книги лингвопоэтического анализа Л. Л. Шестакова, необычными синтактико-семантическими связями включенных в круговорот активного и пассивного, реального и фантастического качественных прилагательных и глаголов, с грамматическими «смещениями», «аномалиями», столь характерными для поэзии русского авангарда эпохи постмодернизма.

Монография Л. Л. Шестаковой, вышедшая в серии «Визитная карточка литератора», позволяет читателю не только получить представление об успехах и достижениях современной авторской лексикографии, о специфике идиостиля отдельных русских поэтов XX столетия, но и приоткрывает завесу над тайнами филологического мастерства, заставляет задуматься над возможностью новых подходов к анализу художественного целого. Книга будет, несомненно, полезна специалистам, исследующим стилистику поэтического текста, преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем, кому интересен язык русской лирики.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации научно-исследовательского проекта № 15-04-00180.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] На протяжении последних десятилетий созданы словари языка А. Пушкина, М. Ломоносова, Н. Клюева, М. Цветаевой, М. Кузмина, А. Твардовского, а также словари рифм (М. Ломоносова, А. Блока, С. Есенина, М. Цветаевой, И. Анненского, Н. Рубцова и др.), частотные словари (приложение к «Лермонтовской энциклопедии»), словари ключевых слов (например, Г. Иванова), словари окказионализмов (В. Маяковского, В. Хлебникова, И. Северянина, Е. Евтушенко и др.). См. подробный обзор и библиографию в [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлицкий Ю. Б. Рец. на кн.: Словарь языка русской поэзии XX века. Том V: Н–Паяц / Сост.: Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Колодяжная Л. И., Гик А. В., Фатеева Н. А. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 1016 с. – (Studia Philologica) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 7 (144). С. 117–118.
2. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–V. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2001–2013 (продолж. изд.).
3. Шестакова Л. Л. Поэзия в словарном измерении. М.: Вест-Консалтинг, 2014.
4. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история и современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Поступила в редакцию 01.02.2016

6 января 2016 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии нашего журнала *Александру Михайловичу Пашкову.*

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

К 60-летию со дня рождения

А. М. Пашков родился г. Кондопоге. С 1973 по 1978 год учился на историко-филологическом факультете Петрозаводского университета, по окончании которого работал учителем истории Гирвасской СОШ Кондопожского района, затем секретарем Кондопожского РК ВЛКСМ. В 1982 году поступил в очную аспирантуру Московского государственного историко-архивного института. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2011 году – докторскую. С 1988 года работает в Петрозаводском государственном университете, в течение десяти лет был заведующим кафедрой отечественной истории исторического факультета. В настоящее время профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, руководитель Научно-образовательного центра «Русский Север».

Область научных интересов А. М. Пашкова связана с историей России 1613–1801 годов, источниковедением, историей Карелии.

Александр Михайлович имеет 239 публикаций, 6 монографий и 19 статей на иностранных языках, вышедших в Финляндии, Швеции, Франции и Эстонии. Принимал участие как автор одной из глав в подготовке международного учебного пособия на английском языке по истории Баренц-региона. Под научным руководством Александра Михайловича защищено три кандидатских диссертации. Активный участник международных и всероссийских конференций и семинаров. В 2010–2012 годах являлся руководителем с российской стороны российско-финского научного проекта «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 годах: эволюция идентичностей, религии и языка», выигравшего совместный конкурс РГНФ и Академии Финляндии. Член Центрального совета Союза краеведов России.

А. М. Пашков является заслуженным деятелем науки РК, награжден почетной грамотой Министерства образования и науки РФ и знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

От всей души поздравляем Александра Михайловича с юбилеем, желаем новых открытий в науке и педагогической деятельности!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

29 января 2016 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору, главному научному сотруднику сектора языкознания, руководителю Научно-образовательного центра гуманитарных исследований Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, члену редакционного совета нашего журнала *Ирме Ивановне Муллонен.*

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНЕН

К 60-летию со дня рождения

И. И. Муллонен родилась в г. Петрозаводске. В 1978 году закончила историко-филологический факультет по специальности «Финский язык и литература» Петрозаводского университета. После окончания в 1981 году очной аспирантуры Карельского филиала АН СССР становится сотрудником сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН. В 1983 году в Тарту защищает кандидатскую диссертацию «Гидронимия бассейна реки Ояти», в 2000 году в Йошкар-Оле – докторскую «Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования». С 2005 по 2016 год – директор Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. С 1993 года занимается преподавательской деятельностью на кафедре прибалтийско-финской филологии филологического факультета ПетрГУ. Является председателем ученого совета ИЯЛИ КарНЦ РАН, членом ученого совета факультета прибалтийско-финской филологии и культуры ПетрГУ.

И. И. Муллонен – один из ведущих специалистов в области прибалтийско-финской ономастики Карелии и Северо-Запада России, занимающийся исследованием взаимодействия топонимических систем в результате этноязыкового контактирования.

Ирма Ивановна является автором около 200 научных работ в области теоретической и финно-угорской ономастики, прибалтийско-финского языкознания. Она организует и ежегодно участвует в полевых экспедициях по сбору ономастического материала. При ее активном участии, а впоследствии под ее непосредственным руководством сформирована одна из лучших в России топонимических картотек, насчитывающая около 300 000 карточек. Ирма Ивановна является руководителем ряда проектов РГНФ, участником и координатором международных проектов, поддержанных Академией Финляндии; членом редколлегий ряда научных журналов, специализирующихся на финно-угорском языкознании и ономастике.

И. И. Муллонен – почетный член Финно-угорского общества, заслуженный деятель науки РК, лауреат года РК (2014).

От всей души поздравляем Ирму Ивановну с юбилеем, желаем крепкого здоровья и новых свершений в научной деятельности!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

16 февраля 2016 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, доценту, заведующему кафедрой отечественной истории, директору Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии нашего журнала *Сергею Геннадьевичу Веригину.*

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

К 60-летию со дня рождения

С. Г. Веригин родился в г. Бобруйске Могилевской области. После окончания в 1973 году СОШ № 4 г. Сегежи поступил на историко-филологический факультет Петрозаводского университета, после окончания которого работал учителем истории в г. Петрозаводске. В 1980–1983 годах – аспирант кафедры истории КПСС ПетрГУ, с этого же времени начинает работать преподавателем. В 1984 году присвоена ученая степень кандидата исторических наук, в 2012 году Сергей Геннадьевич защищает докторскую диссертацию в Институте российской истории РАН (Москва). С 1993 года – декан исторического факультета, с 2014 года – директор Института истории, политических и социальных наук.

Основное научное направление С. Г. Веригина – исследование истории Карелии и Финляндии периода Второй мировой войны, советско-финляндских отношений в 1920–1950-е годы.

Сергей Геннадьевич опубликовал более 200 научных работ, из них 18 – в иностранных издательствах на английском и финском языках, 6 монографий. Подготовил пять кандидатов наук. Принимает активное участие в международных научных проектах, международных и всероссийских научных конференциях и семинарах.

С. Г. Веригин является председателем Карельского регионального отделения Российского военно-исторического общества, членом-корреспондентом Академии военно-исторических наук, директором Международного научно-образовательного центра по истории и культуре Северо-Европейского открытого университета при ПетрГУ.

С. Г. Веригин – заслуженный работник образования РК, заслуженный деятель науки РК, награжден почетными грамотами РК, МО РФ, Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, знаком «Почетный работник высшего и профессионального образования РФ».

От всей души поздравляем Сергея Геннадьевича с юбилеем, желаем успехов в научно-педагогической деятельности и процветания родного института!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

ХРОНИКА

■ 11–12 февраля 2016 года в Национальной библиотеке Республики Карелия прошла X юбилейная научная конференция «Краеведческие чтения – 2016».

На протяжении десяти лет на Краеведческих чтениях собираются ученые и специалисты, занимающиеся профессиональными краеведческими исследованиями, и краеведы-любители.

Организаторами конференции выступили Национальная библиотека РК, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН; партнерами конференции стали Управление Октябрьской железной дороги, Национальный музей РК, Национальный архив РК. Активное участие в конференции приняли преподаватели, магистранты и студенты филологического факультета, Института истории, политических и социальных наук, Института физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета.

На X юбилейной конференции первый день и пленарные доклады, и секции (1. История строительства Мурманской железной дороги. 2. Мурманская железная дорога в истории, экономике и культуре края. 3. Железная дорога в условиях войны) были полностью посвящены 100-летию Мурманской железной дороги. Второй день работы также открывался пленарным заседанием, работали следующие секции: 1. История. 2. Проблемы образования и детства. 3. Культура и историческая память.

К открытию конференции в библиотеке были организованы книжно-предметные выставки «Страницы истории железной дороги в Карелии» с использованием экспонатов музея Петрозаводского филиала ПГУПС и выставка значков из личной коллекции В. И. Рюнтю «Я с детства люблю гудки паровозные». В дни работы конференции проходила традиционная выставка «Новые книги о Карелии», предлагающая краеведческие издания за последний год.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен с 1 декабря 2015 года в новый Перечень ВАК по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37987 выдано 2 ноября 2009 г.).

Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования с 2008 года, информация об опубликованных научных статьях предоставляется в течение недели после даты выхода очередного номера. Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN 1998-5053 (Print). Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» и в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.). Архив журнала передается в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещается на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru, а также в «Университетской библиотеке онлайн» (http://biblioclub.ru); в открытой научной электронной библиотеке «CYBERLENINKA» и размещается по адресу: cyberleninka.ru.

Доставка обязательных экземпляров журнала в Российскую книжную палату (16 экз.) и Книжную палату Республики Карелия (3 экз.) осуществляется с 2008 года.

В 2009 году заключен договор с ОАО «Агентство “Роспечать”» на подписку по каталогу «Издания органов научно-технической информации», подписной индекс – 66094.

Журнал бесплатно рассылается более чем в 30 российских вузов и за рубеж: в Национальную библиотеку Конгресса США, в библиотеки университетов Финляндии, Западно-Саксонского университета прикладных наук в Цвиккау (Германия), Института исследований Восточной и Юго-Восточной Европы (Регенсбург, Германия), Тартуский университет (Эстония), Харьковский университет (Украина) и Белорусский ГУ (Минск).

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Все публикуемые научные статьи имеют аннотацию и ключевые слова как на русском, так и на английском языке, библиографические списки и References, оформленные в соответствии с правилами журнала.

Статьи принимаются в течение года. Публикация статей бесплатная.

Все поступающие в редакционную коллегию рукописи после регистрации проходят этап обязательного конфиденциального рецензирования.

Приглашаем к сотрудничеству преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и студентов Петрозаводского государственного университета, а также других вузов и научных учреждений Карелии, России и зарубежных стран. Мы будем рады разместить ваши материалы на страницах журнала!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Представляемые рукописи должны соответствовать тематике журнала и содержать материалы, не опубликованные ранее в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. **Объем** оригинальной и обзорной статьи не должен превышать один печатный лист. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов:

УДК (индекс универсальной десятичной классификации) в левом верхнем углу.

Сведения об авторе: имя, отчество, фамилия автора(ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: должность, кафедра, факультет, вуз; город, страна; электронный и почтовый адреса, контактные телефоны.

Название статьи жирным шрифтом заглавными буквами.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних фраз (например, «автор статьи рассматривает...»), не включать несущественные детали, применять значимые слова из текста статьи. Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация предназначается для компетентной аудитории, включая международную, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию дисциплины. Текст аннотации должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «moreover», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать одно из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т. е. “The study tested”, но не “It was tested in this study”.

Ключевые слова – от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания россий-

ских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке. Правила транслитерации можно посмотреть на сайте http://www.translit.ru/ и бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу: выбрав вариант системы Board of Geographic Names (BGN), мы получаем изображение всех буквенных соответствий.

В тексте статьи ссылка дается в квадратных скобках, через двоеточие – цитируемая страница, если это необходимо.

Примечания, список сокращений, архивные и другие источники даются в виде концевых сносок.

На **английский язык** необходимо перевести ФИО автора(ов), место работы, город, страну, название статьи, аннотацию и ключевые слова, и разместить данные после списка литературы перед **References**.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы предоставляются в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc).

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и предоставляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .bmp). В бумажной версии на обороте каждой иллюстрации ставится номер и пометка «верх», «низ». В тексте статьи указывается место таблицы или рисунка.

Правила предоставления иллюстраций. Растровые форматы: рисунки и фотографии, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, градации серого. Векторные форматы: рисунки, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial.

Правила предоставления диаграмм и графиков. Графики и диаграммы должны быть созданы в табличном процессоре Exel и присылаться вместе с исходными численными данными в одном файле с расширением xls. При создании графиков использовать черный, белый цвета и градации серого, избегать применения трехмерной графики, градиентных заливок и т. д. Все надписи и числа на графиках желательно делать, используя «жирный» шрифт ArialCyr, размер 14. На самом графике не должно быть названия, оно должно быть отражено в подрисуночной подписи. В виде растрового изображения могут быть представлены графики, полученные с помощью специальных программ статистической обработки.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Редакция оставляет за собой право внесения в текст редакторских изменений, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, редакция не рассматривает.

Решение о публикации принимается редакционными коллегиями журнала.

Более подробную информацию по оформлению статей смотрите на сайте: **uchzap.petrsu.ru**.

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Krotov P. A., Pashkov A. M., Pigin A. V.
PETER THE GREAT AND FADDEI THE BLESSED: FROM THE HISTORY OF PETROZAVODSK PINAFORE STAGE OF EXISTENCE 7

Linnik Yu. V.
VENERATION OF THE PROPHET ELIJAH IN VODLOZERO 13

Nazarenko K. B.
"ELITE CLUB": RUSSIAN AND EUROPEAN OFFICERS IN V. S. SAVONKO'S DIARIES 19

Akin'shin A. N.
ARCHBISHOP IGNATY: HIS LIFE JOURNEY FROM PETROZAVODSK TO VORONEZH 24

Slavnitskiy N. R.
MAINTENANCE OF VYBORG GARRISON IN 1710–1712 29

Suvorov Yu. V.
F. LASSALLE ON LEGAL ASPECTS IN RELATIONS BETWEEN SOCIETY AND THE STATE 32

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gubanov S. A.
THE ASPECT OF EPITHET AND SUBSTANTIVE COMPATIBILITY (BASED ON M. TSVETAEVA'S WORKS) 37

Kazyaba V. V.
NOMINAL TRANSPOSITION OF NICKNAMES EMPLOYED BY GERMAN-SPEAKING INTERNET USERS 43

Neganova G. D.
THE NAMES OF AGRICULTURAL LANDS IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF KOSTROMA LOWLAND 49

Nikolaeva O. O.
TEXTUAL REALIZATION OF LITERARY TOPOCHRONOS IN BERNHARD SCHLINK'S SHORT FICTIONAL PROSE 53

Semakov V. V.
OLD RUSSIAN PRETERITS IN METALINGUISTIC TEXTS OF THE XVII – BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES. 60

Kunil'skiy D. A.
KOHANOVSKAYA'S NAME IN POLEMICS OF POCHVENNIKS AND SLAVOPHILS 68

Safron E. A.
O. I. SENKOVSKY'S NOVEL "BROWNIE'S NOTES": IN SEARCH OF THE URBAN FANTASY ROOTS 74

Agapitova E. K.
TWO EDITIONS OF IVAN EFREMOV'S NOVEL "A RAZOR'S EDGE" 78

Balaban A. I.
A. P. CHEKHOV AND FRENCH READERS: THE ROLE OF EMIGRANTS IN POPULARIZATION OF A. P. CHEKOV'S WORKS 83

Kuykina E. S.
ANCIENT PLOTS FROM APOLLODORUS'S WORK "MYTHOLOGICAL LIBRARY" IN V. A. ZHUKOVSKY'S CREATIVE PERCEPTION . . . 88

Discussions

Grot L. P.
How a chronical miracle turned into "Estonian tribes" 93

Reviews

Ivanova I. P.
The book review: Patroeva N. V. The syntax and architectonics of "The Lay of Igor's Warfare" and its poetic adaptations in XIX–XX centuries 101

Kashchenko S. G., Kashchenko E. S.
The book review: Viborg's history in documents and materials (In two volumes) 103

Lobskiy A. S.
The book review: Pelo R. Jokapäiväinen elämämme. . . 106

Patroeva N. V.
The book review: Shestakova L. L. Poetry in verbal dimension 109

Jubilations

To the 60th birthday anniversary of A. M. Pashkov . . . 111
To the 60th birthday anniversary of I. I. Mullonen. 112
To the 60th birthday anniversary of S. G. Verigin 113

Scientific information 114

Info for the authors 115